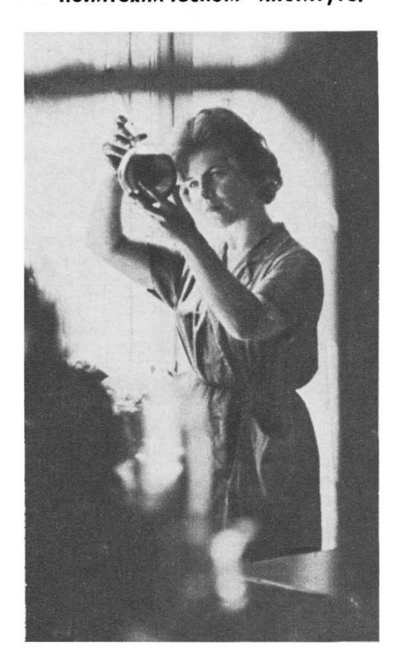

ОГОНЁК
№ 42 ОКТЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В обеденный перерыв встретились начальник участка цеха мокрой обработки Сапарбек Беркетов, фильтровщик Надежда Жукова и оператор Жолкен Акимбаева.

Лаборантка Людмила Тюрина учится во Всесоюзном заочном политехническом институте.

ПАВЛОДАРСКИЙ

Виктор ЩЕКАЧЕВ

Фото М. САВИНА.

Вот уже который день подряд степь застилает бурой завесой, отчего люди, машины, дома кажутся красными — и все перемешивается, расплывается. Не пыль, а полчища пыли! Метеорологи называют ее черной бурей, а горожане шутливо — павлодарский «дождь».

В такую «дождливую» погоду мне и моему коллеге с фотокамерой впервые предстал алюминиевый гигант и «ястребиный город», как его назвал поэт Павел Васильев.

В это время в конторе треста Павлодарпромстрой раздавались тревожные звонки: скорость ветра такая, что впору останавливать работы. Но как же останавливать, когда дорогá каждая минута! Строится вторая очередь. Сроки вдвое жестче, объем работ космический. До пуска остаются считанные дни.

...Экстренная летучка! В кабинете «главного» накурено так, что стекла помутнели! Но тишина стоит предгрозовая. Все слушают Александра Васильевича Ломова. Того самого Ломова, про которого в местной редакции мне сказали так: «Деловой. Скромный. Получил орден Ленина».

Он говорит быстро, только самое главное:

— Особое внимание обратить на колонны преднапряженного армирования. Они ветра боятся. Предупредить об этом крановщиков и монтажников. Теперь по местам. К вечеру подведем итоги. Проверять буду сам!

В кабинете уже никого нет. Только Ломов и я. И буря за окном.

Он что-то чертит и то и дело скользит движком по логарифмической линейке. Это сетевой график. По нему расписан каждый день, каждый час стройки. И сегодня Ломову надо еще успеть на машиносчетную станцию, чтоб запрограммировать смету на следующий квартал.

Звонит телефон.

— Да-да, нужно шесть квартир. Для молодоженов и молодых специалистов. Был в горсовете, обещали твердо.

Последние слова слышу уже из коридора:

— В субботу новоселье. За цветами придется в Алма-Ату слетать...

Ветер стих внезапно, так же, как и начался. И когда осела пыль и в траве у дороги зашевелились чуткие суслики (они еще никак не могут смириться с тем, что

в степь пришли люди), стало, как и до бури, ясно и солнечно. И не было, кажется, ни ураганного ветра, ни колючего, хрустящего на зубах песка. Только на фронтоне строящегося цеха появилась дюжина совсем еще свежих, горячих от хлесткой метели панелей. Верхолазы-монтажники Александр Цвелев и Марк Суртаев установили их в рекордный для стройки срок — три часа двадцать минут!

И вот оба они уже стоят у проходной и читают очередную «молнию». Вся она «от корки до корки» посвящена их молодежной бригаде, их победе. Комсомольский вожак Амангельды Туркбаев постарался!

Прошу его рассказать о верхолазах бригадира Александра Радченко.

— Про высотных близнецов Сашу с Марком скажу: они пришли на стройку еще мальчишками. Теперь знатные строители. Освоили почти все профессии. Когда на стройке «дождит», Ломов только им доверяет: эти не подведут! В его духе...

Про алюминий говорят, что он рожден в молнии. Это и образно и технически точно. В специальных ваннах мощная сила электрического разряда выбивает его частицы из гор серебристого порошка, словно искру из камня. Пропорция такова: тонна глинозема дает полтонны алюминия. Только обязательно нужен глинозем. Не будет его — не произойдет электролиза, не получишь «крылатого металла». Нам известно это еще из школьного учебника химии. И классическая формула алюминия, которую нам то и дело напоминают на заводе все, от парторга до вахтера, — кажется, единственное, что сохранилось от тех далеких лет. Галина Павловна чувствует это и старается говорить как можно элементарнее и проще. Она инженер центральной лаборатории, как говорится, типичная представительница заводской науки. На лиловой бумаге под ее рукой возникают буквы и цифры. Их то прибывает, то убывает. И Галина Павловна уверенно командует ими.

— Бокситы, которые приходят к нам с Тургайских рудников, мы доводим до степени кальцинации. Для этого, собственно говоря, и построена первая очередь завода.

Завод работает, завод строится.

«ДОЖДЬ»

Огромный, в несколько ярусов цех, отдающие жаром печи, ломаные километры металлических лестниц. Это здесь, в цехе кальцинации, состоялся год назад торжественный пуск первой очереди. Народу уйма. Гости, корреспонденты, партийные и советские работники. Повезло же тогда аппаратчику Василию Шершневу. Он снял первую пробу глинозема. А потом его «пробовали» все. Брали в руки, прикладывали к языку, суматошно подставляли пакеты. Счастливые, как дети, и довольные свершившимся.

— Кальцинация — это только начало. А впереди еще пять очередей, — продолжает Галина Павловна Куминова. — Иначе говоря, появится второй такой же завод с пятью новыми цехами, которые дадут возможность насытить формулу алюминия наивыгоднейшим содержанием.

Люся, — обращается она к стоящей рядом девушке, — расскажи гостю про «красную сторону».

В руках лаборантки Людмилы Тюриной словно огненный шар, заключенный в колбу. Так производится анализ «красной стороны» — бокситов, шлама, примеси — всего ненужного, всего лишнего в продукции. Сейчас его четвертая часть. А в будущем процент потери должен быть сведен до минимума. Этим и занимается коллектив лаборатории. К этому устремлены усилия всех заводских служб.

У павлодарских алюминщиков есть свой заводской проспект — вытянувшаяся вдоль корпусов бетонная дорога. И кто бы ни пришел на завод, его не минует. Мы идем по нему в последний раз, приготовив, как и обещали Шарыгину, пустые спичечные коробки. По установившейся на заводе традиции, каждый гость, уезжая, должен взять на память щепотку глинозема. Что-то вроде земли у моряков.

Михаил подходит к бумажному мешку и медленно, словно гладит, проводит по нему ладонью:

— Вот она, наша черновая работа. А ведь без нее и «Антеям» в воздух не подняться и космическим кораблям не родиться.

Глинозем с шумом сыплется на железный настил, и в цехе становится пыльно, как в бурю. Так вот он какой, павлодарский «дождь», рожденный на диком бреге Иртыша.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

43-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 42 (1999)

17 ОКТЯБРЯ 1965

РАЗДУМЬЯ ХОЗЯЙСТВЕННИКА

Прибыль, вал и настроение

Ф. РУММЕ,
директор фирмы «Ригас апгербс»

Вот уже почти три года надлежит мне печься об интересах четырех рижских и одной лиепайской фабрик, объединенных в фирму «Ригас апгербс». Название нашей фирмы в переводе на русский язык означает «Рижская одежда». А у рижской одежды есть хорошие традиции: мягкие линии покроя, умение отдать должное пуговицам, пряжкам, пояскам, клапанам — тем деталям, которые делают одежду элегантной, и еще одно — не отставать от моды. Хорошая, думаю, традиция, нужно ее всячески поддерживать и развивать.

Мировой стандарт — признанный сейчас критерий. Около семидесяти процентов товаров фирмы «Ригас апгербс» отвечают уровню мировых стандартов. Это, конечно, приятно. Но тут же приходит и такая мысль: тридцать три из ста изделий, увы, еще не отвечают требованиям лучших образцов мирового рынка. И это огорчительно...

Думается, настала пора, когда можно требовать от легкой промышленности куда более широкого, уверенного шага. Мне известно, например, что, по официальным документам, наша фирма через два года должна выпускать всю продукцию на уровне мирового стандарта. Но почему только через два года? Нельзя ли достичь этого уровня раньше? Можно, если бы не... Иногда мы в своей среде говорим: «Ох и тяжела же эта легкая промышленность!» И в общем-то не шутим при этом. Пожалуй, больше всего «отяжеляет» легкую промышленность положение с основным сырьем — тканью.

Ткань!.. Сколько выдумки, вкуса, таланта вложило в нее человечество на протяжении многих-многих поколений! Капризы моды, взлеты и падения фантазии ткачей и художников пережила ткань на многовековом своем пути—от первобытной, сплетенной из стеблей рогожки до современных чудес химии. Но какими бы ни были капризы моды, главное требование остается постоянным: ткань должна быть хорошей. Подчеркиваю, любая ткань — будь то шелк или шерсть, миткаль или батист, поплин или капрон. Любая должна быть только отличной!

Этой весной у нас была комиссия представителей торговли, промышленности, Дома моделей, Академии художеств — люди авторитетные, знающие, не склонные давать нам поблажку. Они приехали, вооружившись типовым положением, разработанным Центральным научно-исследовательским институтом швейной промышленности для оценки качества продукции. Хотели определить, как далеки мы от мирового стандарта. Так вот среди всех критериев на первом месте — качество ткани. Все понимают: изделие из плохой ткани — будь оно предложено талантливейшим художником и сшито великолепнейшим мастером — не может быть на уровне мирового стандарта.

В Москве проходила Всесоюзная ярмарка тканей. Послали мы туда своих товарищей с большой заявкой для ярмарочного комитета. Поехали наши работники в Москву, окрыленные большими надеждами: к тому времени уже существовало распоряжение о заключении прямых договоров с фирмами, о торговле по заказам магазинов. Отличная новинка! Теперь, как нам казалось, мы уж наверняка получим те ткани, которые нам требуются. Всем будет легко и просто... И вдруг — крушение всех надежд. Ярмарочный комитет, как это бывало и прежде, насильно заставил нас купить ткани, которые нам совершенно не нужны: штапельную шотландку и мнущуюся вискозную шотландку на мужские сорочки, натуральный шелк устарелых расцветок и рисунков — на женские платья. Почему же мы все-таки закупили эти ткани? Да потому, что ярмарочный комитет поставил такое условие: или берите эти ткани, или не получите ничего! Где же прямые договоры? Надеюсь, что перемены в планировании, намеченные в Постановлении сентябрьского Пле-

В Советский Союз прибыл с визитом Премьер-Министр Дании Енс Отто Краг. В Кремле состоялась беседа Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Премьер-Министром Дании.

Высокий гость из Дании познакомился с работой ряда промышленных предприятий Урала и Средней Азии.

На снимке: Енс Отто Краг на Белоярской атомной электростанции имени Курчатова.

Кубинская делегация во главе с членом Политбюро и секретарем ЦК Коммунистической партии Кубы, заместителем Премьер-Министра и министром Революционных Вооруженных Сил Республики Кубы Раулем Кастро Рус нанесла 12 октября визит министру обороны СССР, Маршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому.

Фото ТАСС и ЮПИ.

Повстанцы Конго продолжают сражаться против наемников. На снимке: повстанцы проходят обучение в джунглях.

В Варшаве состоялся VI Всемирный конгресс профсоюзов. В выступлениях на конгрессе отмечалось, что за 20 лет своего существования ВФП провела огромную работу по сплочению всех прогрессивных сил мирового профсоюзного движения.

Члены советской делегации — Б. Егоров, Т. Н. Николаева и П. Т. Пименов.

нума ЦК КПСС, исключат в будущем самую возможность навязывания швейникам негодного сырья!

Но, может быть, история с ярмарочным комитетом — это недоразумение? Нет. Такие текстильные предприятия, как Глуховский комбинат, Вторая московская ситценабивная фабрика, Трехгорная мануфактура, фабрика имени Веры Слуцкой, под разными предлогами не желали заключать с фирмой прямых договоров. Это было обременительно для них. Прежде всего — вал! Этот девиз рвал прямые договоры. Некоторые текстильные комбинаты вообще не представили нам своих образцов. Куда легче из года в год накручивать километры давно вышедшей из моды ткани, чем дать швейникам то, что нужно им и их покупателям. Вал оставался незыблем, а ведь мода так капризна... О какой прибыли фирма могла говорить, если вот уже в который раз мы вынуждены были шить сорочки и платья из тканей, не соответствующих запросам покупателей!

В чем тут дело? Если спросить текстильщиков, они, пожалуй, тоже сошлются на... сырье. Нет у них хорошего сырья. Но мы, швейники, считаем: от текстильной промышленности пока еще очень мало требуют, а может быть, и мало ей помогают. Художники по тканям предоставлены самим себе. Если в наши швейные дела активно вторгаются деятели искусства, то в росписи тканей, мне кажется, царит некоторая самодеятельность. Плохо внедряются и достижения науки, передовой техники.

И еще одна, пожалуй, самая главная беда — ухабы планирования. Сейчас они вскрыты на Пленуме ЦК КПСС и всем очевидны. В системе совнархозов был такой неукоснительный принцип: если предприятие в прошлом году выполнило план по выпуску какого-то изделия, то на будущий год этот план ему обязательно увеличат. Увеличат, не считаясь ни с модой, ни с рыночной конъюнктурой! Такое «планирование» работало не на сбыт, а на затоваривание. Государство терпело убытки, покупателя угнетало отвратительное настроение, а вал, «процент перевыполнения» торжествовали!

Были и другие камни преткновения, например, проблемы образования цен, себестоимости, премирования рабочих и служащих, организации труда и зарплаты, штатное расписание. И вот наступает радостная для нас перемена — директора социалистического предприятия не будут связывать по рукам и ногам. Определить цену на свою продукцию, определить необходимое фирме количество рабочих и служащих, маневрировать фондом заработной платы, списывать изношенное оборудование — неужели во всех этих сферах директор должен выступать лишь в роли диспетчера, действующего по указке? Кто же знает предприятие лучше директора и его инженерно-технического штаба? Теперь, в результате плодотворной работы сентябрьского Пленума ЦК КПСС, мы получили возможность взвешивать, продумывать, распоряжаться разумно, так, чтобы росла неуклонно прибыль предприятия, чтобы выгодно было и рабочим, и фирме, и государству. О каком хозяйствовании могла идти речь, если десятки вопросов, которые мог и должен был решить сам директор, за него решали управления совнархоза? План не только навязывался, он почему-то имел тенденцию постоянно меняться. И не раз и не дважды в год, а несколько раз в течение квартала! Какое же при такой лихорадке могло быть перспективное планирование, если директору доставалась роль диспетчера? Дай бог сил и времени с этакими виражами управиться!..

Бывало и так. С точки зрения директора, предприятию выгоднее держать двух хороших бухгалтеров с окладом по 80 рублей в месяц, чем трех менее квалифицированных с окладом в 70 рублей. Это выгодно прежде всего государству. Но директор не мог что-либо изменить, управление совнархоза и финансисты не разрешали ему нарушать штатное расписание. Теперь же мы штатное расписание регистрировать в финансовых органах не будем.

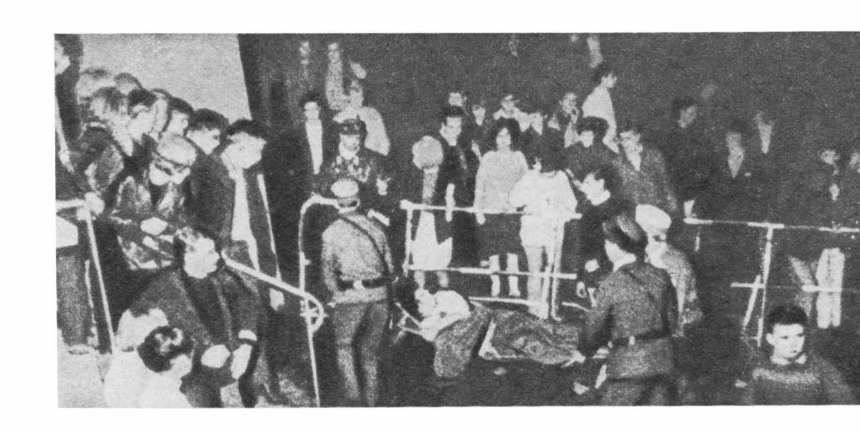
Этим летом мы открыли в Риге наш фирменный магазин «Лотос». Не только для того, чтобы продавать там наши изделия, но и для того, чтобы изучить спросы покупателя. Открыли «Стол добрых услуг», здесь конструктор-модельер консультирует покупателей. Завели учет спроса и сбыта. Хороший получился магазин! Понравился он и рижанам и гостям Риги. Ну вот и торгуйте в своем фирменном магазине, как говорится, на славу. Но у нас мало фондов. А фонды наш магазин может получить только... через Министерство торговли. Министерство же дает нам слишком мало самых ходких — наших же — товаров: мужских сорочек из тканей «Зайга», «Фигаро», «Фестиваль», «Руденс», из шерсти и шелка с лавсаном. Вот и получается, что фирма в своем же магазине не может дать покупателю товары, которые его больше всего интересуют. И, как прежде, мы, фирма, которая славится своими товарами, вынуждены предлагать мужчинам сорочки из хлопчатобумажного поплина и вискозного шелка. А они уже давно надоели! Думаю, теперь разрешат директору фирмы хотя бы за счет сверхплановой продукции давать в свои магазины только те товары, на которые наибольший спрос.

Больше доверять директору, дать ему права и только тогда строго требовать с него — таково веление времени! Сколько об этом говорили, и вот преграды устранены. Будет теперь и прибыль, будет и хорошее настроение у швейников, а главное — у наших покупателей.

Так выглядел недавно западноберлинский зал «Вальдбюне» во время концерта. Едва вышли на сцену артисты английского джаза «Лавина», как в зале погас свет и раздался страшный треск, как будто на здание упала авиабомба. Это распоясавшиеся юнцы ломали мебель, сцену и все остальное, что было им под силу. Причиненный убыток — 400 тысяч марок; 87 раненых.

На снимках: после концерта. Один из тяжело раненных.

Напряженная обстановка в Адене вызывает беспокойство у правящих кругов Англии. Для подавления народных волнений в эту страну срочно перебрасываются новые воинские подразделения. На снимке: английские солдаты перед отправкой в Аден.

В университетских городах Голландии не хватает жилья для студентов. Недавно в Амстердаме студенты провели необычную демонстрацию. Они обосновались на... деревьях. Рядом со столами для занятий на суках были прибиты плакаты с требованием улучшить условия учебы.

В Белграде работала выставка, на которой были представлены автомобили 15 стран, в том числе Советского Союза, США, Англии, Франции, ГДР, ФРГ, Италии. Большой интерес у посетителей выставки и специалистов вызвали новые советские грузовые и легковые машины, особенно «Москвич-408».

Сцена из спектакля. Инна — М. Ардова, Виталий — Ю. Кротенко.
Фото А. Гладштейна.

Премьеры в переулке Садовских

Воскресными утрами переулок Садовских в Москве заполняют звонкоголосые малыши: это время их радостей, их спектаклей в ТЮЗе. А вечерами сюда приходят и оживленными группами и молчаливо — по двое, по трое — люди в школьных формах. Не только рослые, но уже и взрослые, ставшие гражданами, шестнадцатилетние... С ними театр так и разговаривает, как со взрослыми,— о том, что их волнует, что бывает порой сложно и трудно в их жизни. Разговаривает понастоящему уважительно, всерьез.

Содержательная пьеса Ф. Кнорре «Отец» написана автором по его же повести «Родная кровь». Со страниц «Огонька» повесть, как все это помнят, шагнула на киноэкран; ее посмотрели миллионы людей всех возрастов.

Теперь глубокую, острую драму Ф. Кнорре увлеченно исполняют артисты ТЮЗа. Здесь множество интересных актерских работ. Особенно хороши маленькая Сонька Л. Князевой и И. Мироновой, взрослая Соня — мать И. Реаль и Г. Распутиной и, конечно, Федотов, которого играют В. Горелов и Г. Аннапольский, показывая труженика, подлинного отца Сониных детей — отца по любви, а не «по крови».

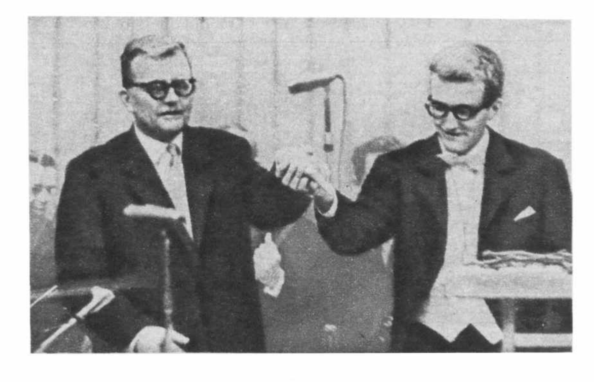
В новой премьере ТЮЗа — «Тебе посвящается...» — больше всех запоминаешь Виталия, влюбленного мальчика-старшеклассника, сыгранного Ю. Кротенко, и директора школы Андрея Александровича. Это умный, серьезный человек, доброжелательный воспитатель. Он крупно, значительно и в то же время сдержанно показан артистом В. Гореловым. Гораздо слабее сыгран, а главное — написан драматургом учитель Глеб Анисимович. Пьеса М. Бременера, поэтически говорящая о зарождении первой любви, о чистых юношеских чувствах, порой мельчит, отвлекается от главного внешней «злободневности» ради...

Чем же хорош спектакль?

Здесь привлекает всех зрителей мягкая, непринужденная манера интересной постановки П. Хомского. Спектакль решен им изящно, удивительно светло. На сцене шумит, спорит, волнуется школа,— художник В. Талалай тоже увидел ее любящими глазами.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ОТЕЦ И СЫН

Д. Д. и М. Д. Шостаковичи отвечают на приветствие зала.
Фото О. Макарова, В. Богданова.

Ленинградцы уже давно привыкли к тому, что каждое свое новое произведение Дмитрий Дмитриевич Шостакович дарит им — премьеры всегда проходят в городе на Неве. Это уже традиция. Есть и другая. Начинать в Ленинграде концертный сезон музыкой Шостаковича. Так было и нынче. Исполнялись хоровые поэмы Шостаковича на слова революционных поэтов, музыкальные монологи на стихи А. С. Пушкина...

С особым нетерпением ожидал зал Десятую симфонию.

В этот вечер ленинградцам предстояло знакомство еще с одним Шостаковичем — Максимом Дмитриевичем, сыном композитора, дирижером. Когда в зале стихли последние звуки симфонии, по реакции слушателей можно было с радостью констатировать рождение нового дирижера.

Знаменательно, что дебют Максима Дмитриевича Шостаковича состоялся в том самом городе Ленина, в котором несколько десятилетий назад получил первое признание его отец!

К. ЧЕРЕВКОВ

ГОРОД, КАК ВСЕ, НО...

Юрий САЛИН,
вулканолог

Я живу в Петропавловске-на-Камчатке. Часто мне приходится слышать: «На Камчатке, на краю света? И как только вы там живете?» А почему бы там не жить, если там твоя работа? У меня она там. Вернее, тут. Я вулканолог.

У нас юбилей. Моему городу стукнуло двести двадцать пять.

Наш город живет бурной трудовой жизнью. Правда, трудовое амплуа Петропавловска скромное: он кормит страну рыбой — нежной, малосоленой селедкой, тающей во рту чавычей, горбушей, камбалой, треской, окунем. Каждого моего земляка волнует, сколько рыбы дала Камчатка стране, кто впереди — наши «Браслав» и «Опала» или сахалинский «Ульяновск», сколько осталось выловить «Николаю Островскому» до мирового рекорда.

На улицах Петропавловска много людей в фуражках с крабом на околыше — это хозяева города, моряки. Но не меньше, пожалуй, и ребят в спецовках, испачканных известкой и цементом,— строителей. Город растет и молодеет, будто хочет опровергнуть исторический факт своего двухсотдвадцатипятилетия. Кварталы новых домов шагают вверх по склонам сопок и вдаль по речным долинкам и по берегу бухты. И, конечно же, есть в Петропавловске свои Черемушки, как и в любом другом городе страны. Попади в эти Черемушки — и не разберешь, где ты находишься: на Камчатке или в Москве, а может быть, где-нибудь в Орле или Алма-Ате?..

Ничего провинциального, захолустного не встретил бы столичный житель и на улицах, в парках, кинотеатрах. Кинокартины идут новейшие, центральные газеты приходят на третий день, в моде плащи «болонья», высокие прически и японская песенка «У синего моря».

Есть у нас свои радио- и телецентр. Репортеры Камчатского радио с энергией и профессиональной хваткой ничуть не уступают столичным. Один из них как-то побывал у нас в Институте вулканологии. К делу он приступил чисто по-репортерски — с ножом к горлу и скоро получил от Коли, одного из наших геологов, богатейший материал для воскресного радиорепортажа. Репортаж начинался очень романтично: «Как только я увидел в коридоре его богатырскую фигуру, я сразу представил себе, как он легко взбегает на горные хребты и, набрав полную могучую грудь воздуха, кричит: «Горы, я покорю вас!» Целый месяц после этого Коля избегал встречаться со знакомыми, на работу пробирался бочком, за полчаса до начала, а уходил только тогда, когда убеждался, что в институте уже никого нет. Вместо «здравствуй» его встречали жизнеутверждающим «Горы, я покорю вас!», а потом и вовсе романтическим: «Иго-го, я вас открою!»

Люди в Петропавловске такие же, как и везде. Давайте пройдемся по городу, немного понаблюдаем, послушаем.

...В. Дальрыбвтузе сдают экзамены студенты-заочники. В коридорах среди густого дыма суетятся кокетливые челочки и блестящие от волнения лысины, модные черные костюмчики и рыбацкие мундиры. Какая-то мама, как раз сейчас отвечающая у доски, оставила в коридоре четырехлетнюю девочку. Девочке не скучно: ее развлекают те, кому уже не надо думать о физике.

...В парке. Рядом со мной нетерпеливо ерзает на скамейке какой-то невзрачный мужичонка. Сначала я не обращал на него никакого внимания, потом спросил, сколько времени, и почувствовал, что пропал. Он с готовностью ответил, что часы у него немного отстают, он носил их в ремонт, но «вы же сами понимаете...». С часов он перешел на фотоаппараты, объяснил мне, почему наши аппараты так высоко котируются на внешнем рынке. Потом стал рассказывать, как делают колбасу, потом — чем парусное вооружение брига отличается от парусного вооружения барка, потом — о Черном и Белом Баку. Я сначала кивал, говорил «угу», потом замолчал совсем: на него ничего не действовало.

— А еще, знаете, наши сделали такую капроновую нитку, целый пуд выдерживает, а толщина — всего пятнадцать... Постой, забыл, вот пятнадцать точно помню, а чего — забыл... Сейчас, сейчас...

Я воспользовался паузой и сделал вид, что сплю. Мужичок напряженно шевелил губами, мучительно морщил лоб. Мне наконец стало жалко его.

— Миллиметров?

— Н-е-е... Не миллиметров. Сейчас вспомню. Вот же ведь, сегодня утром еще помнил.

— Сантиметров?

— Н-е-е, не сантиметров, что ты...

Я наклонил голову, закрыл глаза и снова хотел было задремать, но мне не давала покоя напряженная работа мысли соседа. Вдруг он схватил меня за плечо и начал обрадованно трясти:

— Микрон, вспомнил, точно — пятнадцать микрон!

...Я сижу в парикмахерском кресле и томлюсь от нетерпения. Мне уже надоело стричься.

— Вы мне, пожалуйста, сделайте покороче, и все.

— Да куда же покороче, и так уж коротко!

— Ну, еще столько же снимите!

— Ведь некрасиво будет...

— А мне совсем не надо красиво, было бы покороче...— Я говорю чистую правду, потому что мне сейчас не до моды, мне в экспедицию, и очень надолго, и в такие края, где не то что парикмахера, даже милиционера нет.

Женщина смотрит на меня в зеркало немного обиженно, потом, вздохнув, твердо произносит:

— А мне надо, чтобы было красиво...

...На торжественное собрание, посвященное двадцатилетию победы над фашизмом, к нам в институт пригласили мичмана Миронова. Он рассказывает о себе. Воевал с гитлеровцами с начала и до

Утро на рейде.

Фото Л. Шерстенникова.

конца войны, потом — с японцами, несколько раз ранен, награжден многими орденами и медалями, причем дважды посмертно.

— Когда я узнал, что на меня уже похоронку домой отправили, то я, конечно... ну...— Миронов замешкался, подбирая нужное слово,— ну, поругался немножко.— И зал тепло, понимающе смеется. Совсем не к месту раздаются аплодисменты.—Я за этот бой «Славу» получил.— Миронов перехватывает взгляд, разыскивающий «Славу» на его груди.— Я раньше орденов никогда и не носил, а тут вдруг меня откопали, и сам не рад. Уже в школе вот выступал, по радио про меня передавали, правда, перепутали немного, вместо Миронова Новиковым назвали, но это ничего, ерунда...

Когда я рассказал о нем своему товарищу, служившему во флоте, он удивленно переспросил:

— Постой, постой! Миронов? Какой он из себя? Такой небольшого роста, плотный, с залысинами? Так ведь это же наш мичман! Я с ним на одном судне три года служил. И, говоришь, два раза посмертно, семнадцать орденов и медалей, двое суток, раненный, в холодной воде проплавал? А у нас на судне никто и знать ничего не знал...

В общем, Петропавловск — город как город, и люди здесь такие же, как и везде.

И все-таки во многом наш город не похож на другие. Начать хотя бы с того, что и Новый год, и Первое мая, и вообще все праздники мы встречаем на девять часов раньше москвичей. Жители столицы по сравнению с нами—настоящие лежебоки, потому что и спят утром они тоже на целых девять часов дольше нас. Правда, когда я вспоминаю об этом, мне становится грустно: я так люблю поспать.

Для жителей равнинных городов, может быть, сразу и не понять, как это так может быть: от дома до работы десять минут ходьбы, а от работы до дома — двадцать минут. Неповторимое своеобразие нашего города особенно остро ощущаешь, если тебе надо отнести в ремонт стиральную машину или телевизор, а комбинат бытового обслуживания во-он на той горке!

...Пурга. Дороги переметены, машины и автобусы стоят там, где их застал снегопад. На улицах — нескончаемые вереницы людей. С работы, из кино, с несостоявшегося свидания, из гостей — все спешат домой. По сугробам шагают гуськом, след в след. Кто первым проложил здесь дорогу, неизвестно, но наверняка это был человек косолапый, кривоногий, очень нервный или слегка пьяный и к тому же очень ехидный. Он то семенил мелкими шажками, то делал шаг — с разбегу не допрыгнешь, а то вдруг ухитрялся незаметно сменить ногу, и теперь приходится топать по его следам вперевалочку, правой ногой—в левый след, левой — в правый. И все-таки мы уважаем его: первому идти всегда труднее.

Улицы быстро пустеют. В кинотеатрах даже на самый интересный фильм сколько угодно билетов. Непривычно пусто и тихо в магазинах. Пурга наметает сугробы иногда в несколько метров высотой. Услышь житель Камчатки рассказ барона Мюнхаузена о том, как тот привязал коня к маленькому колышку, потом оказавшемуся вершиной колокольни, он ничуть не удивится:

— Бывает... Только что же здесь особенного? Вот, помнится, у нас в шестидесятом году...

А какой вид открывается из нашего города! Бухта, горы, вулканы! Вот, кстати, идет молодая пара, и он с видом радушного хозяина демонстрирует ей все эти красоты. Интересно, как ей это нравится?

— Да что мне ваши вулканы! У нас зато лук тридцать копеек килограмм!

А вулканы вокруг города со всех сторон. Повесит петропавловская хозяйка чисто выстиранное белье на улицу и иногда снимает его для того, чтобы снова отстирывать — на этот раз от вулканического пепла. Правда, такое случается не часто. В обычное время, когда вулканы спокойны, заурядная соседняя кочегарка по количеству пепла даст сто очков вперед любому вулкану.

И еще многое можно увидеть только у нас в Петропавловске. С рынка женщина несет краба, высоко приподняв его за одну ногу. Остальные — волочатся по земле. В магазинах продают чавычу— вкуснейшую, ни с чем не сравнимую камчатскую рыбу. Покупать покупают, но без особых эмоций—как в Минске картошку. Вдруг в доме задергался пол, заскрипели углы. Никто не обращает внимания: обыкновенное землетрясение. Домохозяйка палкой для выбивания ковров выколачивает медвежью шкуру. Все это — привычное зрелище, мимо которого петропавловчанин проходит равнодушно, не замечая. Но вот привезли черешню или арбузы — это уже событие: «Где брали? На Сероглазке? А народу много?»

...В Москве или Ленинграде жители гордо называют себя: мы москвичи, мы ленинградцы. А как называют себя жители Петропавловска?

Краснодарцы, одесситы, киевляне, туляки — у нас много приезжих изо всех городов страны. Одни приезжают в Петропавловск по договорам на три года и на пять лет, другие приезжают навсегда. Многие так и сидят свои пять лет на чемоданах, рассчитывая только подзаработать немного и уехать. Эти в разговоре старательно подчеркивают: мы не камчадалы, мы москвичи. Таких много. Но не большинство.

...На пристани встречают рыбаков, вернувшихся с путины. На руках у растерянного мужчины громко плачет маленькая девочка.

— Леночка, Леночка, глупая, ну что ты плачешь!— утешает ее мать.— Неужели не узнала? Ведь это наш папа, папа!— И вдруг сама начинает всхлипывать.

...В рыбном порту собрался почти весь город. Играет оркестр. У многих в руках цветы. Закуплена на корню вся городская оранжерея. Еще бы! Сегодня Петропавловск встречает моряков «Николая Островского». Никто в мире еще не вылавливал столько рыбы, сколько добыли ребята с «Островского». Ну разве можно после этого считать Петропавловск обыкновенным городом? Много моряков на свете, а такие нашлись только в нашем.

...Таким я знаю мой город, Петропавловск. Может, кто-нибудь обвинит меня в необъективности, и, может статься, это будет верно. Но я просто не могу быть объективным. Ведь это мой город, мой большой друг, хоть и старше меня он на двести лет.

«ОГОНЕК» НА ОСТРОВЕ ШИКОТАН

РАДИОГРАММА С ОСТРОВА ШИКОТАН

Один из самых дальних уголков советской земли, мыс «Край света» на острове Шикотан, стал местом очередной читательской конференции «Огонька». Шикотан, остров рыбаков и пограничников, расположен в Тихом океане в одиннадцати тысячах километров от Москвы. Мыс «Край света» — северо-восточная точка острова. Дальше на восток — океан.

Здесь провели встречу с читателями «Огонька» находящиеся на Курилах специальные корреспонденты журнала Генрих Гурков и Николай Козловский. Они рассказали о работе редакции, о планах на ближайший год, о поездках огоньковцев по Советскому Союзу и зарубежным странам. Жители мыса «Край света» задали спецкорам много вопросов, передали дружеские пожелания журналу.

Остров Шикотан. Мыс «Край света».
По радио.

ОБСУЖДАЕМ СТАТЬЮ Г. КОРОБКОВА «МОЛОДОСТЬ ЗНАЕТ...»

(№ 40 ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»)

ЮРА СПРАШИВАЕТ...

Из спортивного зала я выхожу не один. Рядом мальчишки. Они провожают меня до трамвая. Один из них Юра. Ему, так же как и всем, мало двух часов занятий. Он готов тренироваться еще столько же, а после занятий, провожая меня, забрасывает бесчисленными «почему».

— Почему у наших легкоатлетов в Токио оказалось меньше золотых медалей, чем у американцев? — спрашивает меня Юра.— Ведь были же мы сильнее на Римской олимпиаде!

Что ему ответить? Я и сам не раз задавал себе тот же вопрос, и он неизменно уводил меня с олимпийского стадиона в школьные залы и на площадки. Да, именно там н до искать ответ на многие печальные «почему».

Не получает легкая атлетика широкого развития в наших школах. К чему это приводит, рассказывает в своей статье заслуженный тренер Г. Коробков. Он убедительно отвечает на вопросы Юры и многих других молодых легкоатлетов. Наши неудачи в Токио не объяснишь ни стартовым волнением, ни тяжелыми климатическими условиями. И Юра это знает, он ведь тренируется уже третий год. Ему двенадцать лет, но он уже во многом прекрасно разбирается, следит за спортивной литературой, посещает большие соревнования. И вот он ждет, что я ему отвечу.

— Американские легкоатлеты, наверное, много тренировались еще в школе и не пропускали уроков физкультуры,— говорю я.

— А мы ничего не делаем на физкультуре,— говорит Юра.

— Как же так? — стараюсь я изобразить удивление.

— Да так вот, пол-урока уходит на построение, перекличку и маршировку, потом разминка, от которой даже и не вспотеешь. Еще минут пятнадцать преподаватель ругает опоздавших, а заодно и освобожденных. Таких полкласса. Кто не хочет идти на урок физкультуры, идет к врачу и берет справочку. А потом, ведь уроки физкультуры всего два раза в неделю.

А я слушаю рассказ Юры и думаю о том, что такое положение не только в его школе. Что можно сделать за 45 минут даже при большом желании и умении? Нет, если мы хотим растить здоровую, сильную молодежь, побеждать, надо быстро и твердо менять отношение к спорту в средней школе. И прежде всего отношение к легкой атлетике. Конечно, преподаватель физического воспитания не может быть знатоком всей легкой атлетики: слишком много видов включает этот спорт. Но почему бы ему не стать знатоком хотя бы одного вида: бега на короткие или средние дистанции, метания диска, прыжков?

— А пустят нас на следующее соревнование в манеж? — выводит меня из задумчивости новый вопрос Юры.

— Конечно,— отвечаю я.— Ты же был на первенстве. Для школьников продавали специальные билеты.

— Так то были каникулы.

Юра прав. Я вспомнил: тогда были весенние каникулы, а в другое время на зимний ленинградский стадион ребятам не пройти.

— Ничего,— говорю я,— скоро для школьников, которые занимаются спортом, будут выпущены специальные пропуска на любые соревнования.

Сказал и сам себе не поверил. Но почему бы действительно не открыть ребятам двери всех стадионов? И как было бы хорошо, если бы они приводили на соревнования своих родителей. Тогда, может быть, не пришлось бы многих из этих родителей уговаривать, чтоб они разрешили своим детям заниматься легкой атлетикой. Убедить в этом пап и мам очень тяжело. Ведь многие учителя общеобразовательных предметов имеют на это свое мнение. Они считают, что физкультура — предмет второстепенный, что без него можно обойтись.

Помню, как однажды классная руководительница заявила родителям девочки, которая успешно занималась в спортивной школе: «Как же так случилось, что такая способная ученица тратит время на легкую атлетику?» А мы-то, тренеры, мечтаем о том, чтобы преподаватели помогали нам, чтобы они со вниманием, с интересом относились к детям, занимающимся спортом, считали бы обязательным, необходимым урок физкультуры в школе.

— Интересно, сможем ли мы победить в Мехико? — слышу я голос Юры.— Я читал, что Мехико высоко над уровнем моря. Трудно, наверное, там придется?

А я иду и думаю, как же быстро пролетают годы: Токио уже давно позади, Мехико рядом, а к XX олимпиаде Юре будет уже 19 лет. Не увидим ли мы его тогда на большой спортивной арене? Может быть!..

Мы дошли до остановки. Вон показался и мой трамвай, а Юра живет рядом со стадионом.

— До свидания, до скорой встречи,— прощается со мной Юра.

Через два дня я снова увижу его на тренировке.

В. РОЗЕНФЕЛЬД,
тренер детской спортивной школы ДСО «Труд».

Ленинград.

Старт бега на 100 метров.

Лучшие юные легкоатлеты московских школ оспаривают Кубок журнала «Огонек».

У нашего приза довольно обширная биография. В 1958 и 1959 годах Кубок завоевывали легкоатлеты 387-й школы и получили почетный спортивный трофей навсегда. Следующий Кубок достался команде школы № 12. Затем легкоатлеты 387-й школы в третий раз завоевали первенство, однако второго Кубка закрепить им за собой не удалось: в последующие два года приз журнала «Огонек» вручался легкоатлетам 298-й школы.

И вот снова встретились на стадионе лучшие школьные команды Москвы. Третий экземпляр Кубка «Огонька» стоит под почетным эскортом пионеров на зеленом поле. 14 команд начали борьбу с барьерного бега, одного из самых сложных видов легкой атлетики. И в течение трех дней на стадионе «Динамо» кипела напряженная борьба на беговых дорожках и в секторах прыжков и метаний. Секунды и метры переводились судейской коллегией в очки, но подсчет вели и многие юные болельщики. Сидя на трибуне, они складывали колонки цифр так старательно, словно выполняли контрольную работу по арифметике. Но на сей раз предметом этой контрольной работы была не арифметика и не алгебра, испытывались не математические знания, а ловкость, выносливость, быстрота.

В каждой команде по 70 человек — барьеристы, спринтеры, бегуны на средние дистанции, метатели диска, прыгуны. И каждый результат, показанный одним из спортсменов, вносится в общую копилку команды. Три дня шли соревнования, и до самой последней минуты трудно было определить, кто же завоюет Кубок. Но вот наконец проведены последние подсчеты, и становится известным, что в четвертый раз Кубок журнала «Огонек» завоевали легкоатлеты 387-й школы (преподаватель Л. М. Федоров). Лишь после упорной борьбы дружная и отлично подготовленная команда 246-й школы (преподаватель С. И. Трохин) осталась на втором месте. Третье призовое место заняли спортсмены 711-й школы (преподавательница Е. П. Рослова).

7 октября на большой арене стадиона «Динамо» в перерыве между двумя футбольными матчами перед лицом переполненных трибун Кубок «Огонька» был торжественно вручен победителям.

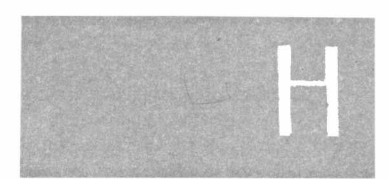
Легкоатлеты школы № 387 с Кубком журнала «Огонек» проходят круг почета по стадиону «Динамо».

Фото А. Бочинина

ПОЭЗИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

А. ЧЕГОДАЕВ,
доктор искусствоведения

а выставке картин из музеев Франции есть много прекрасных творений человеческого гения, замечательных не только своим высоким художественным совершенством, но часто и своей необычной ролью в истории развития мирового искусства.

* * *

Весною или в начале лета 1720 года Антуан Ватто возвращался домой, в Париж, из долгой поездки по Англии. Его встретили в Англии признание и успех, а главное — понимание его искусства, чего ему сильно не хватало на родине. Но в Англии он расхворался, и зимние лондонские туманы прогнали его домой. Как проходило его путешествие из Калэ (куда приплывали английские корабли) до Парижа, мы не знаем. Но есть основания думать, что по дороге, не доезжая до Парижа, он решил свернуть от Арраса в сторону и быстро (даже по тогдашним временам) добрался через Камбрэ до Валансьенна — городка, где родился и провел свои юные годы. Лишь пробыв там какой-то короткий срок, Ватто отправился дальше, в Париж.

Поездка в Валансьенн не засвидетельствована никакими документами. Но только она может объяснить появление на свет одной из самых замечательных работ Ватто, «Портрета Антуана Патера», валансьеннского скульптора, земляка и давнего знакомого художника.

Ученых давно беспокоила загадка этого превосходного портрета — единственного достоверного портрета среди всех других, предположительно приписанных великому художнику. Он казался слишком странным и неожиданным в творчестве художника, которого привыкли представлять себе только романтическим мечтателем, тонким и нежным поэтом, писавшим воображаемые сцены мирных бесед или музыкальных концертов посреди прекрасной природы или актеров итальянской комедии в их традиционных костюмах. «Портрет Патера», резкий, простой, почти грубый в своей несомненной правдивости и реальности, ломал шаблонные (и надо сказать, весьма поверхностные) представления о художнике. Опровергнуть его подлинность не удалось, слишком весомы были документальные подтверждения авторства Ватто. Гадая, где Ватто мог написать этого хмурого, колючего старика, строили предположения, что Антуан Патер приезжал в Париж, чтобы оградить от каких-либо дорожных приключений своего горячо любимого, но несколько легкомысленного сына Жана-Батиста, которого он отправил в 1716 году в Париж в обучение к Антуану Ватто, тогда уже известному художнику. Однако нет никаких свидетельств, что Патер-старший когда-либо покидал свой Валансьенн, а к тому же Патер-младший оказался настолько пустым малым, что Ватто с раздражением выгнал его вон, как только узнал поближе.

Пожалуй, было бы логично решить, что портрет старого скульптора был написан много позже как знак примирения после вызванной самим Ватто размолвки. Это становится еще более правдоподобным, если вспомнить, что, вернувшись из Англии в Париж, Ватто, невзирая на свою тяжелую и безнадежную болезнь, разыскал молодого Патера и снова взял в ученики, чтобы успеть передать ему хоть какую-то долю своего живописного мастерства.

Однако все предположения о том, когда и где возник этот замечательный портрет и какое место он занимает в искусстве Ватто и в искусстве Франции XVIII века, вернее всего решаются, если обратиться к художественным особенностям «Портрета Патера» и к реальному (а не предвзято сочиненному) анализу творчества Ватто. Портрет поражает своей правдой, верность характеристики изображенного человека не вызывает никаких сомнений, и тогда определяется время его создания. На портрете Антуан Патер выглядит стариком, следовательно, ему было не менее пятидесяти лет, когда Ватто его писал. Пятьдесят лет Патеру исполнилось в 1720 году! В 1721 году Ватто умер.

«Портрет Патера», видимо, одна из самых последних работ художника.

Это подтверждается и другими соображениями. В самом конце жизни Ватто, в 1719—1721 годах, его творчество стремительно поднялось на самый высший уровень блестящего художественного мастерства и огромной поэтической силы. В эти годы он создал свои самые значительные, самые совершенные картины и рисунки: «Венецианский праздник», «Итальянские комедианты» (та, что в Вашингтонской национальной галерее), «Жилль», «Вывеска для антикварной лавки Жерсена», «Точильщик», «Горбун с кукольным театром» и другие. «Портрет Антуана Патера» органично и точно входит в этот ряд работ, отмеченных удивительной жизненной зоркостью, напряженным и тревожным душевным строем, свободной и обобщенной простотой и строгостью живописного языка, совершенной колористической гармонией.

Ватто потому и был творцом романтической утопии, потому и тосковал по прекрасной блаженной стране, в которой у людей не было бы горя и забот, что слишком хорошо знал и превосходно умел изображать реальную жизнь своего времени, жизнь тяжелую, мрачную, наполненную тревогами и сомнениями. Это выразилось и в его военных картинах, где он в противоположность фальшивым и лживым королевским баталистам изображал не эффектные схватки кавалерии, а будничную, неказистую изнанку шедшей тогда войны «за испанское наследство». Это сказалось в его «Мести крестьян», безжалостно расправляющихся с ненавистной королевской конницей. Он с величайшей сердечностью и неприкрашенной правдой изображал нищих, бродяг, парижских ремесленников, крестьян, актеров ярмарочного театра, то есть людей, бесконечно далеких от праздной и пустой жизни верхушки общества. Старый провинциальный скульптор Антуан Патер, всю жизнь трудившийся не покладая рук и при всем своем тяжелом, угрюмом характере сохранивший гордое достоинство человека-творца, привлек внимание Ватто своей человеческой значительностью и целеустремленной силой воли. Он и написал его в скромной коричневой одежде, в кое-как нахлобученном пушистом парике, рука лежит на мраморной голове какой-то из его статуй. Но в лице сквозь не очень-то приветливую угрюмость проступает глубокая усталость и грусть.

Как непохож этот правдивый и сильный портрет на шумные, крикливые, пестрые, нестерпимо однообразные и еще более нестерпимо пустые парадные портреты короля и аристократической знати, написанные тогдашними модными и прославленными придворными художниками! Своим «Портретом Патера» Ватто начинает реалистическую линию французского портрета XVIII века, идущую к портретам Шардена, Перронно, Дюплесси, Фрагонара, Давида. В этом заключено важнейшее историческое значение единственного сохранившегося портрета работы Ватто. Вероятно, он писал и другие портреты. Но они затерялись во времени, и мы ничего о них не знаем.

* * *

Искусство Ватто оказало огромное влияние на большую группу художников, чья деятельность составила подлинную славу французского искусства XVIII века.

Первым из этих мастеров был Жан-Батист Шарден, творчество которого впитало в себя и развило дальше важнейшие стороны искусства его великого предшественника.

Но в противоположность Ватто Шарден никогда не уходил в романтические мечты о прекрасном человеке на прекрасной земле; в то же время в его мыслях не было места и для тоски и меланхолии, порожденных ощущением несбыточности этой романтической утопии. Весь круг его интересов сосредоточился на реальном настоящем. Но в пристальном и глубоком внимании к простой, повседневной жизни, в умении извлекать из этой повседневности высокий поэтический смысл он был подлинным учеником Ватто.

Таким образом, искусство Шардена оказалось более узким, чем искусство Ватто, и в то же время в этой избранной им более узкой сфере он пошел дальше Ватто, сделав следующий шаг в утверждении и развитии французского реализма XVIII века.

Шарден впервые появился перед глазами публики уже после смерти Ватто, в 1728 году. До этого он сделал не дошедшую до нас «Вывеску хирурга», явное подражание «Вывеске Жерсена» Ватто, но обратил на себя внимание большими натюрмортами, заваленными на фламандский манер множеством разнообразных предметов, порой странных и необычных, как, например, в большом натюрморте со скатом, где эта огромная и уродливая плоская рыба возвышается над целой горой разной другой снеди.

Но эта перегруженность и вычурность быстро исчезли из его искусства, и уже в тридцатых годах XVIII века оно отличалось той изысканной и строгой простотой, которая стала с тех пор одним из определяющих признаков искусства Шардена.

Именно тогда и была написана, среди других многочисленных жанровых сцен, картина «С рынка», датированная 1739 годом. Это одна из самых совершенных по своему мастерству и поэтической тонкости вещей Шардена, прекрасно характеризующая самые важные особенности его художественного мироощущения.

Ничего особенного нет в этой маленькой картине: женщина в простом, скромном платье, в фартуке, с кошелкой, наполненной купленной на рынке провизией; рядом комод, на нем хлеб и глиняный кувшин; на полу бутыли из темного стекла, слева дверь в другую, такую же простую и скромную комнату. Ничего не происходит в этом мирном доме, в картине не заключено никакого рассказа, никакого события. Но трудно было бы сыскать во всей мировой жанровой живописи более любовное и зоркое внимание к художественному богатству и поэтической прелести обыкновенного человеческого бытия, более убежденное утверждение моральной и эстетической ценности честной и простой жизни простых людей, занятых каждодневным трудом и не помышляющих о пресыщенной скуке и душевной опустошенности богатых «верхов общества». В ту эпоху, когда работал Шарден, его скромные бытовые сцены и такие же скромные, но наполненные большим философским смыслом изображения «мертвой природы» звучали как дерзкий вызов господствующему академическому и придворному искусству времен Людовика XV с его изощренными, бравурными декоративными эффектами, пустым велеречием или откровенным циническим легкомыслием. Искусство Шардена сыграло важную роль в утверждении идей Просвещения, как и в утверждении жизненных принципов «третьего сословия», в умах которого назревала подготовка Великой французской революции.

В более поздних работах Шарден углубил психологическую характеристику, стал писать свободнее и шире, но даже и эта поразительная смелость и сила его старческих работ не затмила собой тонкое и нежное изящество женщины, вернувшейся с рынка. Покою и тишине этой картины безупречно соответствует гармония светлых и мягких оттенков серого, голубого, буроватого, грязно-розового, кремового цвета, и вся эта светлая, ясная красочная гамма словно скреплена немногими осторожными ударами красного цвета — в завязке на рукаве, на пробке бутыли на полу, на куске мяса, принесенном с рынка. Каждый из этих оттенков не только входит в продуманную и целостную гармонию картины, похожую на музыку того времени, но и с поразительной осязательностью и в то же время непринужденной простотою передает материальные признаки каждого предмета, его вещество и фактуру. Все наиболее характерные качества трезвого, спокойного, точного и немного созерцательного реализма XVIII века нашли в искусстве Шардена полное и законченное выражение.

* * *

Между картиной Шардена и третьей картиной, напечатанной в этом номере «Огонька», прошел огромный по своей радикальной преобразующей силе период мировой и французской истории.

Теодор Жерико, автор необычного и неожиданного пейзажа «Печь для обжигания извести», был, так же как и другие его великие современники—Давид и Делакруа, Гойя и Констебль,—настоящим потомком и воспитанником Великой французской революции. Его искусство вобрало в себя всю мятежность мысли, все волнение чувства, всю беспокойную, резкую и бескомпромиссную силу творческого напряжения, какие были разбужены во всех лучших художниках, ученых и поэтах той эпохи революционной бурей, разошедшейся из Франции по всей Европе. Жерико с давних пор считается родоначальником французской «романтической школы». Но в его романтизме, как и в романтизме его сотоварищей по искусству, не было ничего туманно-мечтательного, безудержно-идеализированного, произвольно-субъективного, ничего обращенного в прошлое и бегущего от жизни, что так свойственно было многим художникам эпохи наполеоновских войн и наступившей вслед за тем мрачной и глухой реакции. Наоборот, в искусстве Жерико отразился реальный драматизм его времени, протест против всех форм политической и идейной реакции, смелое и бесстрашное свободолюбие. Его творчество — одна из вершин большого реалистического искусства XIX века в той фазе его развития, которую можно назвать революционно-романтической.

Жерико искал и находил в окружавшей жизни сильные и яркие человеческие характеры, глубоко правдивые, проникнутые убежденной верой в высокие гуманистические принципы. Все свойственные его искусству замечательные художественные качества он сумел вложить и в свой пейзаж с печью для обжигания извести — картину, совершенно уникальную и в его творчестве и во всем искусстве XIX века.

Действительно, даже и сам Жерико, обращавшийся к пейзажной живописи очень редко (всего три-четыре раза за всю жизнь), на этот раз написал пейзаж, не только необычный по своему сюжету, но и очень сложный и многозначительный по своему образному содержанию.

До своей поездки в Англию, где он был в 1820—1821 годах, Жерико обращался в своем искусстве к темам хотя и вполне реальным, но всегда напряженно драматическим, полным пафоса, героики или сердечной боли. Так были написаны им и «Раненый кирасир, покидающий бой», и «Бег свободных лошадей», и «Плот «Медузы», и удивительные портреты душевнобольных. В Англии под воздействием знакомства с живописью великого английского художника Джона Констебля, современника Жерико, в искусстве французского мастера произошел ясный и резкий сдвиг в сторону внимания и интереса к обычной, повседневной реальной жизни. Именно тогда Жерико написал свою картину «Скачки в Эпсоме», где изображены несущиеся во весь опор скаковые лошади на фоне просторной зеленой равнины под темным грозовым небом; именно тогда сделал большую серию литографий с разными сценами лондонской уличной жизни, главным образом все с теми же любезными его сердцу лошадьми — легкими, изящными, на редкость красивыми английскими верховыми лошадьми или грузными, медленными тяжеловозами, тянущими телегу с углем. Вернувшись в Париж, за короткий период работы, выпавший ему на долю перед преждевременной трагической гибелью, Жерико успел написать только одну картину, другие остались лишь в первоначальных набросках и замыслах. Этой картиной и был странный на первый взгляд пейзаж с печью для обжигания извести.

Это тоже обычная, повседневная, вполне реальная природа Франции. Но если Джон Констебль в своих пейзажах деревенской или приморской Англии утверждал с огромной силой и восхищенно прославлял красоту и поэзию обыкновенной реальной природы, то Жерико в этом своем пейзаже обратился к совсем не красивой и не поэтической, а мрачной и уродливой окраине большого города, казалось бы, во всем противоположной и враждебной всякой красоте и гармонии. Но Жерико даже в этом унылом, замусоренном и выжженном известью пустыре, где не видно ни одной живой травинки и где только рабочие лошади, терпеливо дожидающиеся груза извести, являются единственными живыми существами, раскрыл суровое, меланхолическое величие, не очень-то благосклонное к человеку и в то же время пронизанное его трудом, его тяжелой каждодневной работой, несущей в себе свою особую красоту и особую поэзию. Темное, тяжелое, нависшее свинцово-серыми тучами небо окрашивает и землю, и маленькую фабрику, и лошадей в пепельные, серые оттенки, сливающиеся в собственную, хоть и неспокойную и тревожную гармонию. Этот пейзаж Жерико — первое изображение современного города какой он есть, без всяких туристских прикрас. От него идут прямые пути к изображениям Парижа, сделанным Эдуардом Манэ, Эдгаром Дега, Камиллом Писсарро. Небольшая по размеру работа Жерико — это один из больших узлов в сложном сплетении путей искусства нового времени.

Четвертая картина, помещенная на вкладке «Огонька», «Маленькая купальщица» Энгра, представляет собой сильно уменьшенное и измененное позднейшее повторение его знаменитой картины «Купальщица из Вальпенсона», написанной в 1808 году. Хотя в этом маленьком повторении Энгр и не сумел полностью сохранить всю строгую и ясную красоту одного из совершеннейших созданий своей молодости, все же и по этой картине можно почувствовать, как преклонялся он перед реальной жизнью и как умел извлекать поистине музыкальное звучание из мерного ритма плавных, гибких, певучих линий и нежного, прозрачного колорита.

Жан Антуан Ватто. 1684—1721.

ПОРТРЕТ СКУЛЬПТОРА АНТУАНА ПАТЕРА. Валансьенн. Музей.

Жан Батист Симеон Шарден. 1699—1779. С РЫНКА. Париж. Лувр.

НАД СОЗВЕЗДЬЯМИ И СТОЛЕТЬЯМИ

Андрей МАЛЫШКО

Янтарь

Не смолами — слезами, кровью, соком
С прибрежных сосен капает янтарь.
Его, как прежде, на мысу высоком
Уж не обнимет солнечная марь,—
Лежит он в море, на безмолвном дне,
И стынет, и мерцает в глубине...
Но, поднятый людьми из бездны этой,
Шлифованный, граненый, обогретый,
Живет, воскреснув, льет свой желтый жар
Тот сгусток солнца, дней забытых дар.

Вот так и ты, мое родное слово,
Любовь моя, мой горицвет в снегу:
Живешь, звенишь, пылаешь ты багрово,—
В твоем огне я различить могу
Кровь, слезы, силу, ликованье, горе...
Уйми, сломи,
Встав из людского моря,
Холодных взоров злобную пургу!

Фитилек приладить бы к гильзе снарядной,
Песни бы заслушаться — песни трехрядной
В том блиндажике возле яра,
Вороненном гарью пожара,
Да бомбежкою надоедливой,
Да махоркой сырою, въедливой.

В котелок засыпать бы пшена и соли,
Всех живых и павших созвать бы, что ли,
В тот блиндаж за синей долиной,
Где ютились мы ночью длинной
Под ревущим дождем, под тучами
Да под молниями колючими.

Вспомнить бы дороги, где громá были громки,
Где челны железные шли по поземке,—
В том блиндажике рядом с лесом,
Над которым ветви навесом.
Не ветвями ль он поднят этими
Над созвездьями, над столетьями?

Картина

Едут колхозники на концерт —
Музыку слушать едут в Киев.
Дышат горячие радиаторы
Пылью проселков, житом и небом.

За Богуславом, за Кагарлыком
И за Трипольем, у желтых оврагов,
Там, где их бабкам виделись ведьмы
В ольшаниках старых,—
Видятся им Снегурки-певуньи,
Новый Остап с Тарасом Бульбою...
Струнный шелест, литаврный рокот,
Меди солнечные голоса
Тревожат им душу.
Руки, шершавые от чернозема,
От топорылых кувалд, от автола,
Соприкасаются с криком скрипок,
С болью и верой этого века
И, над землею возвысясь, держат
Снопы облаков.

Едут в концертный зал хлеборобы —
Лысенко слушать, слушать Чайковского.

Тень

Тебе седую тень, отрада,
Не отогнать, не превозмочь:
Она ведет, как автострада,
В далекую седую ночь.

В полях за строем тополиным
Моторов складный говорок...
Стал вечным, а не просто длинным,
Незабываемости срок.

Земным путем, морским, небесным —
Где б мы ни мчались, все одно:
За тыном почерневшим, тесным,
Как светлячок, горит окно.

Кого же там из дальней дали
Годами ждет старушка мать?
Иль никогда оков печали
Ей с сердца своего не снять?

Чуть прикорнет, вздремнет сторожко —
И вновь душе покоя нет,
И вновь глядит, глядит в окошко,
В котором все — и жизнь и свет.

А он? Он шлет ли хоть открытки?
В родные ездит ли места?
Про те подарки или пытки
Молчат иссохшие уста...
Так и меня в года иные,
То до утра, то дотемна
Усталые глаза родные
Все ждали, ждали у окна.

Не дождались они — угасли,
Лазурные, в лазурный день...
Не знаю, раньше ли, сейчас ли
Вошла мне в сердце эта тень,
Но слышу: плачет мать родная,
Как будто сироту ей жаль.

...И гнется тополь, лист роняя,
И рвут моторы магистраль.

А память — там же, в дальней дали,
Где лето едет на возах.
Туда вернусь ли я? Едва ли...
Ведь та дорога — вся в слезах.

* * *

Солнцем обласканный, ливнем иссеченный,
Поенный медом,
Кормленный жмыхом,
Ты на виду — прошитый, промеченный
Счастьем и горем,
Благом и лихом.

Думы кружили шумными стаями,
Не закрывались
Надежды очи —
И оседал в них сплав несплавляемый:
Яркость луча
С чернотою ночи.

В сердце звучали
Поиск — песнею,
Нежность — малиновкой,
Схватка — трубою;
Скорбь налегала всей глубью небесною,
Смех малышей не молк над тобою.

«Ох и везучий! Ох и удачливый!
Крепко стоит. Родился в рубашке!»—
Так о тебе судили-судачили
В жизни,
А жизнь не давала поблажки:
Далью дорог
Ту рубашку валила...
Намертво с ног
В тридцать третьем валила...

Хватит про это! Не рановато ли?
К черту обиды,— была б лишь работа!

Годы тебе,
Как сыну, припрятали
Дар свой —
Свет, распахнувший ворота.
Над площадями и над дорогами
Ходит он — юный, звонкоголосый...
И вдалеке золотыми прологами
Бьют по листве
Рассветные росы.

Перевел с украинского
Валентин Корчагин.

ПЕРВЫЙ РЕДАКТОР НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Роман Николая Островского «Как закалялась сталь» увидел впервые свет в журнале «Молодая гвардия» в 1932 году. Его предваряла страница «От автора». В самом ее начале Островский счел необходимым сделать весьма важное признание:

«Когда я принялся писать мою книгу, я думал написать ее в форме воспоминаний, записей целого ряда фактов. Но встреча с товарищем Костровым, в бытность его редактором «Молодой гвардии», который предложил написать в форме повести или романа историю рабочих, подростков и юношей, их детство, труд и затем участие в борьбе своего класса, изменила это намерение».

Здесь названа фамилия Кострова, того самого Тараса Кострова, которому Маяковский адресовал свое знаменитое письмо из Парижа «о сущности любви». Именно Тарас Костров оказался тем человеком, который изменил начальный замысел автора, направил его в иное русло.

Костров был только на три года старше Островского. Почти ровесники! Ему не исполнилось и тридцати, когда он умер.

Островский дожил до тридцати двух, и о нем вспоминаешь, как о юноше. Костров же выглядел намного старше своих лет. Крупная, сутуловатая фигура, болезненно-желтоватое лицо, густые усы, острая бородка. И большие искрящиеся глаза. Таким сохранила его моя память.

Мало было прожито, но сколько пережито!

Тарас Костров (Александр Сергеевич Мартыновский) родился в 1901 году в Читинской тюрьме. Отец его — народоволец, мать — социал-демократка (Мартыновская).

Когда произошла Октябрьская революция, мальчик учился в пятом классе одесской гимназии. Он активно участвует в деятельности Союза рабочей молодежи.

Быстро приходит зрелость. Уже в 1919 году Костров вступает в Коммунистическую партию. Он работает в редакции одесского «Коммуниста» и в партийном комитете.

Деникинцы захватывают Одессу. Костров остается в подполье: он редактор газеты, которая распространяется в трех с половиной тысячах экземпляров, и одновременно секретарь подпольного райкома.

Ему удается подкупить деникинскую тюремную администрацию и освободить группу большевиков, приговоренных к смерти. Он возглавляет восстание в районе Пересыпи.

Отважный подпольщик становится вскоре начальником политотдела одного из армейских подразделений. Его избирают членом Харьковского губкома КП(б)У.

После X съезда партии Костров едет в Донбасс и работает секретарем луганского партийного комитета. В 1922 году он редактирует в Киеве «Пролетарскую правду». Потом работает членом редколлегии всеукраинской партийной газеты «Коммунист».

В 1925 году, после XIV партийного съезда, Кострова назначают ответственным редактором «Комсомольской правды» и избирают в ЦК ВЛКСМ. А в 1928 году он становится редактором «Молодой гвардии». Последняя его работа — заместитель редактора журнала «За рубежом», который возглавлял А. М. Горький.

Умер Костров 18 сентября 1930 года в Гагре.

Тарас Костров был ярким представителем молодого поколения революции. Он сочетал в себе незаурядный талант организатора с блестящим талантом оратора, публициста, литературного критика. В статьях, посвященных его памяти, отмечалось, что человек этот был заряжен огромными запасами революционной энергии.

С этим-то человеком и посчастливилось встретиться Николаю Островскому в пору, когда он только принялся писать «Как закалялась сталь» (имелись в виду наброски начальных глав книги, которые он, надо полагать, начал делать еще в Новороссийске и которые позже стали фигурировать как повесть о героях-котовцах, посланная на отзыв товарищам и затерянная почтой). Тарас Костров стоял у самых творческих истоков романа. Он был первым редактором, с которым встретился Островский.

Семен ТРЕГУБ

Олег ШМЕЛЕВ, Владимир ВОСТОКОВ

УРОК ЛОГИКИ

Надежда-Зароков был спокоен и уверен как никогда. Все вошло в норму. Единственное, что тревожило его,— внезапный отъезд Леонида Круга, подозрительно точно совпавший с посещением Дембовича,— разъяснилось. По его заданию Дембович ездил в район, зашел в здание, где проходили сборы киномехаников, и через уборщицу узнал, что Леонид Круг здесь. А в первых числах марта посетил седьмой километр, видел Круга, говорил с ним. Круг в самом деле был на курсах. Ровно месяц.

Снег в саду у Дембовича растаял, и однажды поздним вечером Надежда попросил его выкопать из-под яблони портативную рацию. Составив и зашифровав довольно подробное донесение и дождавшись назначенного для сеанса часа, он выехал далеко за город и во второй раз за полгода пребывания в Советском Союзе вышел в эфир. Надежда не слишком опасался, что его запеленгуют: передача была скоростная, длилась всего двадцать секунд.

В донесении Надежда описал в общих чертах события прошедших месяцев, дал объективную оценку своему положению, а в конце сообщил о том, что с Леонидом Кругом установлена связь, и просил на этот счет указаний.

В следующую ночь он работал на приеме, который длился всего десять секунд. После приема он с помощью маленькой приставки к рации прослушал развернутый текст радиограммы, а потом долго расшифровывал ее. Центр считал, что положение Надежды, как им представляется, позволяет приступить к исполнению двух спецзаданий. Ориентировочно переброска Леонида Круга назначалась на вторую половину июня. К тому времени следует иметь пробы земли и воды, чтобы Круг взял их с собой. Детально разработанный план переброски Надежда получит ровно через месяц. Указывалось точное время, когда он должен будет в следующий раз работать на приеме.

Видеться с Кругом он не намеревался. Это было бы опрометчиво. Все можно сделать через Дембовича. А с Бекасом следовало встретиться вроде бы случайно и поговорить по душам.

Как-то в ясный вечер, когда солнце было уже на закате и капе́ль, весь день звеневшая в городе, замолкла, а на карнизах домов морозец развесил хрустальные сосульки, Надежда приехал на своей машине к хлебозаводу.

Павел вышел с двумя совсем юными девушками. Он, видно, досказывал им какую-то историю, начатую еще там, за дверями завода. Девчонки покатывались со смеху. Надежда, понаблюдав эту картину, подумал, что Дембович в своих педантично подробных описаниях встреч с Бекасом нарисовал ему портрет, идеально схожий с оригиналом. Тут, конечно, Павел был не таким, какого помнил Надежда по кратковременному знакомству в поезде Сухуми — Ленинград. И не таким, как во вторую их встречу, когда Бекас сел к нему в такси вместе с размалеванной девицей. Надежда почувствовал, что начинает питать симпатию к этому парню.

Павел не обратил на машину Надежды, стоявшую вдалеке, никакого внимания. До трамвайной остановки он дошел вместе с девушками. Они продолжали путь пешком. Павел сел в трамвай.

Надежда не спеша ехал следом. Там, где трамвай сворачивал в сторону стадиона, Павел спрыгнул с задней площадки, не дожидаясь остановки, и бодро зашагал по бульвару. За версту было видно, что это бесшабашный человек.

На глаза ему попалась закусочная, и Павел зашел в нее. Надежде пришлось подождать.

Потом, сокращая путь, Павел свернул в улицу, застроенную старыми одноэтажными и двухэтажными домишками, с тесными дворами, загроможденными сараями. И вот здесь-то Надежда догнал его.

Опустив стекло, окликнул Павла:

— Алло, радиотехник! Садись — подвезу. Бесплатно.

Павел чуть нагнулся, разглядывая шофера такси. Узнал и моментально нахмурился.

— Знаешь, друг милый,— не принимая дружелюбного тона, сказал он,— вались ты... Вот навязался на мою шею! Я тебя не знаю, понял?

Павел огляделся, свернул во двор, увидел узкий проход между сараями и юркнул в него, чтобы выйти на другую, параллельную улицу.

Надежда развернул машину, нажал на газ посильнее, доехал до угла, сделал поворот и въехал в улицу, куда ускользнул Павел. Но его там уже не было.

Личный контакт, как говорится, наладить не удалось. Паническое бегство Павла обрадовало Надежду. Страх Павла, нежелание встречаться со свидетелем вагонной кражи были естественны и понятны.

Но инстинкт разведчика, работающего на чужой территории, тот инстинкт, который порою заставляет разведчика не верить собственному отражению в зеркале, шептал Надежде: смотри, не промахнись... И он решил еще раз взвесить все «за» и «против», преподав самому себе урок элементарной логики.

Если исходить из того, что Павел — контрразведчик и подослан к нему,— значит, органам государственной безопасности было известно о Надежде с первого дня его появления на территории Советского Союза, точнее — еще до появления.

Отсюда вытекает вопрос: почему органы госбезопасности не взяли Надежду сразу? Ответ найти нетрудно: чтобы выявить его связи и намерения.

Но очевидно, что у советских контрразведчиков достаточно средств, чтобы следить за малейшим его шагом, контролировать каждое его действие. Подсылать к нему под видом уголовника специального сотрудника с целью усилить слежку нет особой необходимости. И к тому же это всегда чревато известным риском для следящих: если они не считают иностранного разведчика круглым идиотом, то обязательно должны опасаться, что при малейшей фальши разведчик раскроет подставу, и тогда придется немедленно прекращать игру. Да и вряд ли они могли рассчитывать, что разведчик позволит себе прямой контакт с подосланным человеком, а общение через третье лицо в смысле слежки мало что прибавляет.

Значит, если Павел подослан контрразведкой, то с единственной целью: чтобы Надежда его завербовал, заставил работать на себя. Это похоже на дело.

В таком случае Бекас — большой артист. Он до сегодняшнего дня еще не сделал ни единой ошибки. И сегодня сыграл блестяще.

Дембович не верит, что Павел подослан контрразведкой, а старик — стреляный воробей, его на мякине не проведешь.

Но трезвый ум запрещал Надежде приблизить Павла без проверки более строгой.

Что же получается? К чему он пришел?

Остается только одно. Он пошлет Павла за пробами земли и воды. Затем переправит пробы с Кругом и попросит центр, чтобы они послали в Советский Союз специаль-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38—41.

Рисунки О. КОРОВИНА.

ного агента в тот же район за повторными пробами. Центр обязан пойти на такую перепроверку, ибо это имеет важнейшее значение для будущей деятельности Надежды. Таким образом выявится подлинное лицо Павла.

И еще одна проверка — переправа Круга. Если Кругу удастся уйти за кордон,— значит, советские контрразведчики о Надежде не знают. Иначе оценивать этот факт он отказывается...

Все было логично в этих рассуждениях. Но тем не менее урок логики, который сегодня преподал Надежде Павел, выглядел убедительнее.

ЗЕМЛЯ И ВОДА

Подобного скандала Куртис еще никогда в жизни не учинял.

Павел, придя с работы, заперся в ванной и полоскался там, как морж. В это время явился Куртис. Поздоровавшись с Павлом через дверь, он спросил:

— Ты долго еще?

— Только голову вымыл. Посидите, маэстро, почитайте книжку о загробной жизни, у Эммы есть.

В пиджаке у Павла, кроме старого, знакомого Куртису блокнота, оказался еще новый, с записями, имеющими отношение к новой деятельности Павла в качестве экспедитора. Кастет отсутствовал, будучи спрятан — это Куртис знал — под кроватью. Сверток с дарами для Боцмана также давно исчез — вероятно, продан в какой-нибудь забегаловке. Часиков, которые Павел получил от Терентьева, не было. Но зато за подкладкой на обоих бортах пиджака, внизу, Куртис нащупал нечто хрустящее.

Поколебавшись немного, он решительно пошел в комнату хозяйки, вернулся с ножницами и отпорол подкладку в двух местах. Возмущение его не поддавалось описанию: он изъял из распоротого пиджака два целлофановых пакетика, в каждом из которых было по четыреста рублей двадцатипятирублевыми новенькими купюрами. Те самые, которые он вручил Павлу для передачи Терентьеву! Две сотни были, конечно, пропиты...

Куртис даже покраснел. Бросив распотрошенный пиджак на стол вверх подкладкой и положив на него пакетики, он сел и стал ждать.

Куртис и в самом деле был возмущен, но так как пришел он сегодня к Павлу для особого разговора, то решил использовать это для дела.

Павел появился в комнате распаренный, с полотенцем на голове. С порога увидел свой пиджак на столе, перевел взгляд на разрумянившегося Куртиса и молвил:

— Ну-у, никогда бы на вас не подумал... Устраивать шмон своему лучшему другу!..

Куртис вскочил, сжав кулаки.

— Шмон?! Я тебе покажу шмон, подлый вор!

Он кричал, как на базаре, топал ногами. Павел, против обыкновения, не огрызался. Побесновавшись всласть, старик схватился за сердце и сел. Павел сбегал на кухню, принес воды в стакане, дал ему попить, приговаривая:

— Ну стоит ли так портить кровь из-за несчастных бумажек?

— Ты поступил подло по отношению к Терентьеву! — закричал старик.

— На что они ему? И куда бы он успел их спрятать? — возразил Павел.

Новая вспышка гнева была ему ответом. Но скоро Куртис устал ругаться и, отдышавшись, сказал:

— Хорошо. Мне этот случай окончательно открыл на тебя глаза. Я шел к тебе сегодня не за тем, чтобы ругаться и скандалить, но ты меня вынудил. Я хотел по-дружески просить тебя об одном одолжении, но теперь имею право и требовать. Я собирался дать тебе деньги — не столько, конечно, сколько ты прикарманил. Скажем, половину. Но ты уже получил из них двести рублей, не так ли?

— Считайте, что получил,— согласился Павел.— Давайте остальные триста.

— Сначала поинтересуйся, за что ты их будешь получать.

Павел присел на стул.

— Помнишь, я как-то между прочим спрашивал тебя насчет Новотрубинска?

— Разве? Что-то не помню.

— Ну, значит, собирался спросить. Ты бывал там?

— Легче сказать, где я не бывал.

— Придется съездить в Новотрубинск.

— А как же работа?

— Возьмешь расчет.

Павел не мог сдержать радости. Он хлопнул старика по плечу так, что тот поежился.

— Вы не совсем пропащий человек, Куртис. Весна действует и на вас. Но что я там буду делать?

Куртис как будто не слышал вопроса.

— Скажи,— спросил он,— там в апреле снега уже нет?

— Смотря где. А вам что, прошлогодний снег нужен?

Куртис достал из пиджака карту — это была страница, выдранная из карманного географического атласа,— ткнул пальцем в бурое пятно. Ноготь Куртиса занял площадь в несколько тысяч квадратных километров.

— Здесь.

— Аллах его ведает,— сказал Павел.— Наверно, уже растаял. А может, нет.

— Все равно.— Куртис сложил карту пополам.— К концу апреля ты отправишься. До Новотрубинска самолетом, а там — как сможешь. Авиалиния есть — полетишь, нет — поездом. Запомни: станция...— Он назвал станцию.

— А зачем я туда поеду?

— Дело самое пустяковое. Привезешь коробочку земли и бутылку воды из речки. И все.

— Так, так, так...— Павел соображал недолго.— Думаете, нашли простака... Учтите, Куртис, я же вор образованный, хотя и не аристократ. Научно-популярную литературу почитываю в промежутках между посадками. Знаете, такие маленькие книжечки в ярких обложках. Я же десять классов окончил, Куртис, а вы сколько? Это называется: проба на радиоактивность.

— Ты ничем не рискуешь.

— Статья шестьдесят четыре УК РСФСР. Измена Родине.

Куртис заерзал.

— Это же легче легкого. Ну как ты можешь попасться? Неужели у кого-нибудь вызовет подозрение турист, если он несет с собой бутылку воды? И земли тебе нужно не целый вагон. Всего две-три горсти.

— Я же беглый, меня ищут. Попадусь в дороге — что я скажу? Что вез землицы на могилу отца? А водой хотел полить цветы, которые на ней не растут, потому что я не знаю, где могила?

Павел сам подкинул козырей в руки Куртису.

— Ну, если ты попадешься милиции, тебе все равно, по какой статье становиться к стенке. Ведь ты часового-то убил?

Взглянув на него, Павел протянул неуверенно:

— Он должен быть живой... А как ты узнал?

— Должен!

Переговоры, выражаясь языком дипломатов, чуть было не зашли в тупик. Но Куртис проявил терпение и настойчивость. Он не сулил золотых гор, но предлагал довольно много денег. Успокаивал, внушал, что при соблюдении элементарной осторожности почти никакой опасности нет. Павел молчал, слушал как-то рассеянно, потом встал, снял с головы полотенце, скомкал его, в сердцах шлепнул на стул и сказал:

— Эх, гореть так гореть!

Когда Куртис уходил, к Павлу уже вернулось его обычное бесшабашное настроение. Он остановил старика в дверях.

— Слушайте, может, все-таки заштопаете мой пиджачок?

— Ничего, ты и сам портной хоть куда...

Как условились, дней через десять Павел взял расчет. На хлебозаводе все были опечалены, что он уходит, его успели полюбить за веселый, легкий характер. Пробовали отговаривать, но Павел сказал, что хочет приобрести на четвертом десятке какую-нибудь более квалифицированную профессию. Это, объяснил он, необходимо ему для будущей семейной жизни. Чтобы в нормальной советской семье, которую он собирается создать, не было разлада на почве неравенства супругов.

С тем, пошутив на прощание, Павел и покинул хлебозавод.

Куртис не провожал его на аэродром. Они скоротали время в кафе неподалеку от городского агентства Аэрофлота, откуда Павел должен был уехать на автобусе. На Павле был новый, только что купленный костюм

серого цвета и недорогое, но хорошо на нем сидевшее пальто. Поговорили о том, о сем, о погоде. А напоследок, уже выйдя из кафе, Куртис сказал как бы мимоходом:

— Да, ты вот что... Билеты не выбрасывай. Все привези.

Павел ничего не ответил, только укоризненно покачал головой.

Старик улыбнулся.

— Тебя не обманешь.

ТРЕТИЙ СЕАНС

Все чаще случалось так, что Михаил после смены, поставив машину в гараж, приходил ночевать к Марии. Соседи ее давно к нему привыкли, он стал в квартире своим человеком. Мария дала ему запасные ключи от общей двери и от комнаты.

Она лишь однажды поинтересовалась, как у него с жильем. Он сказал, что снимает проходную комнату в частном доме на окраине, приглашать Марию в гости ему неловко. И больше между ними этот вопрос не возникал.

В тот день, уходя из дома Дембовича утром на работу, Михаил захватил небольшой обшарпанный фибровый чемоданчик. Сверху лежала пара чистого белья, свежая верхняя рубаха, мыло, мочалка и махровое полотенце. Под бельем свободно поместилась рация. Очередной сеанс связи с центром, назначенный на завтра, он из предосторожности хотел провести в другом месте, за городом.

После смены, сдав машину, Михаил пошел к Марии. Она видела уже седьмой сон, когда он, стараясь не греметь, открыл дверь. Мария не проснулась. На ночь он поставил чемоданчик в платяной шкаф. Можно было не опасаться, что Мария из любопытства заглянет в него. Эпизод с письмами, которые он забыл у нее тогда, давал ему на это право.

Утром она не стала его будить, и он проспал момент ее ухода. На столе лежала записка с указаниями, что где взять на завтрак. В конце: «Позвони».

Позавтракав, он оделся, взял чемоданчик и вышел на улицу. Было совсем тепло. Солнце делалось горячим. На тополях лопнули почки, и улицы были пропитаны их горьковатым запахом.

На автобусе он добрался до того места, где начиналась загородная автострада. Встал на обочине.

Грузовые машины шли часто, но ему не всякая годилась. Наконец он увидел то, что нужно: в кабине место рядом с шофером было занято — там сидели две женщины. Михаил поднял руку, грузовик притормозил. Кузов с высокими бортами — машина оказалась овощная — был порожний.

— Мне недалеко! — крикнул он шоферу.— Подвезешь?

Шофер кивком показал на кузов. Грузовик быстро покатился по прямой, как линейка, бетонной автостраде.

Михаил лег на пол кузова, приоткрыл крышку чемодана. Рация была налажена заранее. Следовало лишь послать позывные и перейти на прием.

Минут через десять, когда проезжали через большой поселок, Михаил постучал по кабине, поблагодарил шофера, предложил ему рубль, но тот отказался.

В город он вернулся на электричке. На вокзале зашел в телефонную будочку, позвонил в диспетчерскую.

— Ну как? — узнав его голос, спросила Мария.— Что собираешься делать?

Михаил сказал, что хотел сходить в баню попариться с веничком, да встретил одного знакомого. У него мотороллер забарахлил, просит помочь, придется венику постоять в углу.

— А я думаю, что это с чемоданом стал ходить! Ты мне еще позвонишь?

— Обязательно. После обеда.

Он поспешил домой. Дембович ковырялся среди яблонь, открыв сезон весенних садоводческих работ.

Расшифрованная радиограмма подробно излагала детали по переброске Леонида Круга, который должен взять с собой пробы.

В час ночи 28 июня в квадрате, который числится на имеющейся у Надежды карте под номером 31—42, в узкой длинной бухте Круг должен в ста — ста пятидесяти метрах от берега ждать катера. Он может быть в небольшой резиновой лодке, а лучше пусть добирается вплавь. При условии, что пробы останутся в сохранности.

В непосредственной близости от указанного квадрата должны быть расположены санатории и дома отдыха. Леонида Круга надо направить в один из них заблаговременно. Район пограничный, появление незнакомого человека, если он не отдыхающий, обратит на себя внимание. Под видом отдыхающего есть возможность предварительно разведать квадрат.

Пароль для Круга — «Экватор». Ответ с катера — «Аляска».

Если у Надежды возникнут препятствия,— уведомить. Его будут слушать каждое четное число в два часа дня по московскому времени. Если все в порядке,— в эфир не выходить. Подписал телеграмму Виктор Круг.

Но у Надежды были и свои потребности. Он хотел получить от центра деньги — его запасы подходили к концу — и, главное, запасную портативную рацию, потому что старая вдруг стала барахлить. Однажды он, торопясь, забыл вложить ее в непромокаемый футляр, и она, очевидно, отсырела. Отдавать в ремонт нельзя.

Надежда считал переброску Круга пробным шаром. Улетит — стало быть, у него все в порядке. Не улетит — возможно, он давно на крючке у контрразведчиков. Пересылка рации и заодно с нею денег в этом смысле опасности не прибавляла. А раз так, можно без колебаний подключать Павла.

Надежда зашифровал ответную радиограмму с намерением передать ее послезавтра. Затем пошел и снова позвонил Марии. Баня отменяется, сказал он, до послезавтра. Сейчас купит билеты в кино на вечер, потом пообедает, а в четыре ждет ее на их обычном месте...

Через сутки был опять устроен банный день. Он передал центру радиограмму с просьбой прислать запасную рацию и деньги, которые должен принять с катера и доставить на берег Павел. Через некоторое время разведцентр запросил характеристику на Павла. Получив необходимые данные, он разрешил привлечь его к операции.

Советские контрразведчики заставили Надежду допустить ряд уже известных читателю просчетов. Но самой главной ошибкой резидента был, конечно, сам Павел, хотя Надежда все еще не до конца доверял ему.

...На Дембовиче действия Надежды отразились своеобразно. Он получил задание купить, а если нет в магазинах, то заказать у какого-нибудь кустаря надувную резиновую лодку, способную поднять двух взрослых людей. К лодке нужно иметь разборное байдарочное двухлопастное весло.

Весло купить удалось, но были только алюминиевые, оставлявшие на ладонях темные, металлически лоснящиеся пятна. Дембович наивно попробовал выразить протест — почему алюминиевые? Весло должно быть деревянное. Но продавец посоветовал дружески: «Берите, папаша, что есть, а то и этого не будет».

Лодок в магазине не имелось. Дембович предпринял в воскресенье поход на рынок, на толкучку, и там ему повезло. Один дошлый дяденька, торговавший предметами рыбацкого обихода, надоумил его обратиться к некоему своему знакомому, который работал вулканизаторщиком в авторемонтной мастерской. Он и адрес дал. И заверил: «Он не то что лодку, он те космический корабль сотворит». Действительно, найдя вулканизаторщика, Дембович моментально с ним договорился. Цену он заломил людоедскую, но зато обещал сделать быстро и, как сказал этот маг и волшебник, «будете плавать, пока сами не утопитесь».

Старик чертыхался после всех этих торговых мероприятий. Но это была не самая трудная часть выпавших на долю Дембовича забот. Михаил велел обеспечить две путевки в дом отдыха на побережье. Курортный сезон был на носу, достать путевку к морю становилось проблемой даже для рабочих и служащих, а Дембович, как известно, пенсионер. И, позвольте, если, предположим, ему повезет и через собес дадут целых две путевки, то ведь они будут на его имя. «Ну, тут мы как-нибудь выйдем из положения»,— сказал Михаил.

И Дембович каждое утро, как на службу, отправлялся или в собес, или в областное курортное управление, где у него прежде были кое-какие знакомства, или в совет профсоюзов.

А 26 апреля Михаил послал Дембовича к Леониду Кругу с паролем, велев передать, чтобы тот готовился к переправе и ждал указаний.

ВСТРЕЧА ПЕРЕД МАЕМ

В небольшой подмосковной даче, укрытой кустами смородины и сирени, не ложились спать до поздней ночи. Собеседников было трое: генерал Иван Алексеевич Сергеев, полковник Владимир Гаврилович Марков и старший лейтенант Павел Синицын. Все в штатских костюмах. Павел — в своем сереньком.

Полковник Марков и Павел сидели друг перед другом за круглым столом под огромным темным абажуром. Генерал расположился в полутени на небольшом диванчике. Он лишь изредка вмешивался в разговор, а больше слушал.

Марков подытожил доклад Павла и данные, собранные всеми участниками операции.

— Вариантов с переправкой проб может быть несколько, но наиболее реальны из них два. Или к нему пришлют специального курьера, допустим, какого-нибудь безобидного туриста или моряка, или он сам пошлет кого-то за кордон. Курьера — маловероятно, потому что слишком для него опасно. Курьер может привести хвоста. Значит, будем исходить из второго варианта. Здесь четыре вопроса: кого, как, где, когда? Здесь нам ничего не известно, но есть наводящие на размышление факты. Во-первых, Дембович снова навещал Леонида Круга...

— Владимир Гаврилович,— перебил Маркова генерал,— простите, но мы ведь сошлись на том, что поездка Дембовича на седьмой километр в марте вызвана просто беспокойством Надежды.

— Мартовская — да. Но Дембович ездил туда и вчера. Я не успел вам доложить.

— Хорошо, продолжайте.

Павел слушал молча. Ему все это было крайне интересно, ибо сейчас перед ним открывалась общая картина операции. В положении Бекаса он походил на актера, который один, без партнеров, играет выхваченную из пьесы роль.

— Во-вторых,— продолжал Марков,— Дембович обзавелся самодельной надувной резиновой лодкой и веслом.— Он сделал паузу, побарабанил пальцами по столу.— В-третьих, Дембович пытается приобрести две — прошу обратить внимание — две путевки в дом отдыха у моря — предпочтительнее к западу от города N. И сроки его интересуют строго определенные — с пятнадцатого или, в крайнем случае, с двадцатого июня... Надежда три раза выходил в эфир, его слушали, но расшифровать радиограммы пока не удалось. Вот все, Иван Алексеевич...

— Да-а...— Генерал подсел к ним за стол, облокотился, лег грудью на скрещенные руки.— Как ты думаешь, Павел, зачем ему две путевки?

— Не знаю, для кого другая, но от одной я сам не отказался бы,— пошутил Павел.

Генерал усмехнулся.

— Вижу, ты в шкуру Бекаса влез плотно, не скоро сбросишь... Кстати, Владимир Гаврилович, надо помочь Дембовичу купить путевки.— Он поглядел на Маркова, потом на Павла.

Марков и Павел молчали.

— А затем спать пора,— сказал генерал, вставая.— Ложитесь. Я поеду домой.

Марков и Павел поднялись из-за стола. Генерал снял очки, близоруко посмотрел на Павла, положил ему на плечо руку.

— Славно мы посидели на дорогу. До свидания, Павел! Главное, всегда помни: бой ведешь ты, а мы обеспечиваем тебе тылы.

Они пожали друг другу руки. Потом Марков и Павел проводили генерала во двор, к черной «Волге», стоявшей под навесом. Генерал Сергеев сел за руль. Павел открыл ворота. Поравнявшись с ним, генерал сказал, придержав машину:

— С наступающим Первым мая тебя!

— Спасибо. Вас также, Иван Алексеевич.

«Волга», фыркнув, выскочила за ворота.

Марков и Павел спать не легли. Требовалось самым тщательным образом выверить линию дальнейшего поведения Павла в зависимости от возможных поворотов событий.

На следующий день Марков привез на дачу красивую молодую женщину и познакомил с ней Павла. Она была модно одета. Звали ее Рита. Если Павлу придется попасть на курорт, Рита будет связной, на все другие случаи остается лейтенант Кустов.

После первомайских праздников, которые Павел провел с матерью на даче, он получил от полковника Маркова пробы. Земля и вода были привезены из того самого района, куда Павла послал Дембович, но по пути к Павлу они успели побывать в лаборатории одного института. Если люди, жаждавшие заполучить эту землю и воду, предполагали обнаружить в пробах радиоактивность, то результаты анализов превзойдут самые смелые их ожидания. Забегая далеко вперед, скажем, что это обстоятельство поставит Павла в смертельно опасное положение, а его товарищам-контрразведчикам причинит массу непредвиденных хлопот.

А пока что Павел, взяв чемоданчик из искусственной кожи, в котором лежала круглая коробочка из-под халвы — там была земля — и синтетическая фляга с водой, а также имелись предметы, приличествующие Бекасу, полетел в Новотрубинск. Оттуда поехал на станцию, указанную Дембовичем, и целую неделю изучал ее окрестности с пристрастием топографа.

На Павле, когда он покидал Москву, не было пальто, не было и новенького серого костюма. Возвращался он в город, где его ждали Надежда с Дембовичем, не самолетом, а поездом. И ехал не в купированном вагоне, а в бесплацкартном, рассчитывая, что Дембович расценит это, как надо.

ДЕМБОВИЧ РАСПРЕДЕЛЯЕТ ПУТЕВКИ

— Нате вам землю, сажайте огурцы.— Павел положил перед Куртисом банку из-под халвы.— Нате вам воду, поливайте их.— На столе появилась фляга.— Больше для вас ничего нет.

Павел вытряхнул остальное содержимое чемоданчика на кровать. В перепутанном ворохе были зеленый мужской шарф, женский пуховый платок, галстук тех ядовитых расцветок, от которых сводит скулы, кожаные перчатки, блестел перочинный нож, и все это нашпиговано картами рассыпавшейся колоды.

— Да, маэстро! — Павел полез в боковой карман.— Вот билеты. Тут немного больше, чем вам нужно.

Действительно, маршрут передвижений Павла, отраженный в предъявленных им билетах, был гораздо длиннее и сложнее того, который составил для него Куртис. На билетах фигурировало штук пять крупных городов.

Куртис неодобрительно наблюдал за Павлом. Наконец разжал зубы.

— Гастролировал?

— Было дело.

— Не боялся?

— Боялся.

Куртис оглядел грязный, заношенный, явно с чужого плеча костюм Павла.

— Пропился?

Павел вынул из разноцветного вороха на кровати карту, показал ее Куртису. Это был туз бубен.

— Вот. Вот что меня сгубило, дорогой Куртис. Ставил я на пиковую даму, а сыграл бубнового туза. Перекинемся с вами? Я не передергиваю.

Куртис пропустил мимо ушей любезное приглашение. Он не был расположен к пустой болтовне.

— Банку и флягу оставь у себя. Спрячь, на виду не держи. Завтра я зайду. Днем. А ты отмывайся.

— Одолжите хоть красненькую.

Куртис оставил на столе десятку, сгреб билеты, завернул их в газету и ушел.

Явившись на следующий день, он пошушукался с хозяйкой на кухне, а когда та ушла, приступил к делу.

— С тобой можно говорить всерьез?

— Валяйте,— лежа одетый на кровати и глядя в потолок, сказал Павел.— Я сейчас в самой боевой форме.

Вот что услышал Павел. Куртис даст ему путевку в дом отдыха «Сосновый воздух», выдаст денег на приличный костюм и вообще на обзаведение всем необходимым для пребывания на курорте. Павел возьмет надувную лодку, складное весло и велосипедный насос, которые лежат в брезентовом чехле у хозяйки в кладовке. Путевка не заполнена, Павел впишет свою фамилию и имя собственной рукой, это официально разрешается. Путевка с 12 июня на двадцать четыре дня.

В доме отдыха с ним познакомится один человек — тут Куртис нарисовал портрет, совершенно не схожий с внешностью Круга: высокого роста, худой, узкоплечий, волосы светлые, стрижка короткая, глаза серые. Особых примет нет. Впрочем, полезно знать, что два передних верхних зуба у него из белого металла, вставлены недавно.

— Неудобно в зубы глядеть,— критически заметил Павел и поцокал языком.

— Советую отнестись серьезнее.

— Сообразите сами: как это он меня опознает, как я его?

— Вот для этого и надо слушать до конца, а не строить из себя умника.

Во-первых, этот человек заметит Павла уже по брезентовому чехлу с лодкой, он приедет в дом отдыха несколько раньше. Но на курорте найдется много отдыхающих с лодками в чехлах. Поэтому...

— Поэтому поднимайся, приведи себя в божеский вид, и мы пойдем погулять по городу.

Куртис посмотрел на часы. Было два. Хозяйка где-то задержалась.

— Не будем дожидаться Эмму. Пообедаем где-нибудь по дороге.

Он таскал Павла по улицам, будто экскурсовод экскурсанта. Павел так и не понял, где Куртис хочет показать, предъявить его Леониду Кругу, где должно состояться это одностороннее знакомство. Они обошли весь центр, съездили к вокзалу, были у стадиона, у электролампового завода, в речном порту, около телецентра, и когда после двухчасового блуждания сели в маленьком ресторанчике пообедать, Куртис дышал, как загнанный.

Павел съел большую порцию солянки и два вторых. И выпил бутылку пива. Куртис не пил: у него болело сердце.

Провожая Павла, Куртис досказал основную часть своих инструкций.

Павел возьмет землю и воду и будет держать их у себя. Когда тот человек спросит о халве, Павел отдаст ему пробы. И вот наиболее важное — то, что Павел должен зарубить себе на носу: на все время пребывания в доме отдыха он поступает в беспрекословное подчинение к незнакомцу и обязан исполнять все, что тот прикажет. А дела там могут быть посложнее, чем поездка за пробами.

С нынешнего дня и до самого отъезда на курорт Павлу запрещается выходить из дому. Строго-настрого.

По мере того, как излагалась программа, всегдашняя бесшабашность постепенно сползала с Павла, и от Куртиса это не укрылось. Серьезный Павел нравился ему больше.

Куртис поднялся с ним в квартиру, поговорил с Эммой. Уходя отобрал у него ключи.

Павел протестовал вяло.

— В такую погоду...

— У моря надышишься.

В начале трехнедельного карантина, похожего во всем на тот, первый, Павел переживал тревогу и неуверенность. Что делать? Надо позвонить и поставить своих в известность о том, что он узнал. Но Куртис торчит в квартире целый день. А старуха, кажется, вовсе перестала спать по ночам. Можно, конечно, улучить удобный момент, убежать, когда Куртиса нет, а старуха ковыряется на кухне. Однако Эмма обязательно донесет Куртису, и это может навести на подозрения, которые заставят Зарокова изменить планы.

К тому же, что такое существенное, чего не знали бы Марков и Сергеев, мог в данную минуту сообщить Павел? Им и без него все должно быть известно, в том числе и сроки путевок. Они не знают только, что вторая путевка именно у него.

Что ж, узнают 12 июня. Тут ничего страшного нет, все равно раньше 20-го ничего случиться не должно. И Павел решил не испытывать судьбу.

Он научил Куртиса играть в буру и в шестьдесят шесть, а старик научил его раскладывать пасьянсы. Куртису не понравилась ни бура, ни шестьдесят шесть, а Павлу понравился пасьянс под названием «чахоточный», посредством которого удавалось успешно убивать время.

Кроме того, Павел заставлял Куртиса приносить ежедневно свежие газеты. Все, какие бывают в киосках. Он говорил, что ему доставляет удовольствие хотя бы видеть на печатных страницах названия различных городов, если уж нельзя их посетить лично. Иногда он читал Куртису вслух длинные статьи, читал с выражением, и это было на редкость трогательное зрелище.

Иногда Павел тренировался: раскладывал на полу аккуратно склеенную лодку и надувал ее с помощью велосипедного насоса. Это было очень трудно.

Однажды он заявил, что гантели, купленные им еще в пору работы на хлебозаводе, его больше не удовлетворяют. Нужна гиря. В магазине спорттоваров должны продаваться.

Куртис, кряхтя, приволок новенький полуторапудовик. Как старик внес его на четвертый этаж — уму непостижимо, но клял он Павла искренне и с большим темпераментом.

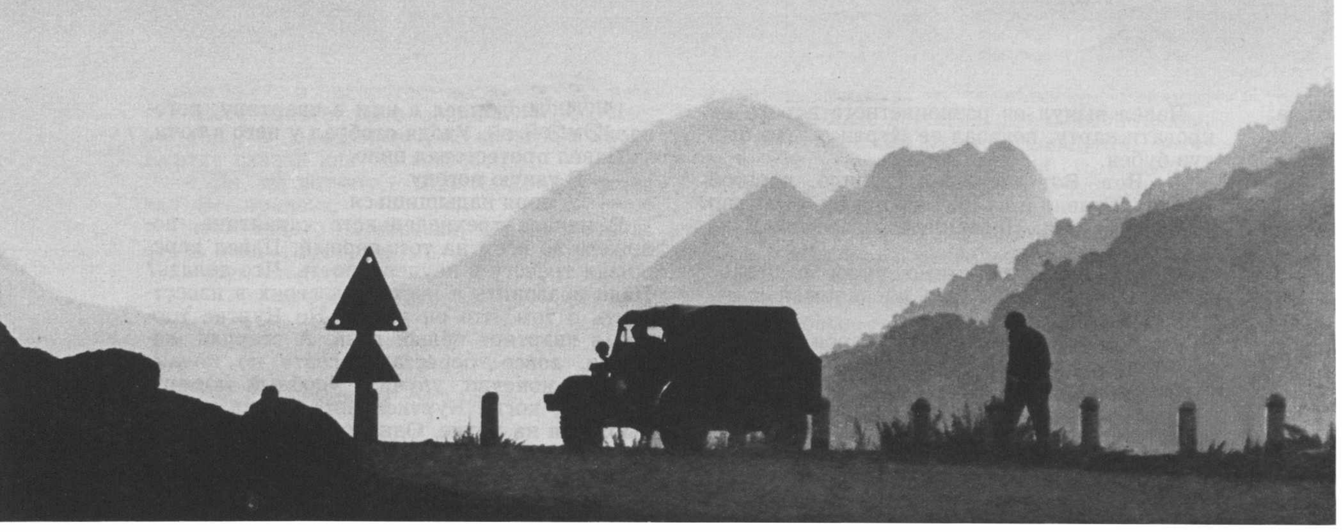
Можно считать, что Павел не сильно скучал. Гораздо тоскливее было старику.

Но все приходит к концу. 11 июня Куртис принес билеты на поезд.

12 июня утром Павел с маленьким чемоданчиком из искусственной кожи в руке и с большим брезентовым чехлом на плече ступил на перрон вокзала в городе N и, щурясь на солнце, от которого успел отвыкнуть за три недели, не спеша вышел на привокзальную площадь.

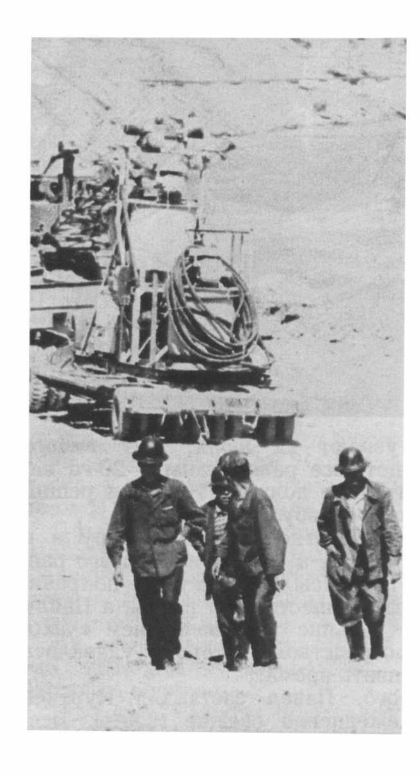
А еще через час автобус доставил его в дом отдыха «Сосновый воздух».

Продолжение следует.

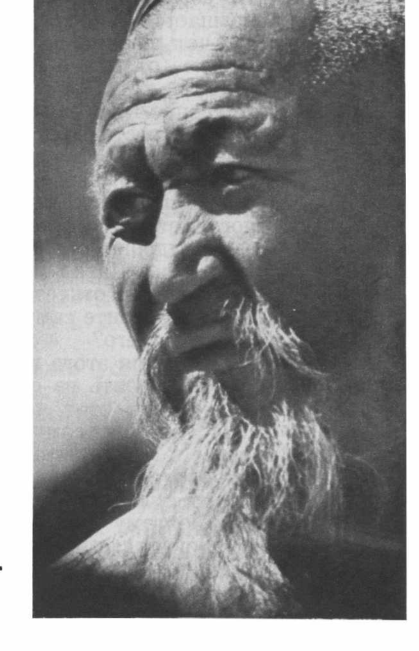
Высота — 3 200 метров.

За облаками

Дорога пришла к строительству Токтогульской ГЭС.

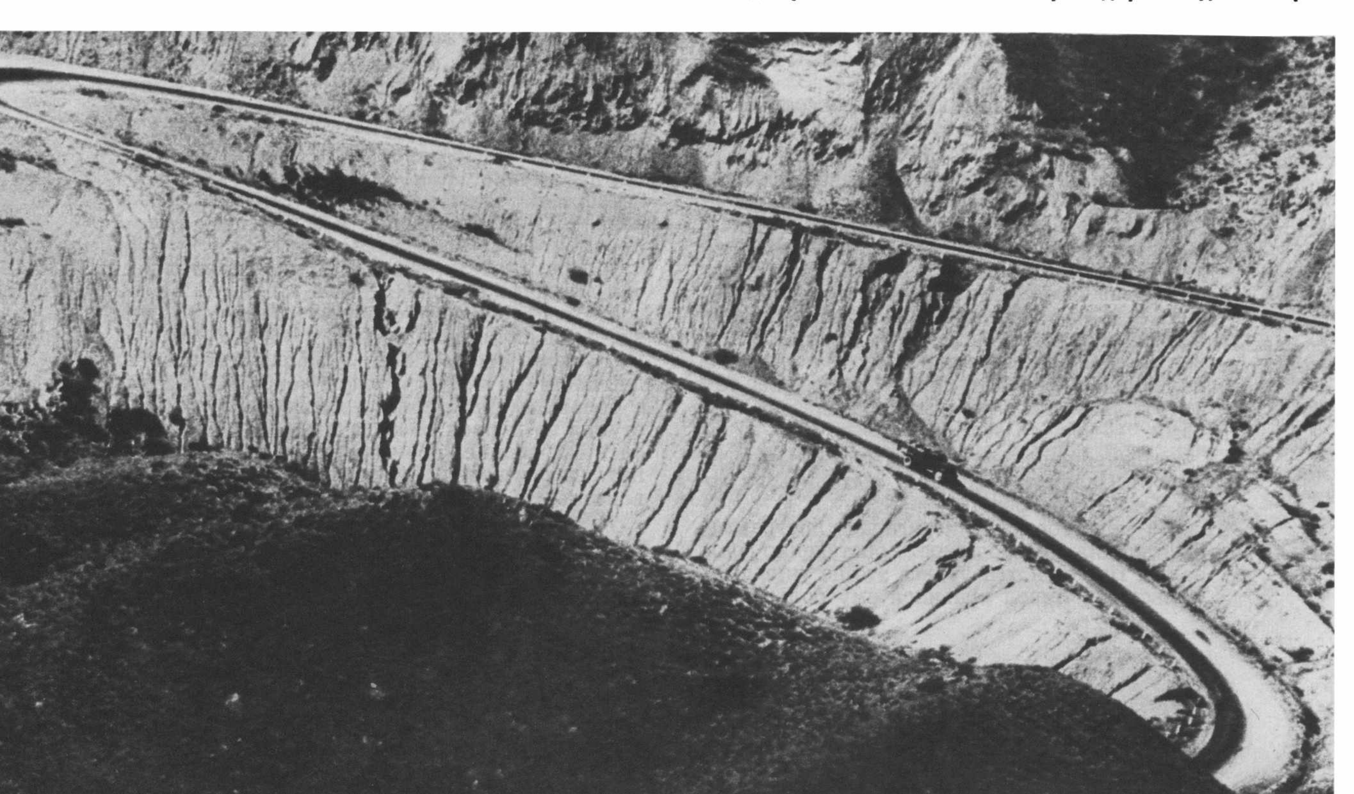
Фото Л. Шерстенникова.

Бетонщик Алгазы Маткаримов.

АЛА-БЕЛЬ

Добрых полтысячи километров дорога идет в горах.

Как-то в горах Памира, у крохотного, шаткого мостика, висящего над пропастью, мне перевели надпись, выбитую на скале: «Путник, берегись, жизнь твоя тут, как слеза на реснице».

Далекий, давно ушедший с земли предок вот уже сотни лет предупреждал идущего по горной дороге о сложности и смертельной опасности, стерегущей его на каждом шагу.

Эта надпись вспомнилась мне, когда наш «газик», крутясь, словно бы юла, одолел подъем на перевал Тюя-Ашу и замер, разгоряченный и усталый. Мы вышли из машины. Высота — 3 200 метров. Чуть поскрипывает и покалывает в ушах, как в самолете, вылились из авторучки чернила, и резкие, быстрые движения вызывают с непривычки сердечное колотье и одышку. Вокруг лежал глубокий снег, хотя всего час назад, в долине, шоферу приходилось заливать в кипящий радиатор воду и сетовать почти на сорокаградусную жару. Мы стояли над пропастью и смотрели туда, где глубоко внизу стремительно и широко разматывались кольца дороги.

О строительстве этого горного пути не раз публиковал материалы наш журнал. Начало стройки уходит еще к 30-м годам. Тогда не удалось осуществить план—пересечь заоблачные вершины Тянь-Шаня, построить одну из самых крупных горных дорог,— помешала война. А сегодня две крупнейших горных страны мира — Тянь-Шань и Памир — связывают дороги, построенные руками братских республик — Киргизии и Таджикистана. Одна из них Фрунзе — Ош, по которой мы совершаем поездку. На самых сложнейших подъемах и спусках дорога предельно широка и рассчитана так, чтобы предостеречь любую непредвиденную опасность. Совсем как на столичных улицах, отбита центровая полоса, оборудованы площадки для стоянки транспорта, воздвигнуты подпорные противоселевые стенки и железобетонные галереи. Кстати, о галереях.

В зимнее время в горах Тянь-Шаня возникают лавины. Они необыкновенно сильны и разрушительны. За образованием, накоплением и движением их постоянно следят люди на специальных лавинных станциях, созданных по всей дороге. В местах снежных обвалов возведены железобетонные галереи. Как по трамплину, проносится по ним многотонная масса снега и камня и рушится далеко за дорогой в пропасть.

...Наш «газик» бежит дальше в горы, миновав 2,5-километровый тоннель, пробитый в толще перевала Тюя-Ашу.

То и дело встречаются нам машины с алма-атинскими, ташкентскими и ошскими номерами. Дорога уже живет большой, суетливой жизнью. Впереди Ала-Бель — господин перевалов. Он за облаками. Некогда дикие, безлюдные горы вторят сейчас эхом рокоту моторов проносящихся по шоссе машин.

За облаками, за Ала-Белем, дорога широка и гладка. Она стремительно сбегает вниз, все дальше на юг к родине певца Киргизии Токтогула, к будущему морю, к Токтогульской ГЭС, к хлопковым полям и ореховым рощам, к новым городам, к жизни...

Ю. СБИТНЕВ

Леонид СТЕПАНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Три столицы Шотландии

Памятник Вальтеру Скотту в Эдинбурге.

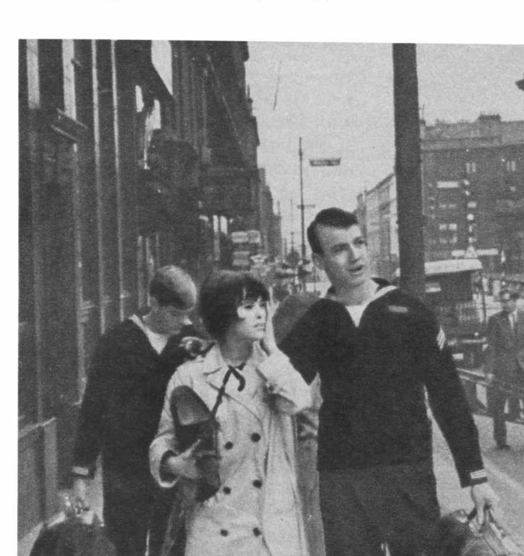

Эмрис Хьюз дарит свои книги советским журналистам.

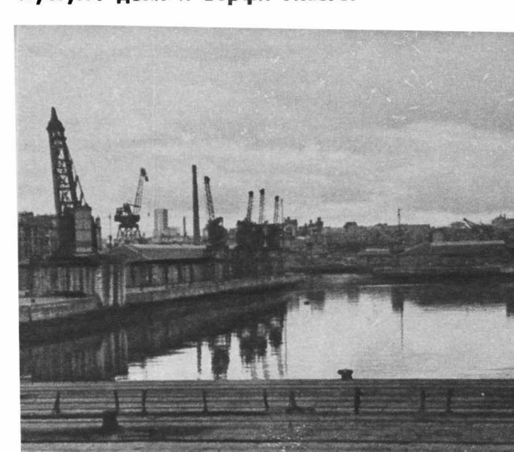

Там, где родился Роберт Бернс.

Матросская невеста.

Пустуют доки и верфи Глазго.

1. ЭДИНБУРГ

После огромного, суетного и тесного Лондона столица Шотландии кажется особенно спокойной и уютной.

Но большую ошибку допустит тот, кто сделает поспешный вывод о некоей толике провинциализма шотландской столицы. Совсем напротив! В некотором отношении Эдинбург даже опережает Лондон. Высшие учебные заведения Эдинбурга, например, известны более прогрессивными методами преподавания, и многие молодые англичане едут учиться в Шотландию.

Среди самых популярных современных писателей Великобритании — шотландцы. Достаточно назвать теперь уже всемирно известного Кронина. Правда, даже тем из них, кто хотел бы писать на шотландском диалекте, приходится издавать свои книги в Лондоне. Но это скорее коммерческий аспект: по всей Великобритании расходятся более крупные тиражи книг, чем в одной Шотландии.

На высокой скале, как средневековый страж города, стоит старинная эдинбургская крепость. Она хранит историю многострадальной, суровой Шотландии. Более пяти веков воевали англичане с шотландцами, но ни разу им не удалось взять штурмом эту цитадель. Гигантский флот и армия, хитроумная дипломатия и коварные методы колонизации помогли англичанам поработить на время многие народы земли. Но здесь, на том же туманном острове, они ничего не могли сделать с небольшим, но гордым и стойким народом. Поэтому, когда видишь, с какой любовью и тщанием шотландцы собирают исторические реликвии, с каким упорством хранят свои старинные обряды, то понимаешь, что это не тупой национализм, а высокий светлый патриотизм, национальная гордость, без которой нельзя было бы им выжить в жестокой вековой борьбе. Понимаешь, почему в центре Эдинбурга стоит грандиознейший памятник Вальтеру Скотту, какого не поставили Шекспиру, да, пожалуй, и ни одному писателю Европы. Ведь его исторические романы полны героического эпоса борьбы, дышат мятежной вольностью шотландцев.

Бродишь по истертым каменным плитам эдинбургской крепости, похлопываешь ладонью старые пушки, глядишь сквозь бойницы на город, раскинувшийся внизу под горой, и невольно твердишь строки Роберта Бернса:

Мы сталь английскую не раз
В сраженьях притупили...

На алом бархате под стеклом лежит шотландская корона. Патриоты спасали ее от англичан как символ шотландской независимости многие десятилетия. В глубочайшем секрете ее перевозили из замка в замок, прятали в хитроумных тайниках, о которых знали только немногие люди.

Старинная резиденция Стюартов — дворец Холируд — теперь шотландская резиденция королевы Великобритании. Рядом с дворцом развалины старинной церкви, где трижды венчалась бедная Мария Стюарт. На винтовой лестнице за спальными покоями зарезали ее последнего супруга, и сама она попала в плен к английской королеве. Около королевской кровати лежит небольшой гобелен, вытканный Марией Стюарт за несколько недель до казни: уродливая зубастая кошка играет с мышкой...

Мы были в Эдинбурге в те дни, когда там заканчивался международный фестиваль искусства. Такие фестивали проходят в столице Шотландии ежегодно. Нам рассказали, что в прошлом году в программе фестиваля большое место занимала русская музыка, особенно музыка П. И. Чайковского. В дни эдинбургского фестиваля можно было легко убедиться в том, что, сохраняя свое национальное достоинство, шотландцы умеют уважать достоинство других народов. Это проявлялось не только в концертных залах, но и повсюду в городе: в отелях, в магазинах, в парках.

Нас водил по Эдинбургу председатель общества дружбы «Шотландия—СССР» Том Кэмпбэлл — большой энтузиаст и труженик, удивлявший нас глубоким знанием русской истории, литературы, фольклора. Т. Кэмпбэлл много лет дружил с С. Я. Маршаком, помогал ему в изучении жизни и творчества Роберта Бернса. В скромном домике Тома Кэмпбэлла как желанные гости за последние годы побывали многие советские писатели, журналисты, художники. На столе в его кабинете лежат новые издания советских книг, присланные их авторами, журналы, письма, сувениры. На стене большая репродукция картины Крамского «Неизвестная».

Нам тоже выпала высокая честь посидеть у того же камина и за тем же столом, где сиживали почетные гости общества «Шотландия—СССР». Когда милая хозяйка Христина Кэмпбэлл угощала нас знаменитым (и, оказывается, вполне реально существующим!) вересковым медом, ее седоголовый муж с тихой грустью сказал: «Здесь сидел Самюэль Маршак... Он так много сделал для дружбы наших народов!»

2. АЛЛОУЭЙ

Мы едем на автобусе в столицу шотландской поэзии — скромную деревушку Аллоуэй, в места, где пахал землю и писал стихи Роберт Бернс. За окном справа и слева проплывают пашни, зеленые луга, вздымаются холмы, покрытые лиловым вереском. Порой кажется, что в этих сельских краях ничего не изменилось за двести лет. Крестьянин катит деревянную тачку с картошкой. Девушка с фермы несет молоко. Невольно вспоминаешь и спрашиваешь мысленно: не здесь ли плуг великого пахаря потревожил жилье полевой мыши? Не тут ли, на берегу речки, Джин застала своего мужа за сочинением «Тэма о'Шентера»? Он возбужденно размахивал руками и весело смеялся... Может быть, в этих местах Роберт Бернс изловил контрабандистов и, отобрав у них четыре пушки, отослал их в дар французской революции?

Но нет, конечно, за двести лет здесь многое изменилось: там и тут возле опустошенных шахт высятся терриконы, на перекрестках

дорог стоят ярко покрашенные бензоколонки, и даже овцы на лугу совсем не те: из-за какой-то болезни их выкрасили в ярко-оранжевый, апельсиновый цвет.

Город Эр, за ним деревня Аллоуэй — и сразу будто давно знакомый крестьянский дом под соломенной крышей у самой дороги. Этот дом — на обложке книги стихов Роберта Бернса, книги, которую редкий человек у нас не держал в руках. Дом этот стократ описан, да и описывать здесь особенно нечего: скотный двор, потом горница с низким потолком, тусклое маленькое оконце— чтобы меньше платить налога,— крестьянская деревянная кровать, где родился поэт...

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?

Не сохранилось ни одного прижизненного портрета Роберта Бернса, хотя портретов от того времени — надутых лордов, епископов, купцов — сколько угодно. Тот портрет, который используется теперь как первоисточник, взят с трактирной вывески. Правда, он сделан художником, хорошо помнившим, как выглядел его великий земляк: загорелое лицо с крупными чертами, волосы, как вороново крыло, и пылающий взор.

Неподалеку от дома, на берегу реки Дун, стоит живописная таверна. В ней все слишком стилизовано, картины на стенах рассказывают о жизни Роберта Бернса в слишком идиллических тонах. Но все-таки таверна стоит на том месте, где наверняка бывал Роберт Бернс, где он, может быть, и подглядел своих «веселых нищих». На оконном стекле алмазом нацарапаны его веселые строчки:

Мы к вам стучались целый час —
Привратник не ответил.
И дай нам бог, чтоб так же нас
Привратник ада встретил!

С порога таверны виден кирпичный арочный мост через реку — тот самый, по которому гуляка Тэм о'Шентер удирал от нечистой силы. Быстротекущие воды Дуна спасли его, но достопочтенная кобыла Мэг осталась без хвоста.

Любовно собрано в музее Роберта Бернса все, что сохранили о поэте время и люди. Почитатели поэта не пожалели и не жалеют теперь сил и средств. За листок с оборванным уголком, на котором рукою Бернса написана «Застольная», пришлось заплатить 1 500 фунтов стерлингов. Зато тысячи людей — среди них шотландцы, давно покинувшие в нужде родину и живущие где-нибудь в Австралии или Калифорнии,— склоняются над стендом, вздыхают, перечитывая строки, которые давно стали любимой народной песней «Забыть ли старую любовь?..».

В одном из залов музея, что стоит рядом с домом Бернса, собраны все издания поэта на родине, а также иностранные издания. Почетное место занимают здесь наши советские книги с их небывалыми для Запада миллионными тиражами. У нас в стране вышли наиболее полные переводы Бернса. В серии «Жизнь замечательных людей» чуть ли не впервые за рубежом подробно описана жизнь великого шотландского поэта. Первая в мире почтовая марка с портретом Роберта Бернса, оказывается, тоже выпущена у нас. В самой Великобритании такая марка должна появиться только в начале будущего года. Филателист из Аллоуэя, который нам об этом рассказал, горячо обнял каждого из нас — представителей страны, столь высоко уважающей «шотландского барда».

Надо сказать, что и теперь Роберт Бернс имеет в своей стране не только восторженных почитателей. Люди реакционных взглядов не могут простить ему свободолюбия, демократичности, непримиримого отношения к барству и ханжеству. Когда позднее мы посетили шотландскую редакцию лондонской газеты «Дейли экспресс» и беседовали с одним из ее руководителей, то он беззастенчиво выражал свое недоумение нашим «непонятным увлечением деревенским стихотворцем Бернсом». По его мнению, в наши дни есть достаточно современных поэтов, рядом с которыми Бернс не может выдержать сравнения ни по изяществу слога, ни по глубине мысли. Зная, кого наш коллега из «Дейли экспресс» имел в виду, мы не могли согласиться. Мы напомнили ему пророческую шутку самого Бернса о споре двух мостов в графстве Эр — старого и нового. Оказалось, что старый мост и поныне служит людям, а тот, новый да модный, над которым посмеивался Бернс, давно уже рухнул в воду.

3. ГЛАЗГО

Говорят, что на старом шотландском диалекте «Глазго» означает «зеленое место». Вероятно, когда-то здесь в самом деле было много зелени, может быть, даже шумели густые дубравы. Но теперь промышленная столица Шотландии слывет самым пыльным, закопченным, самым грязным городом на всем острове. У шотландцев есть горькая шутка. Спрашивают: «Почему Глазго самый черный город?» И отвечают: «Потому, что в Глазго всего один Белый дюйм». Белый дюйм — название одного из районов города, который и в самом деле почище и позеленее других.

Старые районы Глазго производят неизгладимо тяжелое впечатление. Черные от дыма стены домов, мусор на улицах, мрачные дворы, где играют бледные, перепачканные дети. Еще и теперь сохранились кварталы трущобных домов, спешно построенных более ста лет назад для расселения рабочих, когда Глазго стал бурно обрастать верфями, доками и пристанями. Правда, теперь часть этих домов ломают, на их месте будут стоять коммунальные дома, но если черный Глазго обновлять такими темпами, то понадобится не один десяток лет.

Было время, когда каждое пятое судно в мире строили на шотландских верфях. Судоверфи Глазго и теперь имеют высокую марку, рабочие и теперь славятся мастерством и трудолюбием. Но положение на мировом рынке судов таково, что используется только незначительная часть огромной мощности Глазго. Жутко видеть, проезжая вдоль верфей и доков, сотни больших неподвижных кранов. Как будто лес стальных рук вытянулся в небо с мольбой о работе.

В одном из музеев Глазго я видел рабочего, вероятно, докера или корабелстроителя. Заложив большие, мозолистые руки за спину, он долго и задумчиво разглядывал модель океанского лайнера. Может быть, он строил такие корабли, а теперь долгое время не имеет работы? Мне рассказали, что даже мастера высокой квалификации иногда не получают настоящей работы месяцами и даже годами.

В дни нашего пребывания в Шотландии газета «Гардиан» с большой надеждой писала о возможных советских заказах на десять судов разного типа, довольно большого общего водоизмещения. Мы видели, как оживленно обсуждалось это сообщение. Может быть, отчасти поэтому, попав в тот же день на стадион, мы нашли такую теплую встречу у своих соседей по скамейке.

Узнав, что я москвич, мой сосед справа, крановщик Вилли, радостно хлопнул меня по спине, потом, не теряя слов даром, полез в карман своего сезонного плаща и достал початую бутылку виски. Отпив ритуально большой глоток, он протянул бутылку мне с таким радушным дружеским видом, что отказаться, право, было невозможно. За мной из той же бутылки, подморгнув мне вместо тоста, пили товарищи Вилли — Джон, Фрэд, Питер. Затем в ход пошли длинные и узкие жестянки с пивом, которые мои новые приятели протыкали обычным гвоздем и пускали по кругу. Шофер Питер снял синий шарф — цвета своей любимой команды «Рейнджерс»—и повязал моему другу на шею. Подарок был сделан на одном-единственном условии — размахивать шарфом, когда «Рейнджерс» забьет гол. Джон все время заверял: «Все знают, что русские парни сделали свое дело в войну, и все это дело хорошо помнят».

Теплое чувство дружбы к нам только за то, что мы представители Советской страны, мы испытывали в этой поездке не раз. Причем выражали его люди, занимающие положение в обществе самое разное.

Известный писатель, депутат лейбористской партии в парламенте Эмрис Хьюз охотно отобедал с нами. Он вспоминал о своих встречах с известными советскими писателями. Потом подписал и подарил нам много своих книг.

Жена морского офицера Маргарита Хэмфри на безупречном русском языке рассказывала нам о новостях театральной жизни. Выражая свое беспредельное восхищение русской литературой, она давала характеристики лондонским постановкам чеховских пьес «Дядя Ваня», «Чайка», «Вишневый сад», «Иванов».

Банковский служащий говорил, что потрясен советским Гамлетом — Смоктуновским. При этом он выразил такую мысль: советские переводы Шекспира означают для великого драматурга как бы второе рождение.

Не забыть нам и тех студентов у отеля в Глазго, которые ждали вечером нашего возвращения с единственной целью — посмотреть на советских людей, обменяться дружескими рукопожатиями, сказать пяток общепонятных горячих слов.

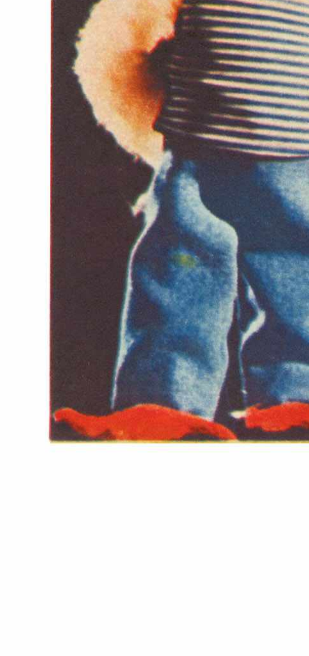
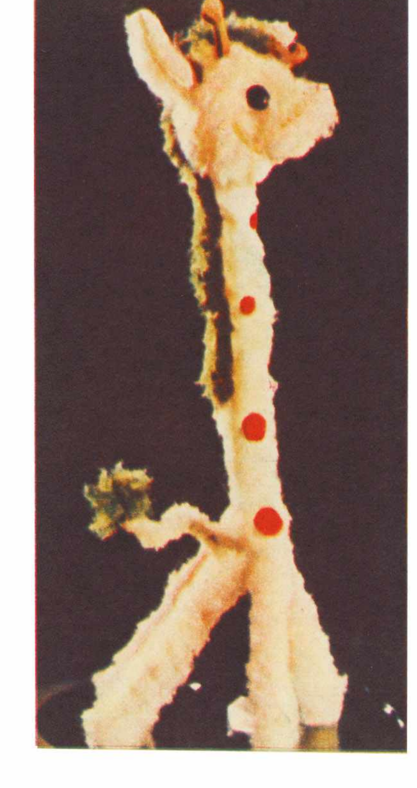
Мы уезжали из Шотландии вечером. У всех было много сильных впечатлений. Кто-то из нас тихо запел «Прощальную»— старинную шотландскую песню, известную многим из нас по фильму «Мост Ватерлоо». Наш добрый гид Том Кэмпбэлл, который накануне пел дорогой старые русские песни, слушал нас с задумчивой улыбкой, покачивая в такт красивой мелодии своей крупной седой головой...

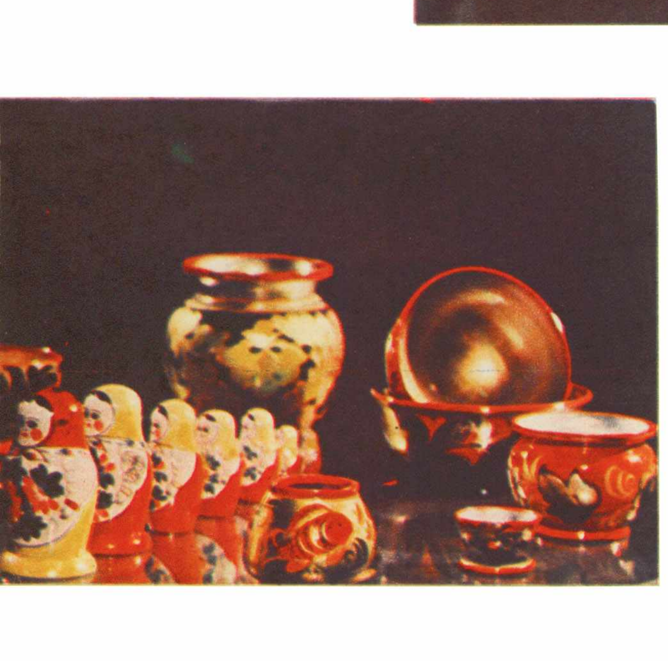
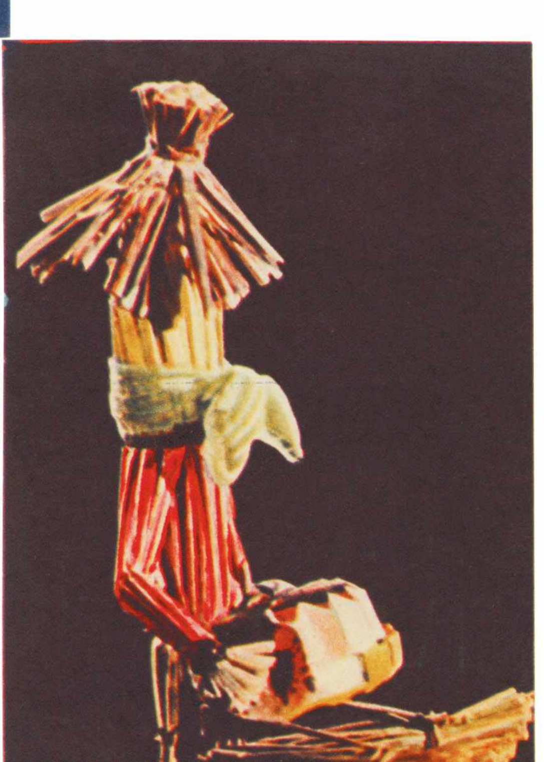
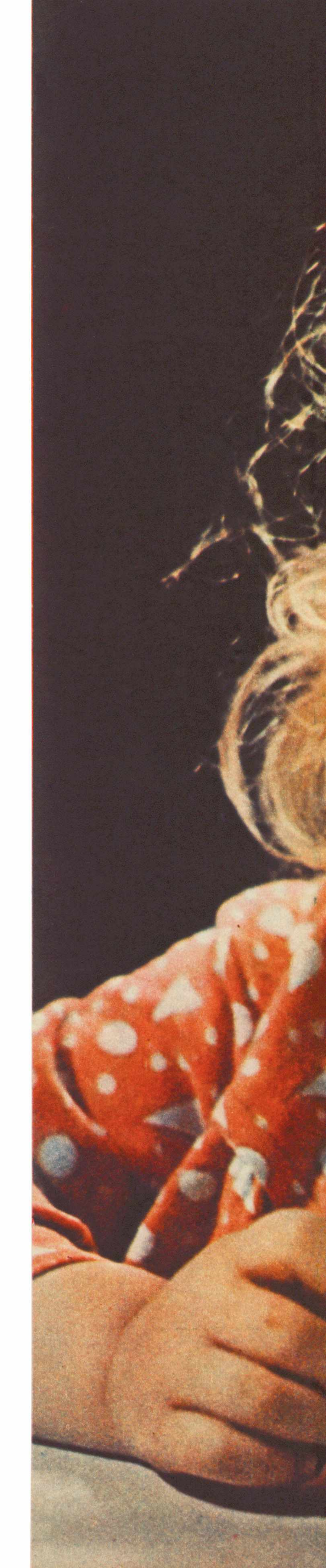
Маленькие мастера резца и кисти

Мы знакомим тебя, дорогой читатель, с творчеством детей. Это они, впервые познавшие радость и волнение творчества, вышили эти скатерти, смастерили эти забавные игрушки, нарисовали свои первые рисунки. Кто знает, может быть, пройдут годы и они — сегодня еще тринадцатилетняя Светлана Степанова или четырехлетний Сережа Заблук — прославят обновленный Союз художников своими скульптурными и живописными работами? Кто знает!..

Вглядись в лица этих маленьких мастеров резца и кисти! Как пытливо они смотрят в жизнь, как им все любопытно, ново и интересно!.. Их юным сердцам уже не чуждо первое творческое волнение, первая радость от созданного ими произведения, пусть еще наивного, несовершенного, но все же уже произведения искусства. А если даже они не станут художниками и скульпторами, а изберут себе в жизни иную дорогу, не будем им сегодня мешать творить, не будем лишать их красок и цветных карандашей, пестрых ниток для вышивания и тонкой проволоки для каркасов забавных зверюшек. Пусть их фантазия уже сейчас находит живое воплощение в том, что они делают дома и в детском саду.

Сергей МИХАЛКОВ,
член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР

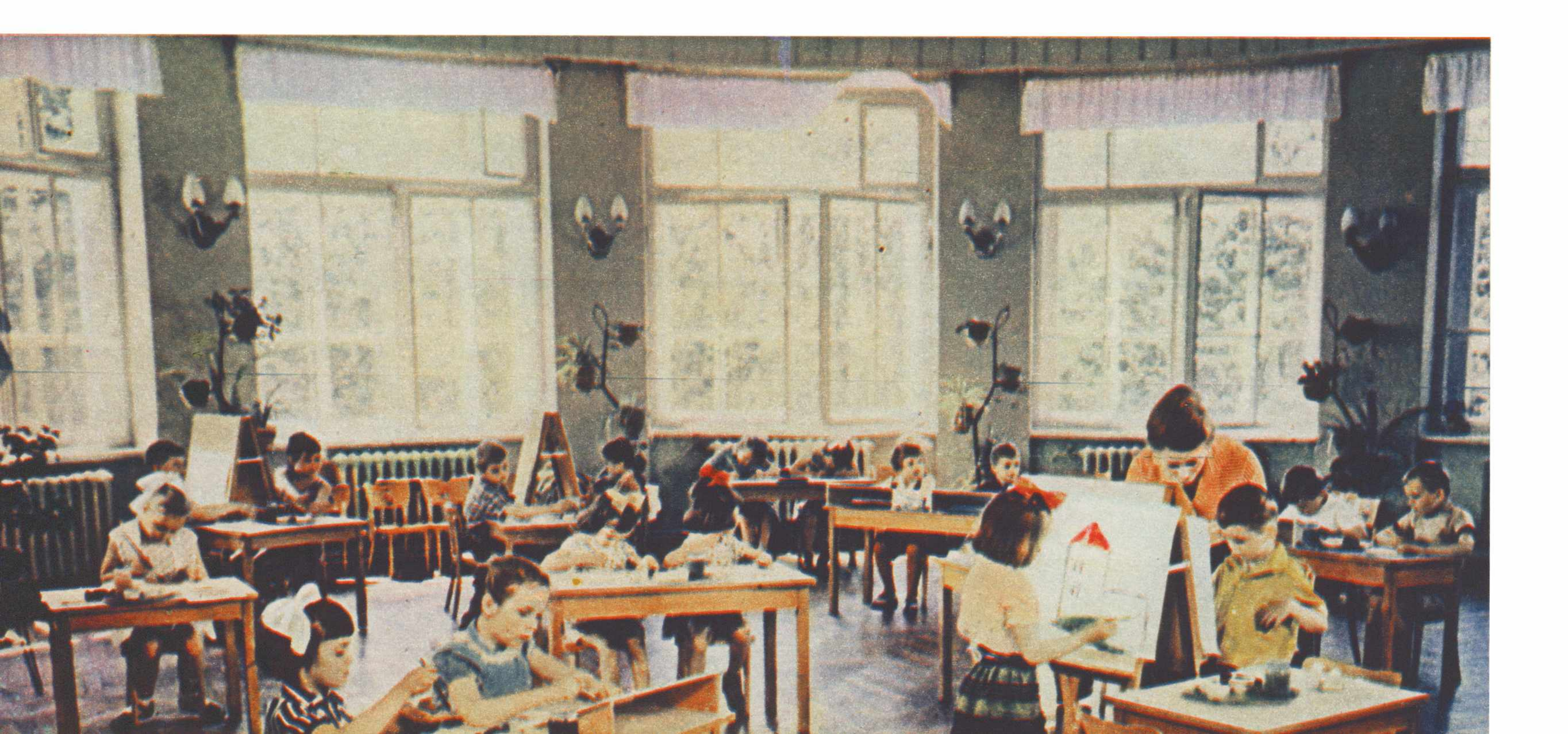

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ЛЕКАРСТВА

Издревле здоровье кожи было предметом забот и внимания врачевателей. Уже в тринадцатом веке арабские врачи лечили заболевание витилиго — белые пятна на коже — с помощью лекарства, приготовленного из плодов растения «Амми большая». Однако длительное применение «Амми» вызывало у больных воспаление почек. И постепенно лекарственное действие плодов было забыто. Уже в наше время египетским химикам Фами и Абу-шафи удалось выделить из «Амми большой» вещества, обладающие лечебным действием, но не вызывающие болезненных побочных явлений.

Свой вклад в использование лечебных качеств плодов «Амми» внесли и советские специалисты. Совсем недавно группе научных сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных и ароматических растений было выдано авторское свидетельство на способ лечения болезни витилиго и облысения препаратом аммифурином, изготовленным из плодов «Амми».

Лечение препаратом сочетается с облучением кожи ртутно-кварцевыми лампами. Клиническая проверка показала, что полное выздоровление наступает у 85 процентов людей, страдающих облысением.

На первой странице нашей вкладки: ребятишки из детского сада Москвы со своей руководительницей Н. С. Разговоровой. А скатерти вышивали дети разных республик.

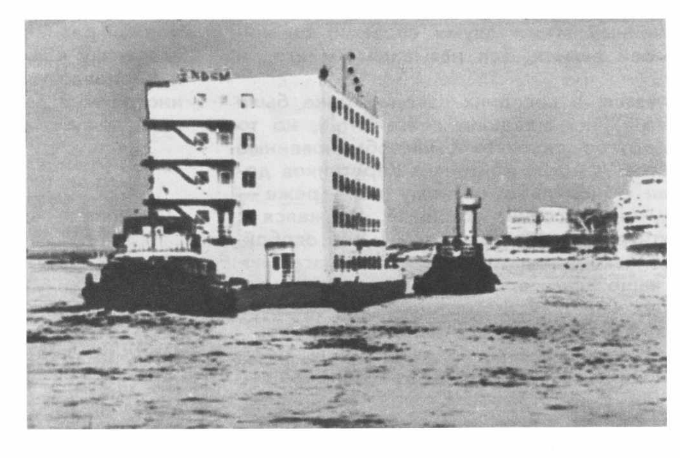
●

Разворот посвящен работам Лиды Рукомед, Нины Устинович, Светланы Степановой, братьев Сережи и Коли Прокофьевых, Тани Балдуцкой.

●

На четвертой странице вкладки: уроки рисования в детском саду № 333 города Москвы.

Фото Л. Бородулина.

ПЛАВУЧИЙ ДОМ

Перед вами плавучее пятиэтажное общежитие, построенное для сезонных моряков одной голландской фирмой города Эймейдена. В доме шестьдесят квартир, в которых живут 250 человек.

КТО ГОВОРИТ БОЛЬШЕ?

Исследователи разговорной речи взяли на себя труд ответить на вопрос: сколько времени в среднем говорит человек в течение одного дня? Ответ оказался неожиданным: вопреки распространенному мнению мужчины говорят больше, чем женщины. В течение дня, продолжающегося 16—17 часов, женщины на разговор тратят в среднем 3 часа, мужчины же — 3,3 часа. При этом они произносят в день около 31 тысячи слов (женщины — 28 тысяч). Ученые также отмечают, что женщина более экономно формулирует свою мысль, чем мужчина.

Одна из западногерманских телефонных фирм вменила в обязанность своим сотрудникам подслушивать телефонные разговоры 500 абонентов (подслушивание телефонных разговоров в ФРГ — обычная вещь), чтобы определить, какое слово при телефонном разговоре употребляется наиболее часто. Таким словом оказалось «да».

Наблюдения, которые проводились вблизи будок общественных телефонов, явились основой для следующего вывода: мужчины либо ведут молниеносный разговор, либо их вообще невозможно вытащить из будки. Телефонные разговоры женщин в среднем продолжаются одинаковое время.

ПРОГУЛКИ ЮЖНОГО МАГНИТНОГО ПОЛЮСА

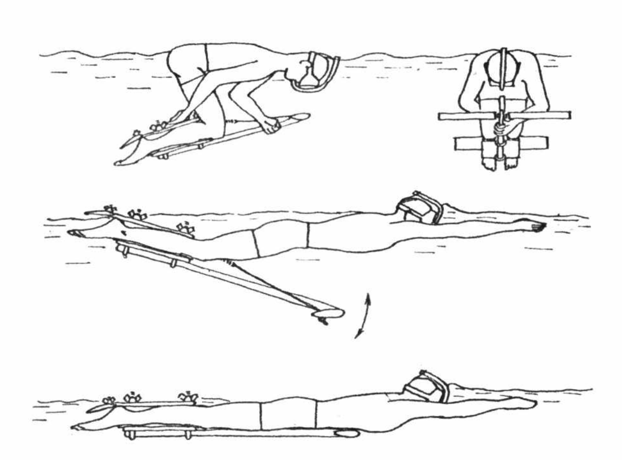
Оказывается, южный геомагнитный полюс не стоит на месте, а разгуливает по Антарктическому континенту со скоростью двух метров в час. Как показали наблюдения, полюс движется от Земли Виктории к Земле Адели. За последние пятьдесят лет он уже переместился примерно на восемьсот километров.

Геофизики считают, что в не столь далеком будущем южный магнитный полюс перебазируется из Антарктиды в Индийский океан, а через двести лет достигнет юга Африки.

АКВЕОН

Можно ли плавать только с помощью ног? Безусловно. А пользуясь довольно несложным приспособлением, разработанным Кальвином А. Гонгвером из Пассадины (Калифорния), плавать можно гораздо быстрее и при меньшей затрате сил, чем известными способами. Новое приспособление, аквеон, напоминающее планер из трех деревянных лопастей, соединенных между собой наподобие буквы «н», крепится к голеням пловца. Когда он сгибает колени, передняя лопасть аквеона движется вниз; она возвращается наверх, когда пловец выпрямляет ноги. В результате передняя лопасть работает, как весло. Направление движения определяется положением рук: ныряя или выныривая, их следует опускать или поднимать по отношению к линии туловища; повороты осуществляются изгибом рук и туловища в необходимую сторону. Медленные, плавные взмахи ног рекомендуются для спокойного плавания, резкие — для плавания на скорость.

Аквеон позволяет развивать скорость до семи с половиной километров в час.

КАТЯ — ДОБРОЕ СЕРДЦЕ

Казалось бы, чего проще: получена телеграмма — вручи ее адресату. Нет никого дома — оставь в ящике извещение, и дело сделано. Не придет человек своевременно на почту — пусть пеняет на себя. Но работники телеграфа 8-го почтового отделения Киева всегда помнят о том, что такая задержка часто влечет за собой какое-то осложнение в жизни людей, а может быть, и крупные неприятности. Поэтому депеши вручаются немедленно, а если это невозможно, то делается все, чтоб никому не было неудобств.

Вот одна из телеграмм: «Встречайте бабушку, поезд номер такой-то, время прибытия такое-то». Но людей, которым адресовано сообщение, дома нет. Как быть? И заведующая телеграфом Анна Боголепова вместе с телеграфисткой Евгенией Рубаник едут на вокзал, встречают пожилую женщину, помогают ей доставить вещи.

Прибыла телеграмма писателю Александру Леваде: срочно нужно ехать в Одессу на киностудию. Писателя нет в городе — лето. Доставщица узнает у соседей, где находится адресат, и пересылает телеграмму туда.

Но вот более сложная ситуация. Телеграмма из Волгограда извещает: «Встречайте Нину, вылетела с детьми». До прибытия самолета совсем мало времени, а квартира на замке. Где жильцы, не известно никому. Волнуются работники телеграфа, волнуется все почтовое отделение: надо встречать, ведь дети, коляска, чемодан...

— Кто поедет, девочки? — спрашивает экспедитор Валентина Киреева.

Первой отозвалась Катя Журавлева — доставщица телеграмм. До аэропорта более 30 километров. Надо спешить. «А может быть, помогут на главпочтамте?» — подумала Катя и попросила по телефону машину.

— Не выдумывайте, — ответил человек, действующий строго по инструкции, — не наше это дело — встречать и возить пассажиров...

Спорить было некогда и, по всему видно, бесполезно. Катя села в автобус-экспресс и как раз успела к прибытию самолета. Но вот еще вопрос: как найти в толпе пассажиров незнакомую Нину с детьми? «Очень просто, — соображает Катя. — Сейчас объявим по радио». Через минуту она уже стояла перед дежурным аэропорта, просила помочь. Но дежурный оказался тоже из тех, кто действует, вернее, бездействует, по своей инструкции.

— Ну что вы, — удивился он, — мы такого никогда не делаем...

Не дослушав, Катя двинулась к самолету. Людей из машины высыпало много. Пришлось спрашивать всех женщин с детьми: не вы ли Нина? Не вы ли к Киселевым приехали?

— Я Нина, я к Киселевым, — наконец ответила одна из них.

Когда я беседовал с Екатериной Журавлевой, она меня просила:

— Только, пожалуйста, не делайте из этого заурядного случая какое-то событие.

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ,
собкор «Огонька»

КОСМИЧЕСКАЯ ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Хлорелла — одно из первых земных растений, побывавшее в космосе. Только узкому кругу ученых была она известна до своего космического путешествия.

Если бы несколько лет назад руководителю животноводческого хозяйства предложили выращивать и собирать урожай хлореллы, он пожал бы плечами и сказал: «Водоросль, которую невооруженным глазом и рассмотреть трудно, откармливать скот?! Такому трудно поверить».

Но ученые решили по-иному: можно и даже нужно ввести в питательный рацион скота это растение! В хлорелле содержится столько же витамина «С», сколько в хорошо вызревшем лимоне, а каротина — значительно больше, чем в люцерне.

В Ташкенте на базе Главзаготскотооткорма Узбекской ССР приготовлены «поля» для выращивания хлореллы — несколько бассейнов. Каждое «поле» дает большие урожаи высокопитательной суспензии. Добавка ее в корм скоту повышает вес животных и предохраняет их от различных заболеваний.

Хлореллу уже успешно выращивают во многих хозяйствах республики. Производство одной тонны высокопитательного корма обходится всего в 25 копеек.

«Космической путешественницей», прописанной в Узбекистане, заинтересовались многие животноводческие организации страны.

С. ЮРЬЕВ

Константин ВАНШЕНКИН

Рассказ

Рисунки П. Пинкисевича.

Лейтенант Каретников

Бригада располагалась в лесу — каждый взвод в отдельной землянке. Землянки были очень тесные, и спали мы только на боку,— о том, чтобы лечь на спину, не могло быть и речи. Если кто-нибудь выходил ночью, то, вернувшись, уже не находил своего места,— каждый во сне успевал подвинуться на сантиметр, и свободное пространство на нарах тут же заполнялось. Поэтому, если кто-нибудь, да еще не один, получал внеочередной наряд и отбывал его ночью, это являлось всеобщим благом и удачей. Вместе с нами, в такой же тесноте, спали командиры отделений и помкомвзвод Пащенко.

Только один лейтенант Каретников спал с удобствами, его место, достаточно широкое, с краю, у печки, было отгорожено от остальных крепкой доской, ребром врезанной в нары.

В темноте раннего зимнего утра звучала труба. Трубач возле штаба поворачивался в разные стороны, и она звучала то звонче, то глуше. Мы, суетясь, натягивали брюки, которые почему-то назывались «шаровары», накручивали портянки и, втиснув ноги в ботинки, выбегали из землянки,— обмотки мы совали в карман, чтобы намотать их потом, сделать это сразу мы не успевали.

Лейтенант Каретников в это время еще спал, укрывшись с головой зеленой шинелью с расстегнутым хлястиком.

Мы в нательных рубашках выскакивали на переднюю линейку. Передняя линейка тянулась очень далеко и вправо и влево, там, в других ротах и батальонах, шла своя, хотя, конечно, очень похожая на нашу жизнь.

Мы вслед за помкомвзводом шибко бежали по передней линейке, потом по задней, потом сворачивали на лесную тропинку, тут он давал команду остановиться, сойти направо, что означало — оправиться. Потом мы снова бежали по тропинке, опять попадали на заднюю, потом на переднюю линейку и, сделав большой круг, оказывались возле своей землянки.

Когда мы возвращались, лейтенант Каретников брился. При свете коптилки—фитилька, вставленного в сплющенную наверху гильзу, он скоблил щетину широкой опасной бритвой, заглядывая в прислоненное к гильзе дамское зеркальце с изображением Большого театра на обороте.

Он поднимал голову и с некоторым удивлением смотрел на нас своими серыми глазами.

Я не знал его имени и отчества и никогда не интересовался этим.

Это был л е й т е н а н т К а р е т н и к о в. Обозначенный этими двумя словами, он живет в моей памяти. Так называли мы его и тогда.

Разумеется, в соседних взводах тоже были лейтенанты (или младшие лейтенанты), но то совсем другое дело. То были обыкновенные лейтенанты. А когда лейтенант Каретников докладывал о чем-либо ротному или — реже — комбату, он, высокий, стройный, держался с тем почтительным достоинством и той особой, чисто воинской красотой, которая все-таки бывает чаще всего врожденной и которая так нравится начальству, считающему, что именно оно воспитало в подчиненном это качество.

Мы служили совсем недавно, мы были очень молоды, и все было у нас впереди — и жизнь и смерть тоже. Странно, но лейтенант Каретников, такой недоступный для нас, был нашего поколения. Более того, он был почти нашим ровесником, но он был уже порождением войны, он уже побывал т а м и уже нес на себе ее меты.

*

После завтрака начинались занятия. Бывали занятия и бригадные и батальонные — выходы, прыжки, стрельбы,— но большинство занятий проводилось в составе взвода. Мы покидали расположение, и только один человек знал, что с нами будет дальше. Углубляясь в лес, мы никогда не могли угадать, какую подаст он команду: залечь и окопаться или развести костер и отдыхать, а если отдыхать, то как долго — до обеда или пятнадцать минут?

Однажды, после затяжной атаки по снежной целине, мы ворвались в лес, в его зимнюю тишину, и лейтенант Каретников приказал утоптать по кругу снег и развести огонь, что мы и сделали, рассевшись вокруг, кто как мог, на пеньках и валежинах.

Мы уже были связаны накрепко общим будущим и настоящим, но мы, не осознавая этого, еще жили и той, прежней, довоенной жизнью, каждый своей, каждый по-своему. Мы задумчиво смотрели на огонь, курили, а веселый и отчаянный парень Витька Стрельбицкий очень правдоподобно рассказывал о молоденькой девчонке-поварихе и потрясающем романе, который закрутил он с нею перед самой службой.

Лейтенант Каретников слушал, курил, усмехался чему-то своему, как обычно, с некоторым удивлением глядя на нас, и вдруг сказал, обращаясь к помкомвзводу:

— Посмотри, Пащенко, хорошие ребята. Один у них большой недостаток, знаешь, какой? Необстрелянные.

Помкомвзвод поднял на лейтенанта круглое добродушное лицо, хмыкнул и отвечал успокоительно:

— А, это от них не уйдет.

Мы сидели слегка смущенные.

Сейчас я очень ясно вижу тот зимний лес и желто-белый огонь костра, над которым колеблется и ломается воздух. Я вижу тех необстрелянных ребят, кого нет и никогда уже не будет. Да и сам лейтенант Каретников, о ком никак не скажешь, что он был необстрелянным, и он пал на изодранной минами черной равнине. Я вижу Витьку Замышляева, и его тезку Стрельбицкого, и Колю Авдюшина, и Карпова. Мне не в чем упрекнуть себя, но иногда мне все-таки немного стыдно, что это не я лежу там. Но так получилось.

А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет, но в нас вы живы,
Пока на свете живы мы.

Девчонки те, что вас любили
И вас оплакали, любя,
Они с годами вас забыли,
Но мы вас помним, как себя.

Дрожа печальными огнями
В краю, где рощи и холмы,
Совсем умрете только с нами...
Но ведь тогда умрем и мы.

*

То утро было еще холодным, еще бодрящим, но потом, едва мы успели отойти от расположения, оно перешло уже в день, в настоящий весенний день начала апреля, полный бесконечной синевы, блеска и света, день, когда то и дело клонит в сон и неохота двигаться, даже если ты молод. Мы выбрались из лесу, где еще лежал снег, на узкую проселочную дорогу и, растянувшись, медленно шли по ней, изнемогая от тяжести шинелей и оружия. Проселочная дорога привычно вывела нас на большак, мы построились в колонну по четыре и двинулись среди сырых рощ и уже высохших открытых холмов куда-то вдаль, куда хотел вести нас лейтенант Каретников.

Он, как всегда, шел сзади взвода и вдруг, когда мы уже почти совсем забыли, кто мы и где находимся, громко и грозно протянул:

— Взв-о-о-д!..

Это команда не окончательная, а лишь как бы привлекающая внимание, и взвод стал рубить строевым по сверкающим апрельским лужам, напряженно ожидая последующих всесильных слов.

— Танки справа! — крикнул лейтенант Каретников.

И взвод по его команде скатился с дороги, рассыпался, залег, начал окапываться, и только лейтенант стоял на гребне дороги в полный рост, будто был неуязвим для вражеского огня.

Потом он сказал: «Отбой»,— и, пока мы вылезали на дорогу и пытались немного почиститься, он один пошел по дороге вперед. Он шел, высокий и стройный, в своей зеленой шинели, заложив руки за спину и задумавшись, и ни разу не оглянулся на догонявший его взвод.

Так мы прошли километров пять. Впереди показался старый длинный барак, но мы опять свернули в сторону, и на сухом пологом холме лейтенант Каретников приказал отрыть одиночные ячейки, а командирам отделений составить стрелковые карточки.

Мы принялись за работу, а лейтенант Каретников прошел вдоль всего фронта нашей

обороны и, не торопясь, направился через поле, наискосок, к бараку. Я посмотрел ему вслед. Он шел, как тогда, по дороге,— задумчиво, заложив за спину руки.

Отрыть окоп для положения «лежа» — дело нехитрое, и скоро мы уже лежали на животах в своих ячейках, почти дремля под апрельской синевой. Но напряжение не отпускало нас, потому что в любой миг могла последовать команда,— и какая — неизвестно! — и это ощущение мешало нам по-настоящему расслабиться. И все же мы почти дремали под апрельской синевой, сознавая смутно, что, пока лейтенанта нет, мы никуда не уйдем отсюда. Сержанты и Пащенко, не обращая на нас внимания, курили, лежа на вершине холма, о чем-то тихо говорили и смеялись.

А между тем лейтенант мог бы уже и вернуться.

Часов во взводе не было ни у кого, даже у самого лейтенанта Каретникова, это потом в конце войны появились у всех «Омеги» да «Лонжины», это потом вошел в моду «гвардейский» мах — обмен часами «ход на ход», не глядя, по звуку. Это потом каждый открывал заднюю крышку и ковырялся финкой в механизмах трофейных часов, когда они останавливались. Все это было потом, еще не скоро... А пока что во взводе не было часов, и узнать время тоже было негде. Но уже все, абсолютно все, а помкомвзвод Пащенко в особенности, тонко чувствовали тот момент, когда пора идти в расположение, на обед, так, чтобы прийти не слишком загодя и чтобы никто не смог упрекнуть, но и не слишком поздно, а именно в самый раз,— не торопясь, привести себя в порядок, приготовиться и с сигналом тут же степенно направиться к кухне.

Мы почувствовали этот момент, но лейтенанта Каретникова еще не было.

Пащенко поднялся, расправил шинель и, стоя на вершинке холма, хмуро смотрел в сторону барака. Уже никто не дремал, хотя все лежали и, покуривая, смотрели в ту же сторону, что и помкомвзвод.

Лейтенанта Каретникова не было видно.

Прошло еще минут двадцать.

— Становись! — сказал Пащенко негромко и затоптал окурок.

Мы вскочили, отряхиваясь, застегивая шинели и разгоняя под ремнем складки. Мы тоже побросали недокуренные цигарки и взяли на ремень карабины.

— Шагомм-арш! — сказал Пащенко и повел взвод наискосок через поле, в сторону барака.

*

Барак был старый, длинный и серый, его крыша, крытая толем, немного осела посередине, перекосились окошки с ватой между рамами, с привычными — крест-накрест — бумажными полосками на стеклах.

Мы шли полем, наискосок, прямо к бараку, и сидевшие на солнышке возле входа ребятишки, бабы, старики, подняв головы, смотрели на нас — с восторгом, с завистью, с жалостью, с тоской — кто как,— наверно, еще и с другими чувствами. Но никто не смотрел равнодушно.

А ребятишки не выдержали, побежали навстречу строю, прыгая через кювет, не в силах дождаться, пока взвод сам выйдет на грязную, в щепках, мусоре, ледке и лужах, весеннюю дорогу.

Но мы вышли на дорогу, подравнялись, и Пащенко сказал хмуро:

— Запевай! — и, поскольку сразу не запели, добавил: — Стрельбицкий!

Витька откашлялся и запел. Голос у него был глухой, хрипловатый, мужественный. Если бы Витька остался жив и ему пришло в голову стать со временем эстрадным певцом, его бы называли «безголосым», или «микрофонным».

За Ленинград, за город наш любимый,
На бой с врагами уезжаю я.
Не забывай, подруга дорогая,
Пиши мне письма, милая моя.

И еще не дав совсем затихнуть Витьке, мы подхватили несколько медлительный, как бы раскачивающийся припев:

Не забывай, подруга дорогая,
Про наши встречи, клятвы и мечты.
Расстаемся мы тепе-ерь,
Но, милая, поверь,
Дороги наши встретятся в пути.

Помкомвзвод рассчитал правильно, мы грохнули припев, как раз поравнявшись с бараком, и сразу же несколько женских ищущих лиц появилось за стеклами, за перекрещением наивных бумажных полос.

Мы миновали барак и лихо, с песней, под женскими взглядами пошли в сторону расположения, но метров через пятьдесят Пащенко скомандовал:

— Правое плечо вперед! — И взвод нестройно развернулся.

— Давай снова! — сказал помкомвзвод, поскольку песня уже кончилась, и Витька начал снова:

За Ленинград, за город наш любимый...—

и снова у самого входа грянул наш припев, и снова мы миновали барак, уходя теперь уже в обратную сторону. И опять Пащенко развернул поющий взвод.

— Стрельбицкий, новую!

Витька откашлялся. Родом он был с Урала, из самых сухопутных мест, но имел пристрастие к морским песням.

Взвод снова шел к бараку.

На заводе был он машинистом,
А когда настал двадцатый год,
Он с отрядом первых коммунистов
Добровольцем уходил на флот.

Взвод поравнялся с бараком.

— На месте! — крикнул Пащенко.

И взвод, маршируя на месте, перед входом в барак, под взглядом изумленных женщин и обалдевших от счастья мальчишек, загремел:

Эх! В гавани, в далекой гавани
Пары подняли боевые корабли.
На полный ход!
Уходят в плаванье с Кронштадтской гавани.
Чтоб стать на страже советской земли.

Неожиданно помкомвзвод приказал мне выйти из строя.

— Доложите лейтенанту, помкомвзвод спрашивает: может ли взвод следовать в расположение? — сказал он совсем хмуро и не глядя на меня.

— Есть!

После яркого апрельского солнца в барачном коридоре было совсем темно. Лишь вдалеке, в противоположном его конце, были тоже открыты двери наружу. Я остановился, не зная, куда идти, и зажмурился, чтобы отвыкнуть от света.

Мимо кто-то прошаркал по коридору.

— Третья дверь налево! — негромко произнес женский голос.

Первая, вторая, третья... Я с ходу постучал.

— Да-да,— сказали мне, и я вошел.

Я уже полгода жил в нашей землянке с крохотным окошечком. Она была тесной, но теплой и уютной. С какой умиленностью вспоминал я о ней в походах, как мечтал спуститься по ее сбитым ступенькам и как бывал счастлив, возвращаясь в нее! Но ведь я совсем забыл и упустил из виду, что существуют бараки, а в них комнаты, залитые апрельским солнцем, а в комнате кровать с никелированной спинкой, и коврик, и салфеточки, и репродукция «Девятого вала» на стене.

Эта комната ослепила меня настолько, что я не сразу заметил лейтенанта Каретникова, хотя он находился на самом виду. В своей зеленой шинели он стоял, ловко облокотившись на спинку стула, шапка его лежала на столе, а темные волосы падали на лоб.

Против него у стола сидела о н а. На ней был халатик, вероятно, из байки, в каких-то цветочках. Она с сочувствием подняла на меня большие голубые глаза, и в тот же миг я полетел в их глубину, жутко и неотвратимо, как при прыжке, пока не раскрылся купол, и мучительной болью пронзило отчетливое сознание, что она, и эта комната, и вся ее жизнь не имеют ко мне никакого отношения.

...Пары подняли боевые корабли.
На полный ход...—

доносилось с улицы.

— Товарищ лейтенант, разрешите обратиться...

— Иду! — кивнул он раздраженно и взял со стола шапку.— В общем, я сказал.

— Поживем — увидим,— ответила она спокойно.

...Чтоб стать на страже родимой земли...

*

Лейтенант Каретников вышел на крыльцо и, красиво коснувшись кончиками пальцев виска, поблагодарил взвод за песню. Я стоял у него за плечом, очень гордый, что нашел-таки лейтенанта.

— Ведите людей! — сказал он помкомвзводу и по обыкновению остался сзади, но не успели мы отойти и полкилометра, как он вышел вперед. Мы сразу поняли, что будет. И, действительно, лейтенант оглянулся на взвод, кивнул и протяжно крикнул:

— Взво-о-од! Бе-г-оо-м! За мно-ой!..

Метров сто взвод держался кучно, а потом стал растягиваться в нитку и рваться. Слабаки сразу отстали. Напрасно подгонял их бегущий сзади Пащенко. Отстал и самый здоровый парень из нашего отделения Мишка Сидоров, ну, этот исключительно из-за лени. Хорошо еще, что мы успели передать ему РПД, который несли по очереди. Я постарался выйти вперед и бежать рядом с лейтенантом. Я уже знал, что это лучше всего: отставшие даже немного все еще будут бежать, когда мы уже будем идти шагом, а пока догонят, мы побежим снова.

Противогаз съезжает на живот, лопатка бьет по боку, карабин прыгает за спиной, а кровь, как колокол, гулко бухает в груди и ушах.

— Добежим до стога и перейдем на шаг,— говорит лейтенант Каретников тем, кто около него, и мы, дотянув до стога, действительно переходим на шаг (а отставшие все бегут!), но вскоре снова бежим, хрипло хватая воздух раскрытыми ртами...

Впереди шли несколько женщин, наверное, в город, и у мосточка, когда мы их догнали, они все повернули к нам лица, и я на бегу поразился: среди них была о н а, но тут же она осталась сзади. А через километр другая группа женщин попалась нам, эти шли навстречу и посторонились, давая нам дорогу, и среди них опять была о н а, а потом опять, и опять, и еще долго, не один год, и даже сейчас я иногда встречаю ее на дороге.

*

Прошел месяц.

Стаял уже снег и у нас в лесу, и однажды, когда мы были на учениях, затопило нашу землянку, и мы, вернувшись, долго вычерпывали воду, но сырость потом осталась все равно.

Мы ходили на прыжки, тяжело поднимались друг за другом по трапу в «дуглас», цепляли карабин вытяжной веревки за трос, слушали, как ревут моторы, и всякий раз, когда машина разгонялась по полосе, не были уверены, катится ли она еще по земле или уже летит, но когда она действительно отрывалась, мы замечали это сразу. Мы по сигналу сирены вставали в затылок друг другу и двигались к зияющему проему дверей, а по самолету гулял знобящий сквозняк, потому что двери были открыты и справа и слева. И, подходя к дверям, я еще из-за плеча других видел, как вылетают в слепящую бездну идущие впереди, будто их высасывает снаружи. Потом я подходил к двери сам, и за тот краткий миг, пока я делал шаг из машины, я успевал увидеть очень многое: серый фюзеляж «дугласа», и белые купола внизу и сзади, и беспредельную широту земли, и поле, и лес, и домики прямо подо мною. Я делал шаг в тот особый мир, совсем непохожий на все остальные, и летел так очень долго, и лишь после резкого динамического удара переходил на плавное, приятное скольжение.

Мы ходили на стрельбище и, лежа на животе, разбросав ноги, укрепив на земле локти и вдавив затыльник приклада в плечо или неудобно стоя на правом колене или еще хуже — в полный рост, затаив дыхание, ловили мушкой черный силуэт мишени. А потом, после сигнала «отбой», замирая, следили, сколько раз махнет вылезший из траншеи дежурный, сообщая, сколько у тебя попаданий.

Мы за землянкой чистили ветошью свои карабины без штыка (раньше все карабины были без штыков, но потом, в сорок четвертом, появились карабины и со штыками, намертво привинченными к стволу. Так что не удивляйтесь). Мы разбирали затвор и магазинную коробку, а затем, поработав шомполом, поднимали к глазу ствол и смотрели на свет, как в подзорную трубу. В таинственном, с синевой маслянистого блеска полумраке канала ствола четко вилась нарезка, придающая пуле вращение вокруг своей оси, как планете...

Прошел месяц, может быть, немного больше.

Ничего особенного вроде не произошло, но даже за такой короткий срок мы стали другими. И уже шли слухи, что скоро мы уедем отсюда, навсегда покинем эти ставшие привычными места...

*

В тот день мне не повезло. После обеда, в свободное время, я столкнулся за землянкой с Витькой Стрельбицким, который, судя по всему, успел сбегать к овражку, где было нечто вроде маленького базарчика,—бабы выносили что придется.

— Держи! — сказал щедрый Витька и выпустил из кулака мне в ладонь черную струйку каленых семечек.

Плюясь шелухой, мы вышли на переднюю линейку, а здесь лейтенант Каретников строил наш взвод. В кулаке у меня еще оставались семечки, я не мог высыпать их в карман, потому что там была махорка, и я машинально продолжал их грызть уже в строю. Я стоял во второй шеренге, за широкой спиной Мишки Сидорова, и вдруг встретился взглядом с серыми глазами лейтенанта. Я постарался принять безразличный вид, но он продолжал смотреть на меня. Лицо его почти исказилось.

— Выйти из строя! — приказал он гневно и, когда я повернулся лицом к взводу, крикнул: — Строй — святое место, а вы семечки щелкаете!

Высокий, стройный, в пилотке чуть набочок, он смотрел на меня, будто впервые увидел. Пистолет «ТТ» с трофейным шнуром-шомполом слегка оттягивал широкий ремень, хромовые сапоги сияли.

Он помолчал и закончил негромко, презрительно:

— Два наряда вне очереди.

А я почему-то подумал, что ничего мне не будет. Да и построение-то было по какому-то пустяковому поводу, на десять минут.

*

Теперь ночью я уже ждал, что меня поднимет дежурный по роте. Но меня разбудили только на четвертую ночь, вскоре после отбоя, едва я успел заснуть. Старшина светил фонариком. Дежурный стоял рядом.

— Подъем! — сказал мне дежурный, сержант из соседнего взвода, и спросил у старшины: — Кто еще?

— Сидоров.

Сидоров получил два наряда за то, что не выучил обязанности часового из «Устава гарнизонной службы».

Мишку будили долго, он никак не мог понять, чего от него хотят. Наконец поднялся и он.

Наверху мы закурили. Ночь была холодная и темная, луна еще не всходила. Старшина вручил нам две лопаты и топор.

— Пошли,— сказал он.

Мы знали, что нас ожидает — корчевка.

Мелких нарушителей, получающих внеочередные наряды, всегда больше, чем работы для них. На кухню и в караул рота ходит редко. Есть классическое наказание — мытье полов. Но в землянке пол земляной. Тогда кто-то придумал — корчевать пни, тем более что имелись они в неограниченном количестве.

Видимо, когда строили наши землянки, свалили немало сосен, проредили, осветлили лес, и теперь перед всей передней линейкой было примерно одинаковое количество и громадных, летящих в небо стволов и широких сухих пней, которые стояли, как фундаменты, оставшиеся после свершившихся здесь разрушений.

В полной темноте, неся инструмент, мы шли за старшиной и сержантом.

Прежде чем окончательно выбрать для нас два пня, старшина, стоя на одной ноге и упираясь другой в пень, пытался выяснить, крепко ли сидит он в земле. Смысл этой операции заключался в том, что некоторые, выкорчевав пень и сдав работу, опять ставили его на прежнее место и закапывали — на всякий случай, про запас, до следующего наряда, своего или товарищей. Наконец старшина указал нам два наших пня и, велев дежурному принять потом у нас работу, удалился вместе с ним.

Мы снова закурили. Было очень тихо. Только где-то в стороне разговаривали солдаты, наверное, такие же «нарядники», как мы. Край неба между сосен над нашими землянками озарился все растущим светом: всходила луна.

Мне повезло, что со мной в компании был Мишка Сидоров. Это был здоровый парень, хорошо разбирающийся в такой работе. Тем не менее дела было до утра: пни так крепко держались за землю, как будто еще несли над собой могучие колонны стволов и далеко вверху вечнозеленую крону.

Мы начали окапывать пень кругом, обрубая хитроумную арматуру корней, обрывая переплетенные, как провода, тонкие корни. Мы вгрызались все глубже под пень, мы старались раскачать его, как зуб, и он уже чуть-чуть качался. Луна взошла над землянками, почти белая, она заливала лес своим зыбким светом, падающим между черных стволов и черных теней. Мы все возились с первым пнем, хотя дело и подвигалось. И тут над залитым луной спящим ночным миром раздался звук, который сразу заставил нас остановиться. Этот звук шел от штаба бригады. Это был звук трубы. Трубач играл тревогу!

Мы еще подождали немного, словно не веря, а труба все звучала и звучала.

В землянке творилось невообразимое. В тесноте и темноте собирался взвод по тревоге. А мы с Мишкой только взяли вещмешки и шинели да из ружпарка — карабины, противогазы и лопатки и были готовы. Мы стояли снаружи, у входа. Старшина бегал по землянкам, светил фонариком: все ли взяли?

А труба все звучала и звучала...

И вдруг я услышал ночные негромкие голоса и вопрос ротного:

— Где Каретников?..

Помкомвзвод Пащенко, быстро идущий к землянке, вырос из темноты, взял меня за плечи и хриплым шепотом сказал:

— Беги туда. Понял? Скажешь лейтенанту: тревога. На рассвете уезжает бригада. Только быстро. Бегом марш! — Он подтолкнул меня в спину.

Я отбежал немного и пошел шагом. Вокруг меня, в затопленном луной лесу, повсюду слышались голоса, звон котелков и лопаток, топот ног. Я вышел на проселочную дорогу, лес расступился, и теперь луна свободно господствовала в мире, заполняя поля, озаряя холмы странным светом. Труба еще звучала за спиной, потом смолкла. Я тихонько побежал, придерживая противогаз и лопатку. Огромная белая луна стояла надо мною.

Я уже вышел на большак, миновал мостик. Я был совершенно один в этом мире. Я подумал вдруг, что́ будет, если бригада уедет, а мы с лейтенантом останемся, и прибавил шагу.

Барак темнел впереди, и, пока я приближался к нему, каждое стекло поочередно отсвечивало под луной.

Двери барака, как всегда, были распахнуты, и лунный свет пробивал его почти насквозь.

Я, осторожно ступая, дошел до третьей двери и остановился. Сердце у меня еще гулко и тяжело билось. Я напряженно слушал и улавливал смутный шепот, а потом тонкий, как зубная боль, стон матрацной пружины.

Я постучал.

Сразу за дверью стало тихо. Я подождал и постучал снова.

— Кто? — спросил женский голос.

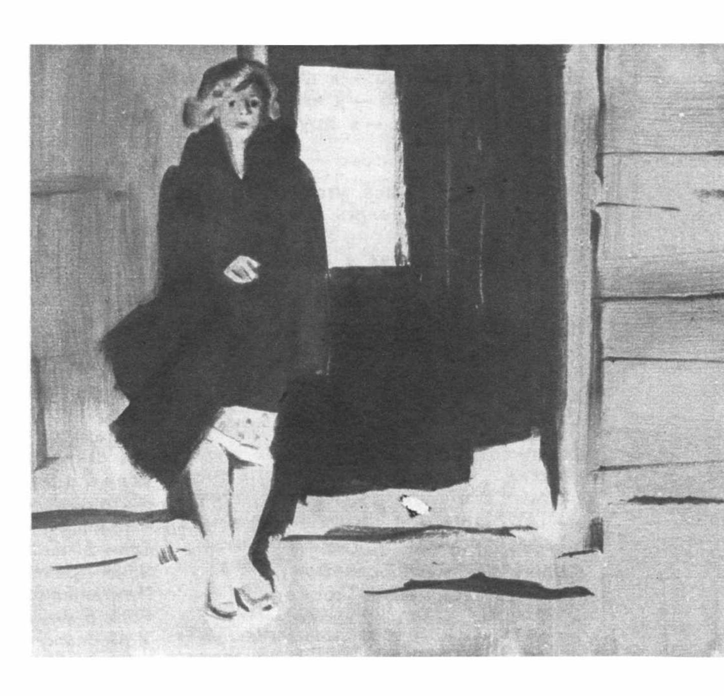
— Лейтенант здесь?

— Нет, нет, какой лейтенант?

— В чем дело, Ванюшин? — спросил лейтенант Каретников.

— Товарищ лейтенант, тревога. Бригада уезжает на рассвете.

— Подожди, я иду.

Я остался за дверью, думая, что он сейчас откроет. Но свет в комнате не зажегся, и я снова уловил смутный шепот...

Я вышел на крыльцо и ждал его там.

Передо мной простиралась озаренная луной равнина, на которой не было да и не могло быть ни одного огонька.

Где-то за другим лесом, на станции, угадывался дробный стук сдвигаемых с места вагонов,— может быть, это формировали наш эшелон.

Вышел лейтенант.

— Пошли!

Теперь мы были вместе, и то, что ожидало нас впереди, было общим, я остро чувствовал это.

— Быстрей!

Метров через пятьдесят я оглянулся. Луна уже прошла часть неба и теперь ярко озаряла вход в барак, где, кутаясь в пальто, неподвижно темнела женская фигура.

Лейтенант Каретников не оглядывался.

максим ТАНК

Из новых тетрадей

ОН ЗАРАБОТАЛ ХЛЕБ...

В далеком детстве, помогая
взрослым,
Услышать так хотелось пацану
От матери с отцом,
Что, как и все,
Он заработал хлеб.

И было радостно тогда,
Присев к столу,
Ломоть взять в руки,
В соль макнуть картошку
И ложкой зачерпнуть ботвинью.

И вкусным было все —
И слово и молчанье.

Как много пройдено
С тех пор дорог!
Есть где-то дерево — я посадил его,
Костер есть где-то — я его затеплил,
Есть где-то песня — я друзьям
оставил.

Но все равно, за все, что сделал я
И что еще мне сделать доведется,
Я большей похвалы не знаю,
Чем эта, слышанная в детстве:
— Он заработал хлеб...

И может, стоит даже орден
Установить такой,
Которым награждали б тех,
Кто истинно
Свой заработал хлеб.

* * *

Ты уберегла нас, земля.
Прости же, что после боя
Не смог тебе песню пропеть:
Мой голос охрип от крика;

И не угостил сухарем:
Его бы сам черт не разгрыз;

И не поделился из фляжки водой:
Раненые умирали от жажды;

И цветов тебе не преподнес:
Они превратились в пепел...

Остался на бруствере только букет
Из проволоки колючей.

КОРОНА

Она что-то шила и шила,
Покуда не выпал наперсток.
(В последние дни почему-то
Он стал выпадать раз по сто.)

Я наклонился поднять его,
Да был он горячим, как уголь,
От частых ночей бессонных,
От непосильной натуги,

Он был весь в уколах иголок,
Что ранили старые пальцы,
Когда обшивала детей своих,
Перебирала на пяльцах,

Когда партизанские куртки
Латала, пробитые пулей...
Я поднял тебе наперсток.
А ты отдохни, матуля.

Хоть он неприметен с виду,
А мне показался
державной
Короной, что у матули
Горит на ладони шершавой.

МОЛЧАНИЕ ДЖУНГЛЕЙ

Я — джунгли.
Люблю я детей своих
Клювастых,
когтистых,
клыкастых.
Люблю и хозяев этой земли —
Смуглых и работящих.

И ненавижу пришельцев:
Они разорили гнезда и норы,
Принесли моим детям горе.

Вот идут они, вооруженные смертью,
Идут, продираясь через лианы.
Пусть идут.

Если б в меня стреляли,—
Я стоном не выдам,
Что перед ними — засада.
Если б пытали огнем,—
Я не признаюсь, что их ожидают,
Притаившись, дети мои.
Если б меня бичевали,—
Я не скажу ничего им.

Я — джунгли — умею молчать.

* * *

После разных поэм и виршей
Модерновых в степени высшей,
В честь которых со всех колоколен
Фимиам курят и глаголют;
После заплесневелых цитаток
Из изъеденных молью трактатов
Так приятно читать на приволье,
На искристом заснеженном поле
Стих,
Оттиснутый лапой куницы,
Беляка,
горностая,
лисицы.
Или вовсе уж стих немудреный,
Отпечатанный лапой вороны.

Перевел с белорусского
Григорий Куренев.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ОКТЯБРЬСКОЙ ЭПОПЕИ

МАНДАТ

Юрий ЮРОВ

Женщина нерешительно открыла дверь и с заметным волнением переступила порог комнаты Музея Великой Октябрьской социалистической революции в Ленинграде.

— Присядьте, пожалуйста,— пригласили ее научные сотрудники.

Она поблагодарила и положила на стол пакет.

— Вот это находка!— переглянулись собиратели революционных реликвий, едва содержимое пакета оказалось в их руках. Это были документы далеких лет, свидетельства важных событий кануна Великого Октября.

...Мандаты Петроградского Военно-революционного комитета. Три из них ранее не встречались. Это были подлинники. Неповторимый колорит времени, напряженность исторического момента — все это передают пожелтевшие листки.

Часы старого мира были уже сочтены, когда Военно-революционный комитет назначил своего комиссара на городскую электрическую станцию по Новгородской улице Петрограда. Об этом говорит дата подписания мандата Михаилу Сергеевичу Богданову: 24 октября 1917 года. И подпись — Н. Подвойский. А вот еще примета последних приготовлений вооруженного восстания: Богданову предоставляется право в случае необходимости «вызвать вооруженный караул через комиссара ближайшей военной части». Тогда же, 24 октября 1917 года, на имя Богданова был выписан и другой мандат. Он напоминает о задании — выяснить расположение винных складов «для принятия мер от их разгрома...».

Эхо залпа «Авроры» еще катилось по всему миру, когда над Республикой Советов нависла грозная опасность. Богданова, одного из комиссаров Военно-революционного комитета, ждали новые боевые дела. Но где и какие? Документы скупы на такие подробности. Сказано лишь в одном из мандатов, что Богданов Михаил Сергеевич направляется в распоряжение военно-революционного комиссара Еремеева. И только... Куда и зачем, попробуем дознаться. Другой мандат, подписанный Урицким и Лацисом, свидетельствует о том, что Богданов назначен комиссаром Красной гвардии, «призванной к активным действиям...».

И снова загадка для человека, не посвященного в особый характер этого задания Петроградского Военно-революционного комитета: где и против кого призвана развернуть активные действия Красная гвардия? Мы не разгласим военной тайны, если спустя сорок восемь лет попытаемся ответить на эти вопросы.

Короче, специалисты по достоинству оценили интересные документы. И тут пришло время назвать имя женщины, которая принесла их в музей,— Юлия Михайловна Богданова, инженер Харьковского тракторного завода, дочь комиссара Петроградского Военно-революционного комитета.

— Почему мы с такой радостью ухватились за богдановские подлинники?— говорит сотрудник музея Лидия Яковлевна Григорьева.— Да потому, что есть в них аромат эпохи.

Однако вернемся к загадкам мандатов.

Еремеев... Не тот ли это Еремеев, член Петроградского Военно-революционного комитета, который вел участников вооруженного восстания на штурм Зимнего? Да, он самый, Константин Степанович, старейший правдист, любимец рабочих и революционных солдат, «дядя Костя».

На ближних подступах к Зимнему был задержан министр Прокопович, торопившийся на последнее заседание Временного правительства.

— Вы понимаете, что вы делаете!— кипятился временщик, доставленный в штаб к Еремееву.

— Мы делаем революцию,— охладил пыл пленного министра комиссар.

Зачем же понадобился комиссару фронта под Петроградом Еремееву М. С. Богданов? Как известно, Керенский, бежавший из Зимнего дворца, вскоре объявился под Петроградом. Он грозился кулаком казачьего генерала Краснова расправиться с победившим народом. Зашевелилась «контра» и в самом Петрограде — там появился «Комитет спасения родины и революции». Нити двух мятежей сплетались в один узел.

События развертывались стремительно. Двадцать седьмого октября пушки мятежников обстреливали защитников Петрограда уже из Гатчины. А на следующую ночь казаки Краснова пировали в Царском Селе.

Там, где закипала жаркая битва, должен был отыскаться и след Константина Степановича Еремеева.

Поздним вечером 27 октября 1917 года в штаб Петроградского военного округа прибыл Ленин. Ознакомившись с обстановкой, сложившейся после захвата Гатчины мятежниками, Владимир Ильич связался с Гельсингфорсом и вызвал в Петроград отряды моряков и кораблей Балтийского флота, армейские части. На борьбу был поднят весь революционный Питер. Следующий день — 28 октября — Ленин посвятил подавле-

Ы ОГНЕННЫХ ЛЕТ

М. С. Богданов.

нию контрреволюционной авантюры Керенского. Владимир Ильич практически участвует в разработке главных военных операций против Краснова. Путиловцы получили непосредственно от Ленина задание — изготовить бронепоезд и орудия для нескольких батарей. Обороне Петрограда было посвящено совещание представителей широкой общественности города и частей Петроградского гарнизона. Проводил его Владимир Ильич... В своем выступлении он вновь высоко отзывается о преданности петроградских рабочих революции. Они идут на Пулковские высоты без продовольствия и снабжения, многие без теплой одежды.

— Наш долг — срочно организовать этим героям помощь,— призывал Ильич.

Можно догадаться, что как раз туда, на Пулковские высоты, и должен был торопиться посланец Военно-революционного комитета М. С. Богданов. Так оно и было. Вот боевое донесение из Пулкова. Начальник отряда Красной гвардии Богданов докладывает командованию обстановку, сообщает о прибытии семисот бойцов Красной гвардии в Чесменскую богадельню. Донесение это попадает в руки начальника обороны Петроградского района Павла Дыбенко. «Отряду в составе семисот человек красногвардейцев подтянуть свои силы к деревне Подгорное Пулково и командиру явиться в штаб»,— гласит оперативное распоряжение Дыбенко. Это распоряжение также оказалось среди богдановских документов. Дата —29 октября 1917 года. Указано и время —10 часов 45 минут.

Итак, дело было под Пулковом. Но где и в какой момент произошла встреча Богданова с комиссаром революционных войск под Петроградом К. С. Еремеевым? При каких обстоятельствах получил свое первое боевое крещение его красногвардейский отряд? Увы, на эти вопросы харьковская находка пока не отвечает.

...Читальный зал Ленинградской Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Листаю номер за номером газеты, выходившие в революционном Питере. Стоп! Взгляд остановился на заголовке —«Донесение комиссара». Это в «Известиях Совета рабочих и солдатских депутатов». Номер газеты от 2 ноября 1917 года. Автор — Богданов. В заметке подробно рассказывается о действиях красногвардейцев в Пулкове. «27 октября сего года, будучи назначен в распоряжение комиссара товарища Еремеева, я в 7 часов вечера получил предписание итти с красногвардейцами для занятия Пулковой горы»,— рассказывает Богданов.

Позже я прочту оказавшийся в его архиве подлинник боевого приказа: занять обсерваторию! И тут же донесение: обсерватория занята. И тут же любопытные подробности: «все семь телефонов взяты под охрану, захвачены две лошади в упряжке...»

Но ведь красновцы не были в Пулкове? Зачем же понадобилось Богданову занимать эти высоты? В чем тут дело? Вчитываешься в детали донесения комиссара и находишь разгадку. Из Пулкова бежала растерявшаяся часть, солдаты, паникуя, кричали: «Казаки уже в обсерватории».

«Это сообщение,— доносил Богданов,— взволновало товарищей рабочих моего отряда, и я был вынужден сделать общее собрание в Чесменской богадельне, после чего мы с пением революционных песен при полной темноте, под проливным дождем вступили в Пулково и не обращали внимания на отходившие части. У Пулковской обсерватории были теперь надежные защитники».

...Утро 30 октября семнадцатого года. На Пулково обрушиваются снаряды вражеской артиллерии. Днем противник в конном строю пытался взять деревню Редкое Кузьмино, но встретил ответный удар питерского отряда. «Эта неудача казаков, шедших в бой под влиянием спирта,— пишет Богданов,— очевидно, отрезвила затуманенные казацкие головы, и в результате дала отход всего отряда противника из Царского Села и Александровки».

...Кем он был, как сложилась жизнь отважного комиссара Красной гвардии, какие пути-дороги привели его к Пулковским высотам, когда там решалась судьба новорожденной Республики Советов?

Еду в Харьков. Там живет вдова Богданова — Софья Владимировна. Два вечера провел я в семье Богдановых — мать, дочери Юлия и Вера, сын Виктор. Юлия и Вера — инженеры Харьковского тракторного завода. Виктор — инженер одного из проектных институтов. Встретился я и с Григорием Алексеевичем Лозой, членом КПСС с 1917 года, хорошо знавшим Михаила Сергеевича. Показывали мне письма боевых друзей комиссара. Теперь можно проследить главные вехи жизненного пути замечательного человека.

...Киев. Начало марта семнадцатого года. Двор казармы третьего авиационного парка. Солдаты собраны по тревоге. Командир части зачитывает перед строем манифест Николая II об отречении от престола, сообщает о создании Временного правительства — на него, дескать, теперь вся надежда... Не успевает он умолкнуть, как из строя выходит мастеровой младшего разряда, токарь авиационного парка Михаил Богданов. Выходит вперед и говорит о том, что уповать на царских преемников нечего. В Петрограде создан Совет рабочих и солдатских депутатов. Будущее за Советами.

Богданова избирают председателем солдатского комитета третьего авиационного парка. К тому времени он уже был большевиком — в партию Богданов вступил в годы первой русской революции. В Петроград он прибыл с мандатом делегата Второго Всероссийского съезда Советов. Накануне штурма Зимнего дворца получил ответственнейшие поручения, о чем и поведали мандаты, с которых мы начали рассказ. Из Петрограда Богданов дал телеграмму о победе Октября в Киев, в авиапарк. Два летчика этой части поднялись в воздух и, сделав три круга над Киевом, подали сигнал начинать вооруженное восстание...

Делегат Второго съезда Советов Богданов входит в состав Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Он был председателем фронтовой комиссии Военного отдела ВЦИКа. Но тут над колыбелью революции нависла угроза — красновцы идут на Питер. Тогда-то и повел Богданов свой отряд рабочих на Пулковские высоты! Вот как все это было.

Всю жизнь как зеницу ока берег Михаил Сергеевич в числе других безмерно дорогих ему реликвий и три оперативных распоряжения, отданных ему Еремеевым под Пулковом. Я познакомился с их содержанием в архиве Богданова, который сумела сохранить семья. Вот эти документы.

Дата —28 октября 1917 года. № 6. Время —5 часов 50 минут. «Тов. Богданову».

«Предписываю вам исполнять должность заведующего резервным пунктом у Чесменской богадельни. Займите окопы цепью и поставьте заставы. Военно-революционный комиссар Еремеев».

Дата та же. Время —7 часов 15 минут вечера.

«Начальнику резерва в Чесменской богадельне товарищу Богданову.

Немедленно перевести на Среднюю рогатку из резерва 300 человек. Военно-революционный комиссар Еремеев».

Дата и время не обозначены.

«Товарищ Богданов.

Идите с 300 человек к Пулкову с разведкой.

В. Р. ком Еремеев».

Так начиналась битва под Пулковом на третий день жизни Советского государства, битва, в которой, как мы видим, комиссар Красной гвардии Богданов играл весьма важную роль.

После разгрома мятежников М. С. Богданов вернулся на Украину, стал председателем Военного отдела первого Украинского советского правительства, а позже — военным комиссаром ряда округов.

— Для меня он всегда служил образцом,— рассказывает старый большевик Григорий Алексеевич Лоза.— Это был кристально чистый человек, настоящий ленинец. Богданов снискал уважение таких людей, как Фрунзе, Подвойский, Петровский, Якир...

Жертвой произвола пал этот несгибаемый боец.

«Богдановские подлинники» займут достойное место на страницах будущего трехтомника «Петроградский Военно-революционный комитет». Его подготовили к печати Институт истории Академии наук СССР, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Центральный государственный архив Октябрьской революции. Здесь будут представлены не только военные акты, но и вся многогранная созидательная деятельность первого органа Советской власти.

Есть теперь чем пополнить и харьковскую находку. Это два документа, связанных с хлопотами комиссара Красной гвардии о немедленном обмундировании бойцов, занявших оборону в районе Царского Села и Павловска, это — предписание Военно-революционного комитета всем больницам и лечебницам Петрограда поместить для излечения «заболевшего на месте сражения с контрреволюционными войсками под Петроградом комиссара Красной гвардии тов. Михаила Сергеевича Богданова». И, наконец, еще один документ — командировочное удостоверение Богданова. ВЦИК командировал его для установления связи с местными органами Советской власти в Киевскую губернию.

Такова еще одна страничка Октябрьской эпопеи.

Путешествие в Плутонию

Загадки геокосмоса

Леонид ШАРОЛЬ, инженер

Вряд ли кто-нибудь из прочитавших в детстве удивительную книгу академика Обручева о подземном мире не сохранил на всю жизнь хрупкую мечту о «путешествии к центру Земли». Сегодня штурм не выдуманной, а реальной Плутонии уже начался.

Знаете, сколько средств тратится ежегодно на поиски полезных ископаемых? Больше, чем на развитие черной и цветной металлургии, вместе взятых.

А какой гигантский куст наук объединен под геологическим флагом? Минералогия. Петрография. Литология. Металлогения. Тектоника. Геоморфология. Геохимия. Геофизика...

Иными словами, за последние годы рядом с гигантскими зданиями Физики, Химии и Биологии выросла не менее мощная Геология. Но такой скачок, согласно диалектике, породил свою противоположность: с катастрофической быстротой начал расти поток геологической информации, которую необходимо осмыслить, переварить, запомнить. А вот к решению этой задачи геологи на первых порах оказались неподготовленными.

Проблема Злого Джина

«Информационная проблема» стала одной из острейших проблем цивилизации уже в конце второй мировой войны. Стремительное развитие индустрии привело к многократному росту потоков информации, циркулирующей в обществе. А средство для ее переработки оставалось прежним: человеческий мозг.

После войны ситуация ухудшилась. Несколько лет назад я был на Магнитогорском металлургическом комбинате и видел, как администрация сознательно шла на отказ от использования целого ряда сведений, необходимых для управления гигантом: в противном случае пришлось бы чуть ли не в десять раз увеличить аппарат.

Аналогичная ситуация создалась почти во всех крупных отраслях науки, промышленности, экономики. Но надо признать, что такого океана информации, который окружает сегодня геологов, нет, пожалуй, ни у кого. И это логично, ведь их «объект»— земной шар.

В течение многих десятилетий поколения геологов везли из экспедиций рюкзаки, набитые образцами пород, толстые журналы экспедиций, рулоны лент с записями работы автоматических приборов. Подвалы и склады геологических учреждений страны буквально забиты этой драгоценной и в большинстве случаев почти не обработанной информацией. Вернее так: результаты каждой экспедиции, конечно же, обработаны и соответствующим образом использованы. Но извлечены ли все заключенные в них полезные сведения? Увы, нет. Сегодня у нас в стране, например, зарегистрировано несколько миллионов (!) рудопроявлений. А более или менее подробное и достаточно осмысленное описание среднего по размерам месторождения занимает 40 томов по 200 страниц каждый. Подчеркнем: более или менее подробное.

Ситуация в геологии предельно обострилась именно тогда (как это ни парадоксально на первый взгляд), когда к ней на помощь пришла физика. Приведу один впечатляющий пример, который мне рассказал в Алма-Ате известный геофизик кандидат физико-математических наук В. А. Бугайло.

В 1948 году научно-исследовательский институт, где тогда работал Бугайло, начал комплексное изучение так называемого Тургайского прогиба в Казахстане. Сотни геологов, геофизиков, геохимиков спустились в эту гигантскую впадину, чтобы оценить, «оконтурить» драгоценные богатства, скрытые под многометровым слоем пустой породы. День за днем в течение двух лет сейсмографы и магнитометры прощупывали и прослушивали землю. А вечером потоки свежей информации — ленты с записью работы автоматических приборов, заметки в дневниках поисковых партий, образцы минералов, карты лабораторных анализов вливались в центральный пункт экспедиции, где шла предварительная обработка информации. Но это еще цветочки. Для того, чтобы определить форму рудного тела, геофизики изучают его магнитное поле еще и в нескольких плоскостях. Чем больше будет таких изученных уровней, тем с более высокой точностью удастся установить форму «зарытого» клада. Вроде просто и ясно. Но что значит изучить магнитное поле только в одной плоскости для Тургайского прогиба? Это 40 000 (сорок тысяч!) часов полетов на выбранной высоте специального самолета с геофизической аппаратурой. Бензин. Зарплата экипажа. Зарплата геофизиков. И т. д. и т. п. Поэтому геофизики вместо нужных пятнадцати — двадцати уровней ограничиваются обычно тремя — пятью. За счет точности. А небольшая неточность в фиксации «клада»— и строятся лишние разведочные буровые, закладываются лишние шурфы. Правда, есть формулы, по которым можно теоретически подсчитать магнитное поле на разных уровнях, если известен хотя бы один, полученный аэрогеофизразведкой. Однажды Бугайло прикинул, сколько времени займет такой пересчет для пяти (всего-то!) уровней Тургая. Оказалось: десять вычислителей должны работать... 37 000 часов.

Об этом рассказе В. А. Бугайло я вспомнил на одном из вечеров в Политехническом музее, где выступал теперешний министр геологии СССР А. В. Сидоренко. Он привел на первый взгляд странные факты из недавней истории геологии.

Более 20 лет геологи занимались разведкой весьма бедных руд цветных металлов около Норильска. А почти рядом лежало богатейшее Талнахское месторождение. Если бы ученые и практики хотя бы в середине своей работы смогли осмысленно переварить всю информацию об этом районе, клад Талнаха был бы обнаружен на много лет раньше. Но, увы, средств для такого тотального осмысливания у геологов не было.

Другой пример. Из-за неверного планирования геологоразведочных работ в масштабе страны в течение многих лет затрачивались большие суммы на разведку месторождений, которые в конце концов оказались ненужными промышленности. В результате снято с учета около 4 тысяч детально разведанных подземных кладов, а еще около 1 700 решено не осваивать до 1980 года. А ведь разведка — вещь крайне дорогая. Например, затраты на поиски нефти составляют почти 25 процентов от ее себестоимости.

Эти утраты — своеобразная месть Злого Джина, которого выпустила на волю наука, дав в руки геологам мощные средства сбора информации и не снабдив их устройствами для ее анализа. В результате геология оказалась в положении рыбака, который, задумав поймать золотую рыбку, приобрел огромный невод и неутомимо закидывает его в море. Улов велик, но, не имея возможности каждый раз детально его обследовать, рыбак лишь бросает беглый взгляд на добычу и, решив, что золотой рыбки еще нет, вновь закидывает невод.

А может быть, рыбка уже давно была поймана?

Машины будут искать клад

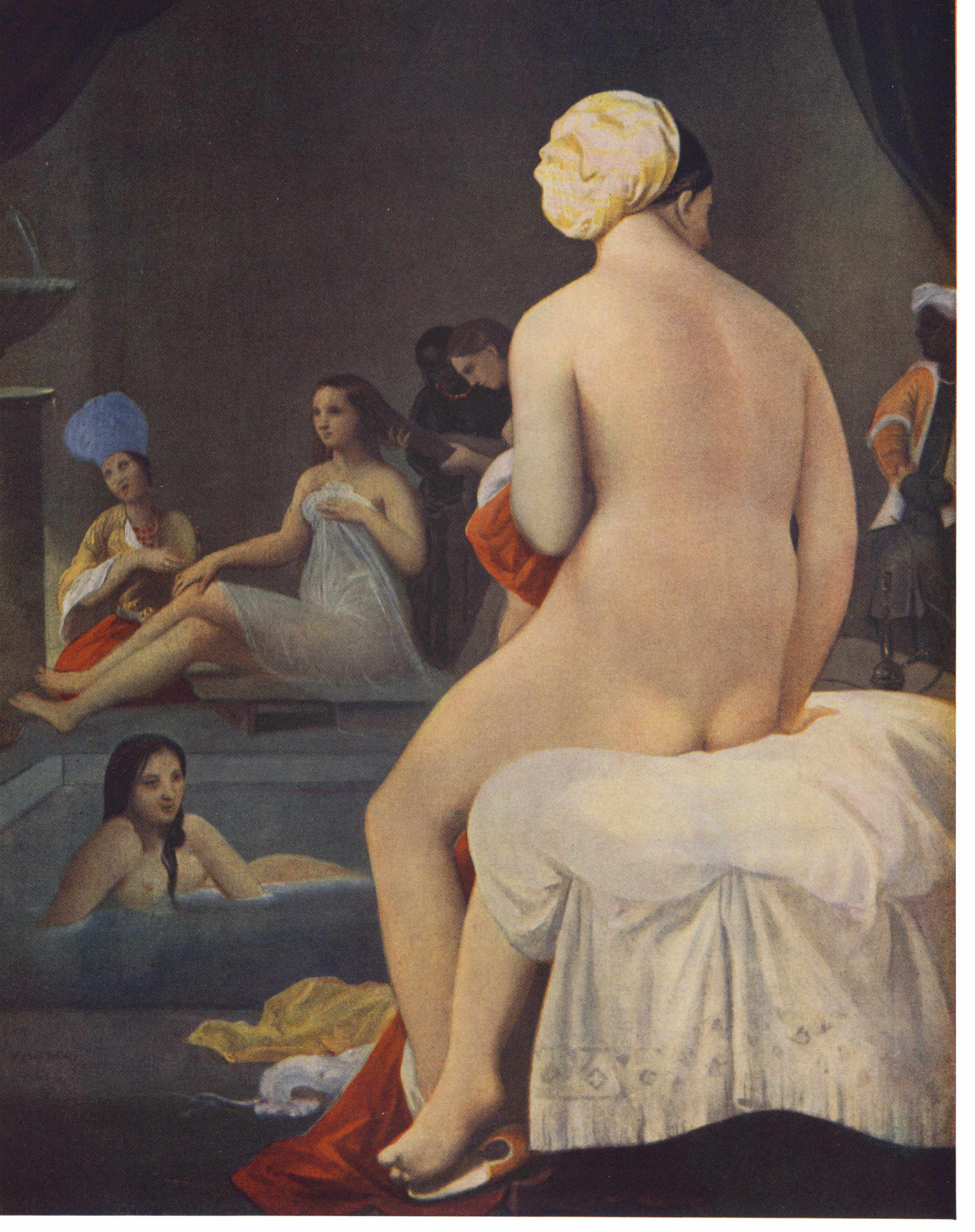
В последние годы, призвав на помощь математику и кибернетику, геологи начали активную подготовку к поискам «золотой рыбки».

Первые разговоры о возможном приходе электронных машин в мир геологии начались в то время, когда наши кибернетики уже успешно действовали во многих сферах народного хозяйства. Однако взгляд на «науку о земле» как на классический пример нематематизируемой области оказался необычайно распространенным. Даже сейчас, когда я начал писать этот очерк, некоторые мои друзья-журналисты улыбались с недоверчивым ехидством, будучи глубоко уверенными, что уж к геологии-то кибернетика притянута за уши. Можно представить, с каким трудом пробивали (и пробивают!) себе путь в стране рыцарей компаса и молотка математические методы и электронные машины.

Но дело движется вперед. Сегодня идею кибернетизации гео-

Теодор Жерико. 1791—1824. **ИЗВЕСТКОВАЯ ПЕЧЬ. Париж. Лувр.**

Жан Огюст Доминик Энгр. 1780—1867.

МАЛЕНЬКАЯ КУПАЛЬЩИЦА, ИЛИ ИНТЕРЬЕР ГАРЕМА. Париж. Лувр.

логии поддерживает большинство сопричастных ей людей.

Ученые Москвы, Ленинграда, Новосибирска создали десятки алгоритмов для машинной переработки геологической информации. В одной только Алма-Ате успешно действует несколько групп ученых (в Казахском государственном университете, в Политехническом институте), которые занимаются применением математических методов в геологии. Кибернетики уже практически решили, решают или стоят на подходах к решению большого комплекса геологических задач. Вот несколько штрихов этого комплекса.

Хорошо известно, что сенсационное открытие нефти в Западной Сибири и на Мангышлаке произошло вначале на листе бумаги, покрытом графиками и математическими формулами, на «кончике пера». Активно участвовали советские математики и в открытии мировых запасов слюды на Кольском полуострове. Находка якутских алмазов также была обоснована теоретически.

Я уже писал о тридцати семи тысячах часов, которые должны были проработать десять вычислителей для подсчета пяти уровней магнитного поля месторождения в Тургае. Современные электронные машины могут решить задачу во много раз быстрее. Но не это главное. Только кибернетический мозг, используя расчеты, может построить в своей памяти полную электронную модель рудного тела, скрытого под многометровой толщей земли. Геофизики сегодня вручную тоже делают подобные построения, но с большими допущениями и упрощениями. Ведь рудное тело какого-нибудь месторождения никогда не имеет форму правильного цилиндра, параллелепипеда и т. п. Оно причудливо в своих очертаниях, как сама природа. Только чуткие пальцы электронной машины способны «ощупать» каждую морщинку этой гигантской многомиллионотонной глыбы. Конечно, точная пространственная модель подземного клада образуется в «сознании» машины не сразу. Но кибернетический моделер владеет мощным оружием: методом последовательных приближений. После того, как машина сделает первую прикидку, геологи с помощью геофизических средств производят проверку: насколько модель отличается от реальности. И сообщают машине результаты. Та уточняет свои расчеты, интерполирует, экстраполирует и «выдает» второе приближение. И так далее.

Такое электронное моделирование, которое сегодня широко используют физики, химики, энергетики, станет мощным оружием геологии.

Вспомним еще пример с Норильском. Обладая огромной, но не обобщенной, не систематизированной информацией о районе изысканий, геологи долгое время не замечали «золотой рыбки», которая буквально лежала у них под ногами. И их трудно винить. Такие промахи нередко допускают шахматисты высокого класса, когда на доске много фигур и они не замечают простого, но затемненного «деревьями» хода. Зато рациональный электронный мозг такие нюансы не смутят: хладнокровно проанализировав каждый квант информации, он не упустит ни одной полезной возможности. Больше того, используя принципы комбинаторики, кибернетический интерпретатор сможет выудить из имеющегося сегодня у геологов информационного запаса массу новых сведений, подобно тому, как опытный шахматист видит в шахматной позиции в десятки раз больше, чем новичок.

Каждый подземный клад так или иначе выдает свое присутствие непроизвольными следами, появляющимися на поверхности. Тут и повышенная радиоактивность, и своеобразный цвет или запах воды в ручье, и повышенная напряженность магнитного поля и т. п. Недавно представители геоботаники доказали, что, например, растения своим цветом и ростом могут вполне объективно сигнализировать о богатствах, скрытых в районах расположения их корней.

Однако учесть и обобщить десятки подобных порой едва уловимых признаков необычайно трудно. Это может сделать кибернетический геоанализатор, снабженный комплексом электронных «органов чувств».

Электронная модель Земли

С точки зрения кибернетики наш земной шар представляет собой типичный «черный ящик», у которого необходимо изучить внутреннюю структуру. Для того, чтобы уяснить суть кибернетического понятия «черный ящик», представьте, что вы совершенно не знаете, как устроены часы, а вам вручили будильник и попросили, не разбирая его, выяснить его внутреннюю конструкцию. Единственно, что можно делать,— заводить «ход» и «бой», переводить стрелки. Иными словами, наносить «возмущение» на «вход» объекта и анализировать его реакцию на «выходе». Вот в этом случае будильник будет классическим «черным ящиком». Сегодня у науки есть специальные технико-математические средства решения таких задач.

Мне вспоминается, как несколько лет назад я вместе с большой группой сотрудников Центрального научно-исследовательского института комплексной автоматизации участвовал в работе по изучению домны на Нижнетагильском металлургическом комбинате. В течение многих месяцев около двух десятков кандидатов наук, инженеров, техников и лаборантов с помощью комплекса электронной аппаратуры днем и ночью «прощупывали» объект. А потом в Москве — бесчисленные семинары, статистическая обработка результатов (вручную и на электронных машинах), схемы, таблицы, графики. И в результате — довольно приблизительная картина внутренней «сущности» гигантской домны.

Я привел этот пример для того, чтобы подчеркнуть, насколько сложен процесс изучения даже такого «простого» объекта, как домна. Не стоит, очевидно, подсчитывать, во сколько миллионов раз труднее будет изучить «черный ящик» земли.

Но любая новая сложная задача рождает новые методы ее решения.

Можно представить, например, что ученым удастся обуздать таинственное нейтрино и создать нейтринный «рентгеновский аппарат» для просвечивания земного шара. В самом деле, если поместить на одном полюсе планеты искусственный источник этих удивительных частиц, а на другом полюсе — приемник, то можно будет прощупать недра земли. Ведь нейтрино обладает свойством проходить сквозь... все. Скажем, сквозь чугунную плиту во много миллионов километров толщиной. Для такого «снаряда» вполне возможно пройти и сквозь Землю.

Успехи бионики и телеавтоматики, прогресс квантовой электроники позволяют говорить о возможности создания своеобразных геокосмических ракет. Такая ракета (в виде стального крота, рыбы или какой-либо иной формы), снабженная мощными лазерами для плавления любых подземных структур, сможет свободно плавать по подземным морям магмы. Движением подземной ракеты будут управлять электронные машины, подобно тому, как идет сегодня координация искусственных космических спутников. А человек—оператор на земле, подключив с помощью бионических контактов свои органы зрения, осязания, слуха и обоняния к электронным датчикам механического недронавта, сможет «ощущать» все перипетии подземного путешествия. Это, очевидно, потребуется не только ради получения «эффекта присутствия». Путешествие по геокосмическим трассам, вероятно, будет более сложным и напряженным, чем, скажем, движение спутника по орбите вокруг Земли.

Конечно, после феерических картин космоса, нарисованных фантастами, трудно поразить чье-либо воображение геокосмическим пейзажем. Но думается, что путешествие по внутренним артериям Земли будет не менее трудным и не менее увлекательным, чем путешествие к звездам.

С сугубо практической точки зрения освоение геокосмоса сулит нам тоже немало. Сквозные туннели от континента к континенту; подземные океаны пресной воды, в которой человечество уже испытывает острый недостаток; фантастический паровой котел, который можно организовать в центре планеты; циклопические подземные хранилища нефти и газа с доступом к ним из любой точки суши по наклонным многокилометровым скважинам; моря расплавленных (не надо плавить!) и чистых (не надо очищать!) металлов; геокосмические лаборатории с гигантскими давлениями и температурами.

В конечном итоге мы, очевидно, будем иметь полную электронную модель Земли, подобно тому, как сегодня физики владеют электронными моделями атомных реакторов. Тогда наша древняя планета превратится в идеальную кладовую, откуда по мере надобности мы сможем черпать необходимые вещества и порции энергии. Имея полный реестр своих земных богатств, человечество сможет выдавать космонавтам четкие задания на поиск недостающего в сокровищницах Вселенной.

Интеллектуализация геологии

Ряд социологических опросов, проведенных в последнее время новосибирскими учеными, показывает, что большая часть нашей молодежи мечтает стать космонавтами. Профессия геолога, бывшая недавно столь популярной, оказалась где-то в конце статистических таблиц. В известной мере в этой ситуации повинны наши писатели-фантасты, которые в своих многочисленных книгах о будущем посылают почти всех героев за пределы солнечной системы.

Но как бы ни были заманчивы звездные дали, Земля — наш дом. И наряду с космосом мы обязаны ее изучить и оборудовать. А до оптимума в этой задаче еще очень далеко. Мы живем в фантастическом, таинственном многоэтажном замке, забившись в одну из верхних комнат и лишь изредка выходя на крышу, чтобы полюбоваться окружающим пейзажем.

Да, тайн в нашем геокосмосе — число несметное! Для агитации романтиков приведу краткий конспект гигантского вопросника, лежащего сегодня на рабочем столе геологии.

На каких принципах, подчиняясь каким законам, работает «тепловая машина» нашей планеты, в течение миллионолетий согревающая колоссальный (диаметром в 12 742 километра) шар?

Почему плавают по поверхности планеты материки и магнитные полюсы?

Влияет ли Луна на периодичность землетрясений?

Какое таинственное подкорковое вещество скрыто под слоем Мохоровичича? (Этот загадочный слой расположен на глубине 10—70 километров от поверхности Земли; достигнув его, сейсмические волны наших приборов резко меняют свой характер.)

А что такое земное ядро? Ведь, по мнению одних ученых, оно железо-никелевое; другие считают его силикатным; по предположению третьих, его слагает твердый водород... А полусумасшедший-полугениальный Манцев из романа Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина» считал, что ядро состоит из таинственного сверхтяжелого металла М., обладающего чудовищной радиоактивностью. (История лазера, обладающего в общих чертах свойствами фантастического гиперболоида, говорит, что к предсказаниям А. Толстого следует относиться без излишнего юмора и скептицизма.)

По каким законам в глубинной лаборатории планеты рождаются и перерождаются элементы менделеевской системы?

И геологи должны, обязательно должны ответить на эти вопросы.

Уровень современной науки и техники позволяет говорить о возможности более активного наступления на геокосмос. Но для этого геология из романтической, но простоватой специальности («рюкзак + молоток») должна стать сложной научно-технической дисциплиной ранга физики или космонавтики. И основным критерием при отборе в геологи в ближайшие годы будут не только железное здоровье и смелый взгляд (хотя эти параметры по-прежнему желательны), а глубокое знание математики, физики, химии, кибернетики...

Только тогда нам удастся открыть пути в чудесный, таинственный и опасный мир Плутонии, самой загадочной и самой романтической из всех стран.

«Николай Зубов» на Темзе.

ВСТРЕЧИ НА БЕРЕГАХ ТЕМЗЫ

Широкий пролет Тауэр-бридж — одного из красивейших мостов Лондона,— будто рассеченный надвое, приподнялся и медленно раскрылся, пропуская «Николая Зубова» — белоснежный красавец корабль под алым флагом. Столица Великобритании гостеприимно распахнула свои морские ворота перед советским судном.

Корабль «Николай Зубов» — одно из исследовательских судов Военно-Морского Флота СССР. Корабль этот молод — в прошлом году его спустили на воду по заказу СССР судостроители Щецинской верфи Польской Народной Республики. На судне несут свою трудную вахту офицеры Военно-Морского Флота, специалисты — океанографы и гидрографы, моряки торгового флота.

В Лондоне первыми на борт поднялись представители прессы, радио и телевидения. В тот же день вечерние газеты поместили фотоснимки и сообщения своих корреспондентов о визите «Николая Зубова», а лондонское телевидение показало миллионам зрителей фильм-репортаж с борта нашего корабля. Визит «Николая Зубова» вызвал большой интерес и у жителей Лондона. Речной трамвай едва успевал доставлять на корабль посетителей.

Памятными для офицеров и матросов остались посещения ленинских мест, а их в Лондоне немало. Надолго запомнили моряки и посещение Хайгейтского кладбища. У памятника Карлу Марксу замер почетный караул. В торжественной тишине советские офицеры возложили венок на могилу основоположника великого революционного учения.

Н. КОЛЕСОВ

Ленинград — Лондон — Балтийск.

Фото автора.

Заместитель начальника гидрографической службы ВМС Великобритании капитан Роу поднимается на борт нашего корабля.

Капитан 1-го ранга В. Бородин дает автографы английским школьникам.

Квадратметры

Э. ХИРЕН

Москвичи знают, что последние кварталы Юго-Запада — это вечерний запах полей, прохлада близкого леса, свежесть скошенной травы. Еще никогда природа не вторгалась так властно в кварталы большого города. Мостик комбайна и сверкающий на солнце шпиль университета. Рядом с упругими стеблями пшеницы поднимаются новые дома. Плывут и плывут ввысь стены, потолки, полы будущих квартир, будущих «квадратных метров». А над ними стремительно проносятся воздушные лайнеры. Над Юго-Западом они снижаются перед посадкой. Днем и ночью не умолкает рокот бульдозеров, нервное пощелкивание стрел подъемных кранов, грохот гравия, ссыпаемого самосвалами, характерные звуки электросварки. И вот бульдозеры уложили в плотные тюки дернину лугов, а навстречу им уже мчатся панелевозы и грузовики с блоками. На тросах раскачиваются громадные бадьи с раствором. Как только бадья оказывается на земле, ее немедленно опрокидывают, и строители с жадностью начинают разгребать раствор. Так буквально на глазах деревенский пейзаж превращается в городской.

Еще час назад я видел эти тридцатые кварталы в третьей мастерской Моспроекта. То был макет. Чистенький и опрятный, как елочная игрушка. Перед нашим взором выстроились ряды домов, улицы, кварталы, вдаль уходили прямые стрелы тротуаров и автомагистрали, сверкали витрины магазинов, рекламы кинотеатров. Островком красовалась телефонная станция. Нам сказали, что это микрорайон особенный. В нем самый чистый воздух Москвы, он расположен на самом высоком месте, там никогда не будут дымиться трубы. Вернувшись с работы, люди получат заслуженный отдых. Да, на дорогу придется затрачивать немного больше времени, зато не понадобится таскать с собой авоськи — магазины будут под боком. Все под рукой. Не надо будет ходить «за спичками» в «соседний город». Далековат Большой театр, зато рядом свое кино, своя хорошая библиотека, своя зона отдыха, лодочная станция, лыжная база...

Молоденькие девушки и парни в белых накрахмаленных халатах— проектировщики и проектировщицы — с изяществом переставляли, переворачивали крошечные коробочки. Эти люди организуют пространство, говорил о них знаменитый зодчий Ле Корбюзье. От их таланта, от их творческого воображения и вкуса зависит многое в жизни людей. Дома, кварталы, улицы — все это дело их рук.

Что же бросилось в глаза, как только мы вступили, как любят говорить архитекторы, на натуру? Рядом с новыми домами допотопные рундуки, палатки, какие-то кургузые юрты — забегаловки. И тут нельзя было не вспомнить, сколько раз, перелистывая архитектурные журналы, мы любовались цветными фотографиями, эскизами так называемых малых форм архитектуры. Увы, в натуре эти малые формы оказались другими, впрочем, как и весь микрорайон, макет которого произвел такое сильное впечатление.

Иду по новым улицам и все больше и больше огорчаюсь. Тут почти все говорит о равнодушии и незаинтересованности. Новые дома с просмоленными швами стыков казались старыми, имели унылый вид, в особенности «траурные рамки» выделялись на белом фоне фасадов. Лужи, разбитый асфальт, груды сломанных панелей, блоков, лестничных маршей. Цепочки людей, балансирующих на дощечке, перекинутой через лужу возле троллейбусной остановки. Балансируют, привыкли. Ведь ко всему в конечном счете можно привыкнуть.

Буквально не найдешь здесь ни одного уголка, ни одной улочки, где было бы приятно побродить, посидеть, отдохнуть. Некоторые улицы напоминают район недавних боев. Лесок, что неподалеку, малодоступен жителям: дорог к нему нет. Много раз пригоняли сюда отряды дорожных машин, но они были заняты прокладкой шоссе, и о пешеходных дорожках никто не позаботился.

Было трудно сразу понять, кто здесь больше виноват: архитекторы или строители?.. Впрочем, коечто о взаимоотношении этих двух «родов войск» мне довелось уже слышать в Моспроекте. Присут-

НЫЕ ЖИЗНИ

ствовал я там на совещании, где обсуждались планы новых микрорайонов столицы в Медведкове, Химках-Ховрине, Кунцеве, Беляеве-Богородском. Совещание дельное. Никаких отвлеченных разговоров, речь шла о самом наболевшем. Архитекторы, рассказывая о новых стройках, повторяли один за другим: «Жалобы жильцов старые: нет дорог, нет магазинов, нет кино, нет поликлиники». Всех волновал вопрос о воплощении идей современного градостроительства, говорили, что многие строительно-монтажные организации грубо попирают эти идеи. Один из ораторов не без язвительности предложил не проектировать дворы, а отдать на откуп строителям территории вокруг домов, где по проектам предполагались цветники, детские площадки, сады. Он сказал: «Все равно строители и не глядят в наши планы, делают все по-своему». В Моспроекте я увидел фотовитрину, в которой довольно едко высмеивались изъяны микрорайона:

«На хорошем новом доме,
Как гробы, висят балконы».

Критиковались не только балконы, а буквально все виды планировки и благоустройства микрорайонов.

Вспомнились слова Гёте об архитектуре: можно делать ошибки, но нельзя строить ошибки.

Нельзя строить ошибки!..

Я попросил главного инженера Мосстроя № 3 Бориса Васильевича Власова помочь мне разобраться, кто же «строит ошибки». Борис Васильевич уже более тридцати лет строит новую Москву. Он и его товарищи воздвигли много прекрасных домов, кварталов и улиц столицы. Сотни тысяч людей благодарны им за добротные квартиры. Власов подозвал меня к окну, показал на большие многоэтажные красивые дома 1-й улицы Строителей. «Нравятся?»— спросил он. «Да,— ответил я.— Улица прекрасная». «Мы ее строили»,— услышал я в ответ. Надо сказать, что незадолго до этого беседовал я с известным архитектором Евгением Николаевичем Стамо. Он избегал разговора о новых панельных домах в кварталах, спроектированных им и его коллегами. И в то же время с горечью говорил о пренебрежительном отношении ко многим высказываниям талантливых и многоопытных архитекторов... Значит, подумал я, и строителям и архитекторам что-то в нынешнем строительстве не нравится. Но что именно?

Инженер Власов сказал, что жители великолепных кварталов на 1-й улице Строителей домами довольны.

— А вот за дома 34—35-го кварталов нам жильцы спасибо не говорят,— с горечью произнес другой инженер, начальник отдела Николай Григорьевич Рогачев.

И тут я увидел планы знакомых кварталов. Листы были захватаны руками, повсюду пририсованы квадраты, прямоугольники, кружочки, ломаные линии. Что все это значит? Оказывается, что когда микрорайон уже был выстроен, кому-то в Моссовете показалось, что дома слишком редко поставлены. Тут же начертили от руки прямоугольнички, и в скором времени между красиво распланированными домами втиснули новые.

Мои собеседники и не пытались черное выдавать за белое, хаос — за строгую планировку.

— Вот видите четыре прямоугольничка? Это четыре семнадцатиэтажных жилых здания, четыре, как у нас говорят, фиговых листочка. Мы их скоро начнем строить, закроем ими Чухлому.

— Как вы сказали? — переспросил я.

— Нет, нет, не обращайте внимания. Так мы только между собой говорим. Чухлома — это лагутенковские дома...

Но уже через несколько минут я вновь услышал слово «Чухлома». На сей раз дело тоже касалось лагутенковских тонкостенных домов, которые надо было поскорее чем-нибудь прикрыть, дабы не портили вида. Я спросил, кто же строил эти некрасивые дома. И в ответ услышал: «Мы же их и строили...»

Некрасивые дома... Но разве дело только во внешнем виде? Секретарь партийной организации Мосстроя № 3 Петр Михайлович Сомов сказал мне об этих домах так: «Стены промерзают, промокают. Потолки набухают, звукоизоляция отсутствует, и не просто отсутствует, а стены как бы усиливают звуки, и жильцам приходится друг друга упрашивать не пользоваться радио и телевидением, разговаривать потише, ходить в мягких туфлях. Но и это еще не все. Без преувеличения можно сказать, что дома эти нуждаются в постоянном «лечении». Их надо все время ремонтировать, поправлять. Но подобное «лечение» не предусмотришь никакими сметами. И бывает так, что бригады простаивают без работы, а ремонтом старых — да, эти дома очень быстро стареют — не занимаются.

Строятся дома с виду экономичные, дешевые, а в действительности очень дорогие. Их надо все время поправлять, все время чинить.

Дожди, порывистые ветры обнажили десятки дефектов. Надо заниматься заделкой панельных швов. Для этого требуется герметика. Тот самый состав, который ложится на белые фасады траурными рамками. Килограмм герметики стоит дороже килограмма сливочного масла, а на исправление одного пятиэтажного дома требуется не менее 280 килограммов. Тут следует заметить, что герметика эта далеко не всегда спасает. Выявляются новые дефекты».

В этих кварталах население равно старому губернскому городу. Но здесь нет ни кино, ни театра, ни библиотеки, ни больницы — они остались в макете. С большим опозданием построили магазины и поликлинику. И поныне жители лишены возможности пользоваться телефоном. Взять тот же кинотеатр — он предполагался, да кто-то где-то сказал, что это удорожит жилищное строительство, обойдутся, мол, и «Прогрессом». Далеко? Ну, что ж, прогуляются... И вот уже несколько лет жители кварталов «прогуливаются» в кино, где над кассой почти не снимается аншлаг «Все билеты проданы». «Прогресс» просто не в состоянии обслужить по меньшей мере три старых губернских города. Кстати, я выяснил, что затраты на строительство «Прогресса» окупились меньше чем за два года. Казалось бы, все ясно. Но вопросы градостроительства, как видно, решают порой архитекторы, лишенные практической жилки, не проявляющие интереса к экономике, нелюбопытные и невнимательные к тем, кому жить в микрорайоне. Помимо того, в них, видимо, сидит ведомственная «кочка зрения». Подсчитал, что якобы кино, магазины, кафе удорожат стоимость квадратного метра жилья, и сразу же — запрет... Такому и в голову не придет, что весь этот сервис принесет громадные доходы государству.

Примерно такая же судьба постигла и телефонную станцию. Правда, со временем коробку поставили, и все-таки квартиры продолжают существовать без телефона.

Не так уж трудно найти в новом районе недостатки. Впрочем, строители и без нас прекрасно знают изъяны своей работы. Речь совсем о другом. Сравнивая архитектуру с другими видами искусства, кто-то метко сказал: если вы взяли в руки роман и он вам не понравился, вы захлопываете книгу, или если пришли на выставку картин и вам не по душе они, вы уходите, а вот произведения архитектуры навсегда остаются с вами. Нравится вам ваш дом или нет, но вам жить в нем долго, да и не только вам, но и вашим детям, внукам. Наивно думать, что для человеческого счастья достаточно собрать шесть листов панелей, засыпать перегородки шлаком, поставить ванну, пустить горячую воду. Новая квартира—это и улица, и магазины, и кино, и библиотеки, и телефон, и пешеходные дорожки, и стоянки для мотороллеров и велосипедов. Это и стадионы, и теннисные корты, и лыжные станции, и школы, и детские площадки! И, конечно, новая квартира — это теплое, удобное, добротное жилье. Словом, все то, что и предполагалось, когда приступали к строительству. Ни архитекторы, ни строители не представляют себе города без кинотеатра, без библиотеки. В наше время таких городов не бывает. А вот же он, подобный город.

Более четырех лет этим кварталам. И все они пребывают в незавершенном виде — не город и не деревня. А что же, спросите вы? Чем-то все это напоминает черновики, но только с той разницей, что, когда их у литератора много, страдает бумага, а от строительных черновиков повседневно испытывают множество неудобств тысячи и тысячи жителей.

Строители утверждают, что многочисленные институты, конструкторские бюро и мастерские до сих пор не разрешили проблемы стыков, проблемы соединения панелей. Архитекторы, в свою очередь, жалуются на неточность строительных работ. Предприятия, изготовляющие блоки и панели, мало заботятся о качестве, прочности этих изделий. Дело в том, что доставленные на площадку детали браковать можно лишь после составления акта. Это все неминуемо займет много времени. И вот, чтобы всего этого избежать, предпочитают не ссориться, не задумываясь над тем, что каждый подобный компромисс сокращает жизнь домам, омрачает быт новоселов. Все это услышал я из уст строителей. Руководители стройки понимают драматичность своего положения. Они признаются, что при встречах с жильцами микрорайона стараются скрыть свою причастность к стройке: стыдно перед людьми.

Власов заметил, что не только они, строители, но и планировщики зачастую отказываются от авторства, заявляя, что дома они лишь... «привязывают». И все же я убежден, что и строителям и архитекторам далеко не безразлично, как выглядит воздвигнутый ими микрорайон. Но на протяжении многих лет с мнением этих людей мало кто считается, с них спрос один: побольше квадратных метров.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС рекомендует увязывать производство с возросшими потребностями и спросом населения. То, с чем мы столкнулись в этих кварталах, говорит о нарушении этих требований. Главный инженер Власов называет один за другим кварталы, соседствующие с теми, о которых идет здесь речь, где и сегодня повторяются ошибки, уже известные нам. Он называет Зюзино, Черемушки. Несмотря на то, что все уже убедились: нельзя так проектировать, нельзя так строить,— ошибки повторяют.

И еще одна немаловажная подробность. В этих кварталах все уже привыкли к тому, что новые квартиры с ваннами, кухнями, санузлами заняты под конторы техников-смотрителей, под сберкассы, почтовые отделения и т. д. Ведь заранее было известно, что для подобных организаций помещения потребуются, но не построили, а сейчас разбазаривают драгоценные квадратные метры новых квартир.

И тут же сразу задумываешься над тем, справедливо ли, что уже много лет типовые проекты широко не обсуждаются, что и архитекторы и строители предпочитают оставаться в неизвестности. Что это — скромность или стыд? Нельзя не вспомнить, что на многих прекрасных зданиях нашей столицы и поныне красуются имена их авторов. Все мои попытки познакомиться с авторами 34—35-го кварталов оказались безуспешными.

...В стране нашей ежедневно справляются тысячи новоселий. Это очень отрадно. Однако новоселы вправе требовать от архитекторов, строителей: микрорайон в натуре должен быть таким, как он задуман в макете...

Эмблема VIII чемпионата мира 1966 года

ПЕРЕД ФУТБОЛЬНЫМ ТАЙФУНОМ

Уже сегодня, почти за год до открытия чемпионата мира по футболу, известно, что первый матч начнется 11 июля 1966 года на лондонском стадионе «Уэмбли», ровно в 22 часа 30 минут по московскому времени. И на этом же стадионе еще через 19 дней, ровно в 21 час, прозвучит свисток арбитра, возвещающий о начале решающей игры, которая определит нового мирового чемпиона. Но это не значит, что восемь стадионов Англии уже готовы к приему гостей. Счастливое исключение являет лишь один столичный —«Уэмбли», а остальные семь стадионов и стары и старомодны.

Хозяева чемпионата решили увеличить емкость трибун, обеспечить обслуживание зрителей, репортеров и даже расширить некоторые поля, не соответствующие международным стандартам. Все это потребует расходов, и немалых.

Эта серьезная проблема была частично разрешена, когда в парламенте министр спорта Дэнис Хоуэлл объявил, что английское правительство предоставит футбольным клубам для реконструкции стадионов кредит в 500 тысяч фунтов стерлингов. Судя по сообщениям прессы, некоторые клубы в предвкушении приезда на чемпионат богатых туристов намерены весьма своеобразно использовать предоставленные кредиты. Журнал «Франс футбол», например, опубликовал под интригующим заголовком «Футбол, устрицы и шампанское» заметку следующего содержания:

«В связи с предстоящим чемпионатом мира клуб «Манчестер юнайтед» расширяет и модернизирует одну из основных трибун своего стадиона «Олд Траффорд». Впрочем, «модернизирует»— не то слово, которое нужно применить для обозначения удобств, предназначенных, чтобы угодить фешенебельной публике. Оборудуются роскошные ложи с перегородками из стекла. В ложе вмещается шесть человек, кресло у каждого снабжено телефоном внутренней связи с рестораном. Стоит только поднять трубку, и официант немедленно примет ваш заказ. Меню включает все деликатесы, начиная с устриц и кончая лучшими марками шампанского...»

Что же касается рядовых зрителей, то они о креслах с телефонами и не помышляют: на английских стадионах большинство мест, как правило, стоячие. Впрочем, и тут клубы, учитывая, что в европейских странах зрители привыкли смотреть футбол с удобствами, проявили известную гибкость: количество мест для сидения на трибунах будет увеличено.

Как известно, шестнадцать участников финального турнира будут разбиты на четыре группы, где каждая команда встретится с тремя остальными. Кто куда попадет, еще неизвестно. Полагают, что организаторы поступят так же, как во время предыдущего чемпионата в Чили. Это означало бы, что в каждую группу войдет по одному представителю южноамериканского футбола (Аргентина, Бразилия, Чили или Эквадор и Уругвай) и по одному «аутсайдеру» (команды, которые котируются явно ниже лидеров международного футбола). Еще два места в группах будут выявлены жеребьевкой между остальными участниками.

Итак, события развернутся на полях восьми стадионов, но главные битвы предстоят на «Уэмбли». Здесь будут выступать футболисты группы «А», пройдет одна из четвертьфинальных и полуфинальных встреч, матч за 3-е и 4-е места и финал.

Группа «Б» будет соревноваться в Мидлсбро (стадион «Эйрсом-парк») и Сандерленде, где на стадионе «Рокер-парк» состоится и один из матчей четвертьфинала.

Стадион «Гудисон-парк» в Ливерпуле, принадлежащий клубу «Эвертон», и «Олд Траффорд», собственность клуба «Манчестер юнайтед», чемпиона Англии 1964/65 года, примут команды группы «С». В Эвертоне также будут разыграны четвертьфинальная и полуфинальная встречи.

И, наконец, группе «Д» предстоит играть в Шеффилде на стадионе «Хилсбро» и в Бирмингеме, где один из старейших клубов страны, «Астон вилла», располагает стадионом «Вилла-парк». На поле «Хилсбро» состоится один из четвертьфиналов.

Английские газеты отмечают, что все эти стадионы расположены в радиусе 150—200 километров от Лондона. Стало быть, переезды команд из города в город не связаны с такими трудностями, как во время чемпионата в Чили, где, например, Сантьяго и Арику разделяло более тысячи километров.

Не возникает особых транспортных трудностей и перед болельщиками предстоящего чемпионата. Для переброски многочисленной армии любителей футбола из города в город будут использованы автобусы и специальные поезда. Мы не случайно сказали «специальные». Дело в том, что на ряде железных дорог Англии и Шотландии эти поезда были в начале года отменены: возвращаясь с матчей, болельщики настолько бурно реагировали на победы или поражения своих любимцев, что устраивали в вагонах форменные погромы: били стекла, выворачивали сиденья, ломали двери и т. д. Но ради чемпионата мира железнодорожные власти решились пойти на риск.

За последние годы традиционное хладнокровие стало изменять английским болельщикам. Не только в поездах, но и на стадионах имели место бурные эксцессы.

Победители VI международных соревнований мастера спорта Л. Кудин, З. Берман, А. Годованный, Г. Успенский.

Фото С. Прапора.

ПОДВОДНЫЙ СТАДИОН

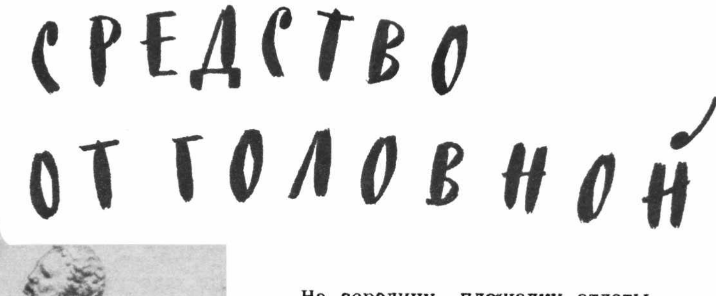
По-видимому, недалеко уже время, когда чемпионаты Европы по подводному спорту станут такими же обычными, как, скажем, по футболу и легкой атлетике. Быстро развивается молодой спорт.

Какой будет программа такого чемпионата? Прогнозы пока преждевременны. У острова Таити в Тихом океане сейчас, например, проводится чемпионат по подводной охоте. Но при всей увлекательности этого вида спорта, в котором результат определяется весом рыб, подводная охота постепенно утрачивает свое значение. Ей на смену идет по-настоящему спортивная программа с точным учетом секунд, курсов плавания под водой, водолазными работами. Именно по такой программе проводились недавно в Алуште VI международные соревнования.

На пять дней прибрежная полоса моря стала огромным подводным стадионом, в глубинах которого прокладывали свои курсы сильнейшие аквалангисты восьми стран Европы — СССР, Болгарии, Австрии, Италии, Венгрии, Чехословакии, ГДР, Польши. По существу, это было неофициальное первенство Европы, а еще точнее, его генеральная репетиция. Аквалангисты состязались в нырянии на 40 метров, плавании в ластах на тысячу метров, плавании с аквалангом по ориентирам и без ориентиров, в выполнении водолазных работ.

Победила 1-я сборная команда СССР. На втором месте — аквалангисты Италии, на третьем — Болгарии.

М. МАШИНСКИЙ

Сказания-мифы древних греков повествуют о таком спорте, как бокс. Покровитель искусств Аполлон «нокаутировал» однажды любителя войн Ареса. Что же касается состязаний людей, то выразительную картину кулачного боя впервые запечатлел полулегендарный Гомер в поэме «Илиада»:

На середину площадки атлеты, подпоясавшись, вышли.
Подняли разом один на другого могучие руки,
Сшиблись, и в быстрых размахах их руки смешались.

Уже тогда на руках бойцов были «перчатки»: кулаки обвязывали мягкими кожаными ремнями, в какой-то степени оберегавшими от увечий лицо противника. Однако позднее стали употреблять жесткие ремни — для усиления ударов. Наконец, ремни снабдили особыми металлическими пуговицами — с той же «разящей» целью — и прозвали их «муравьями». Победную перчатку в окружении двух призовых пальмовых ветвей демонстрирует нам старинная монета города Смирны.

Судьи состязаний запрещали бойцам обхватывать друг друга руками, ставить подножки, но разрешали бить упавшего наземь, если он не признавался в поражении. Во внимание принимались удары, наносившиеся лишь в голову, причем награждали того победителя, кто, ловко увертываясь, выходил из боя без серьезных повреждений.

Травмы, в особенности от «муравьев», оказывались зачастую очень тяжелыми, несмотря на спе-

Поэтому принимаются разные меры, чтобы во время матчей мирового первенства неприятных инцидентов не было. Так, например, пиво и прохладительные напитки решено продавать — предосторожности ради — посетителям стадионов только в бумажной таре! Как сообщает агентство Юнайтед Пресс, впервые в истории английского футбола во время игр между трибунами и полем будут патрулировать полисмены с собаками, усиленные наряды полиции установят дежурство на трибунах и во всех проходах. Словом, старая добрая Англия готовится встретить во всеоружии надвигающийся тайфун футбольных страстей.

Какие сложности ожидают участников предстоящего финального турнира? У разных команд разные. Как известно, англичане (хозяева чемпионата) и бразильцы (нынешние чемпионы мира) избавлены от участия в отборочных играх. Получить беспроигрышные билеты на право участия в финальных матчах неплохо, но есть здесь и оборотная сторона медали: обе команды лишаются возможности «обкатки» в ответственных международных встречах. Поэтому и тренер англичан Альф Рамсей и тренер бразильцев Висенте Феола озабочены тем, чтобы их подопечные имели все же достаточное число встреч с сильными противниками. У сборной Англии будет около двадцати таких встреч еще в нынешнем сезоне, в том числе с командами Австрии, Уэльса, Сев. Ирландии, Испании, возможно, с поляками и шотландцами. Бразильские футболисты в ноябре выступят в Лондоне, а затем у себя в Рио примут сборную СССР.

Уже объявлено, что 22 июня 1966 года сборная Бразилии в составе 22 человек выедет в Европу и обоснуется в небольшом шведском городке Атвидаберге, где климатические условия схожи с манчестерско-ливерпульскими. Там бразильцы до самого отъезда в Англию (7 июля) будут тренироваться — играть с клубными командами Швеции, Дании и другими спаринг-партнерами.

Пока «футбольные визы» на Британские острова, кроме бразильцев, получили только команды Аргентины, Уругвая и Мексики. Остальных одиннадцать финалистов можно называть лишь условно. Достаточно сказать, что вопрос: «Италия или Шотландия?» — может быть решен только 7 декабря, в последнем отборочном матче между сборными этих стран. Лишь после этого победитель сможет составлять реальные тренировочные планы. Во всяком случае, кандидатам в финал нужно продумать многое. Не случайно главный тренер сборной Аргентины Хосе Минелла заявил, что с января будущего года его подопечные, включенные в команду, начнут усиленно изучать английский язык. «Без языка, как без ног», — пошутил по этому поводу тренер. Что ж, в этой шутке есть доля истины, и, возможно, примеру аргентинцев последуют другие участники чемпионата.

Итак, в субботу, 30 июля 1966 года, станет известен обладатель золотой статуэтки богини победы — Нике, символизирующей мировой футбольный приоритет. Пути богини неисповедимы. Возможно, статуэтка после VIII чемпионата закончит свои путешествия по белу свету, ведь приз становится собственностью команды, которая завоюет его трижды. По две победы в активе имеют уругвайцы, итальянцы и бразильцы, но Нике — капризная богиня и не отличается, как мы знаем, постоянством!

В. ДИНОВ

ОТБОР МЯЧЕЙ

Началась подготовка к чемпионату мира по футболу, который состоится в будущем году в Лондоне. Организаторы матча уже приступили к отбору мячей. Мячи должны иметь строго определенный диаметр, вес и быть хорошо видны на экранах телевизоров.

БОЛИ

циальные колпаки и повязки, прикрывавшие голову и уши. Например, в эпиграмме, адресованной некоему Стратофону, говорилось: «Когда царь Одиссей возвратился домой после странствий, дворовый пес признал своего хозяина. Тебя же после четырехчасового боя не узнать не только собакам, но и твоим согражданам. И если ты поглядишь на себя в зеркало, то скажешь сам: «Действительно, это не Стратофон». В слова эпиграммы можно поверить. Знаменитый атлет Теаген, одержавший за свою жизнь до 1 400 побед, был прозван сыном Геракла — за силу удара. Боец разбивал кулаком не только дерево, но, как утверждали, и камни.

У греков не существовало ни классификации спортсменов по весовым данным, ни раундов. Каждое состязание продолжалось до тех пор, пока один из соперников не изнемогал и не поднимал руку в знак своего поражения. Сильнейшему, наиболее выносливому и ловкому атлету воздвигали статую почета.

Искусные художники-вазописцы живо воспроизводили сцены кулачного боя на глиняных наградных амфорах-кубках. На кубке VI века до новой эры, который был найден археологами в кургане кубанской станицы Елизаветинской (ваза попала туда из греко-скифских городов Северного Причерноморья, где весьма увлекались спортом), как раз представлен момент такого состязания. Победитель с поднятым кулаком стоит над поверженным противником, а по сторонам от них — судья с жезлом и еще один боец.

По мнению древнегреческих врачей, постоянные упражнения в кулачном бое излечивают хронические головные боли.

Вл. БРАБИЧ, Г. ПЛЕТНЕВА

На московском поле столичные и ленинградские мотоболисты.

СОЮЗ МЯЧА И МОТОРА

Они родились в разное время — мяч и мотоцикл. Еще великий Леонардо да Винчи свидетельствует о том, что мячи, изготовляемые из шкур животных, были известны древним грекам, а мотор внутреннего сгорания на двух колесах появился всего лишь в прошлом веке. Но тьма тысячелетий, их разделяющая, не стала препятствием к союзу мяча и мотора. А в результате перед нами спортивная игра — мотобол.

Мяч катится по зеленому полю, а за ним — дым, треск, оглушающий рев моторов. Мотоциклы, мяч, футбольные ворота... И борьба, борьба за гол, требующая большого технического мастерства, тонкого тактического расчета.

Мотобол в основе своей — это тот же футбол, но футбол двадцатого века, моторизованный. Всего два года у нас развивается эта игра, а успехи несомненны. Спор идет на высоких скоростях и носит острый характер; бывает, упрутся, как два быка, мотоболисты... Но все это — только мгновение, а затем снова катится мяч, снова мчатся к воротам быстрые машины.

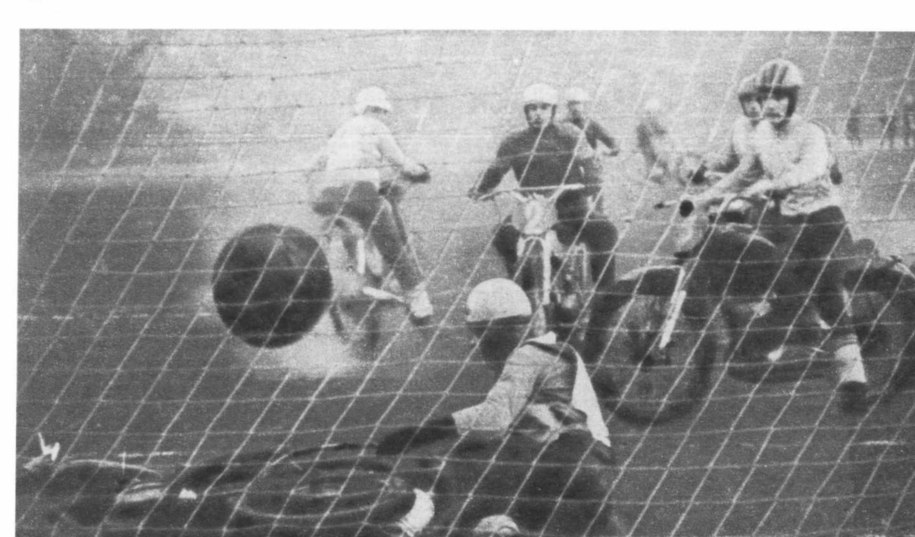
Игрок за рулем! С одной стороны, это ограничивает его возможности, но, с другой, дает целый ряд преимуществ перед нашим футболистом. Мотоболист по скоростям вполне может соперничать с хоккеистом, совершать молниеносные прорывы.

Играют в мотобол на обычном футбольном поле, с теми же воротами и той же разметкой. Команда состоит из пяти игроков — вратаря, защитника и трех нападающих. У вратаря те же обязанности, что и у футбольного голкипера, только по правилам игры он несколько «ущемлен»: парируя мяч, он не должен отрываться от мотоцикла. Правда, мяч по диаметру гораздо больше футбольного. Выступают спортсмены на «Ковровцах 175».

В нынешнем году впервые разыгрывается официальный чемпионат Советского Союза. В нем участвуют команды девяти республик, Москвы и Ленинграда. Высоко расцениваются шансы мотоболистов Казахстана, двукратного обладателя Кубка журнала «За рулем», и спортсменов из Элисты — победителей прошлогодних первых союзных соревнований. Но не будем забегать вперед, решающие встречи мотоболистов еще впереди.

Раф. ДАНЕЛЯН

Гол!

Село Чулково.

СНЕГ НА ГОЛОВУ

Капусте это даже на пользу.

ЗАБАВНЫЕ

ДЕТЕКТИВЫ И ТОРГОВЛЯ

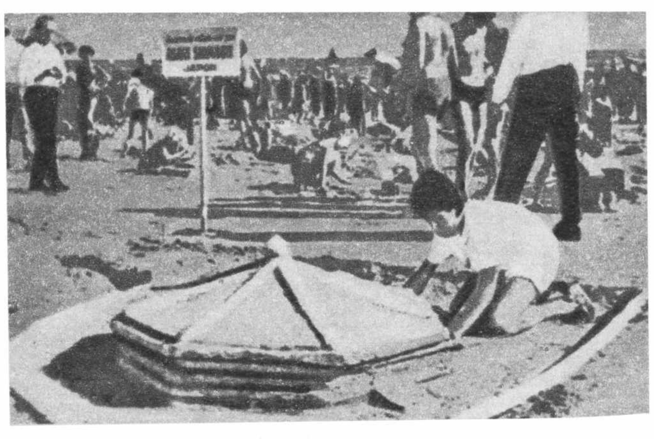
В одном из французских магазинов используется новый прием рекламы. Продавщицы заворачивают покупки в бумагу, на которой напечатан отрывок из детективного романа. Продолжение — на новой партии бумаги через неделю.

●

СОВРЕМЕННЫЕ ДИОГЕНЫ

Югославское курортное местечко Костаньевицу на острове Крк в этом году посетило более тридцати тысяч туристов. Директору местной гостиницы, чтобы расселить гостей, пришлось использовать все, вплоть до пустых винных бочек. Из этого бочонка в 65 гектолитров получилась совсем неплохая спальня.

ПЕСЧАНАЯ ПАГОДА

Кто из нас в детстве не увлекался сооружением крепостей и башен из песка? Но не все знают, что по этому виду скульптурного искусства проводятся соревнования среди детей. Недавно на пляже французского курорта Ла-Бола состоялось седьмое международное состязание маленьких ваятелей из многих стран. Одним из победителей оказался японский мальчик Нобойюку Коминанья, соорудивший из песка пагоду.

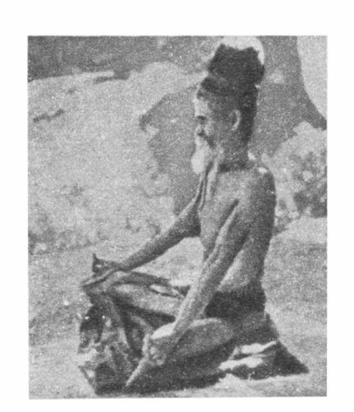
●

ОБЕТ МОЛЧАНИЯ

Этот шестидесятипятилетний йог Муни живет в окрестностях Мадраса. Еще четырнадцать лет назад он дал обет молчания, и поэтому никто не знает о его прежней жизни. Он пользуется любовью и уважением населения окрестных сел.

Старец переговаривается только знаками. Муни, как все настоящие йоги, не имеет ничего, кроме подстилки и набедренной повязки. Горсть бананов и несколько апельсинов — вся его пища.

Однако, несмотря на преклонный возраст, он бодр и совершенно здоров.

ВОСЕМЬ ЛЕТ РАБОТЫ

Англичанин Бертрам Ото соорудил гигантскую модель железной дороги, занимающую площадь 400 квадратных метров. На этом пространстве расположены миниатюрные рельсы общей протяженностью более шести километров. По ним движутся 400 локомотивов разного типа. Возле вокзала расположена часть города с улицами и автобусами и расставлены 8 тысяч фигурок людей. Постройка грандиозной модели продолжалась восемь лет.

●

ПЧЕЛЫ АТАКУЮТ

Несколько больших пчелиных роев обрушилось на японское село Готанда, расположенное к югу от Токио. Несмотря на удушающую жару, жителям пришлось наглухо закрыть окна и двери своих домов и отсиживаться, пока не подоспела вызванная по телефону помощь. Специальные бригады с трудом освободили село от этой осады.

В ночь с 10 на 11 октября в Москве и Подмосковье повалил снег. К утру все побелело. Деревья, еще зеленые, покрылись белыми хлопьями, как весенним цветом. Тугие кочны капусты под снегом набирают силу. Ну, а ребятишкам праздник!

Эти фотографии сделаны нашим фотокорреспондентом Б. Кузьминым в подмосковном совхозе имени Тельмана.

Ребята в восторге.

мелочи

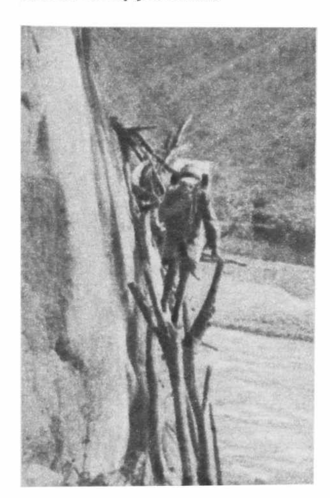

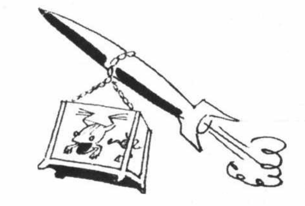
ДАЧА НА РЕССОРАХ

В Польше стали выпускать прицепные дачи на рессорах — благоустроенные и уютные летние домики. Дачу можно собрать и разобрать буквально за несколько минут — недаром она называется «гармоникой».

ТРОПЫ НАД ПРОПАСТЬЮ

На снимке не леса стройки, а одна из самых обычных дорог в Непале. Жители передвигаются вдоль отвесных ущелий, используя вот такие сооружения.

ЖАБЫ В КОСМОСЕ

Руководство физической лаборатории университета в Балтиморе сообщило, что вскоре на орбиту вокруг Земли будет выведен искусственный спутник с контейнером, заполненным водой, в котором совершат космическое путешествие две жабы.

КОШАЧЬИ ГОНКИ

Ежегодно в городе Литл-Рок (США) устраиваются кошачьи гонки. Награда за победу на дистанции в 150 метров составляет две тысячи долларов.

РОЖДЕНИЕ КАЗУАРА

В Дрезденском зоопарке родился птенец казуара. Родина этих красивых и сильных птиц — Австралия и Новая Гвинея. Появление на свет казуара в неволе — явление чрезвычайно редкое.

ЧИХАЮЩИЙ ГРУЗ

Таможенные власти английских портов в последнее время задержали двадцать безбилетных пассажиров. Капитаны утверждали, что они никому не давали согласия на бесплатный проезд и что судна перед отплытием тщательно проверялись. Как выяснилось, безбилетники совершали путешествие в больших ящиках, которые сдавались их родственниками как багаж с надписями «стекло» или «мебель».

Для борьбы с подобными «зайцами» сейчас применяется следующий способ: каждый подозрительный багаж по прибытии в порт назначения посыпается порошком, вызывающим чиханье. Безбилетный пассажир быстро себя разоблачает.

КОФЕЙНИКУ — 187 ЛЕТ

В Петродворце, в Красном пруду, найден старинный кофейник. На дне кофейника обнаружена надпись на немецком языке и дата «Герхард. 1778». Это, очевидно, имя мастера или название фирмы. Находка поступила в фонд Дирекции дворцов-музеев и парков.

Г. СНЫТКО.

Ленинград

ПАЛКА-ФОНАРЬ

Эта палка с фигурной ручкой способна освещать дорогу ночью. В нее вмонтирован аккумуляторный ручной фонарь.

На переднем выступе ручки устроен зеркальный отражатель с лампочкой. Кнопка включения установлена на нижней части ручки. Сконструировал палку-фонарь Омар Камалов.

Юсуп ХАЙДАКОВ

Дагестанская АССР, село Кумух.

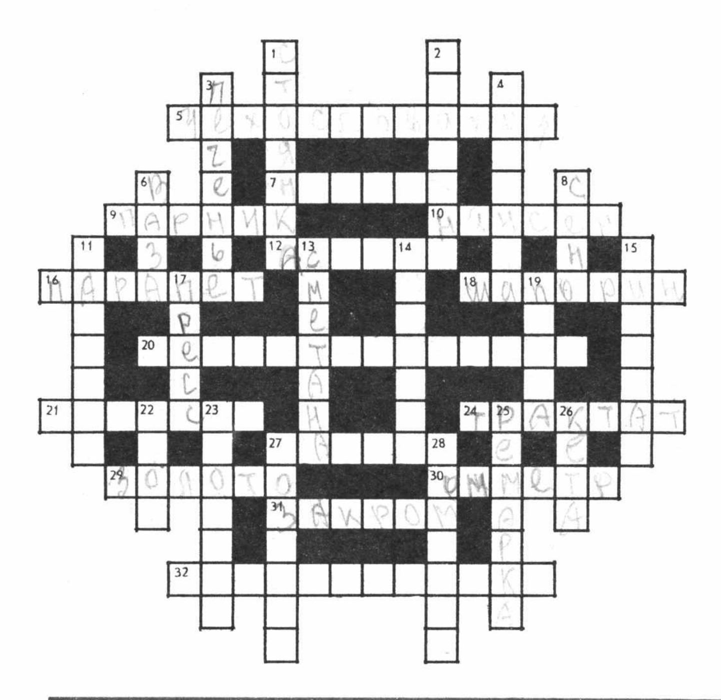
ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Будучи в отпуске, я часто наблюдал эту сценку, которая запечатлена на фото.

П. БЕЛЯЕВ

г. Новосибирск.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Государство в Европе. 7. Азербайджанский поэт XII—XIII веков. 9. Укрытие для выращивания рассады и овощей. 10. Норвежский исследователь Арктики. 12. Высокая пальма. 16. Ограда, перила вдоль моста, набережной. 18. Автор оперы «Декабристы». 20. Чтение, сопровождаемое музыкой. 21. Вяжущий материал, применяемый в строительстве. 24. Научное сочинение. 27. Минерал для шлифовки. 29. Благородный металл. 30. Прибор для измерения электрического сопротивления. 31. Место в амбаре для ссыпки зерна. 32. Фольклорный жанр.

По вертикали:

1. Древнейшее поселение первобытных людей. 2. Млекопитающее семейства дельфиновых. 3. Кондитерское изделие. 4. Приток Лены. 6. Декоративный сосуд. 8. Корм для скота. 11. Навес над витриной. 13. Молочный продукт. 14. Морская птица. 15. Курорт в Литовской ССР. 17. Сестры-спортсменки. 19. Лопасть гребного колеса. 22. Пушной зверек. 23. Инструмент скульптора. 25. Примечание к тексту пьесы. 26. Промысловая рыба. 27. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 28. Органическое удобрение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

6. Лобачевский. 8. Саади. 10. Диалог. 11. Резеда. 12. Мокка. 15. Шпагат. 17. Фанера. 18. Мородунка. 19. Бронза. 21. Сахара. 23. Мираж. 25. Десерт. 26. Чогори. 27. Шихта. 29. Акселератор.

По вертикали:

1. Долгота. 2. Марс. 3. Ремарк. 4. Ясли. 5. Гигиена. 7. Каварадосси. 9. Регенератор. 13. «Осколки». 14. Капуста. 16. Тропа. 17. Фикус. 20. Зарядка. 22. «Апостол». 24. Рихтер. 27. Шлем. 28. «Абай».

На первой странице обложки: В павильоне «Химия» Академии наук СССР на ВДНХ.

Фото Г. Макарова.

На последней странице обложки: По новой дороге в школу (см. в номере репортаж «За облаками Ала-Бель»).

Фото Л. Шерстенникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

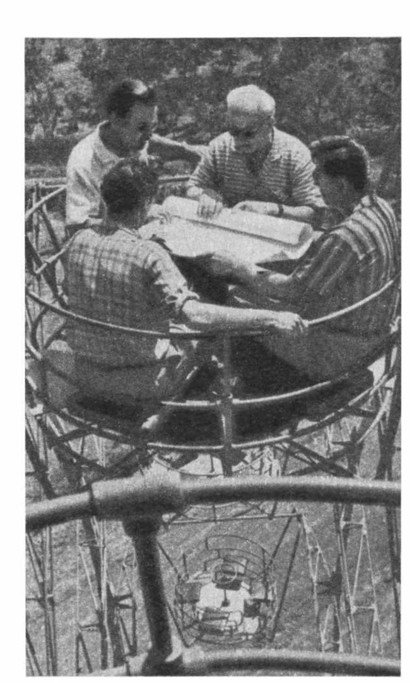
Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02081. Подписано к печати 13/X 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2657. Тираж 1 850 000. Изд. № 1889.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

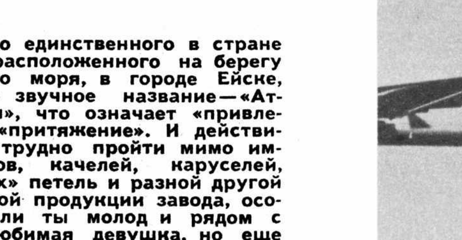
ВЕСЕЛЫЙ ЗАВОД

Совещание на высшем уровне.

Л. БОРОДУЛИН.

Фото автора.

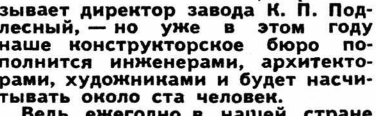
У этого единственного в стране завода, расположенного на берегу Азовского моря, в городе Ейске, довольно звучное название — «Аттракцион», что означает «привлечение», «притяжение». И действительно, трудно пройти мимо иммельманов, качелей, каруселей, «мертвых» петель и разной другой развеселой продукции завода, особенно если ты молод и рядом с тобой любимая девушка, но еще труднее, если ты не очень молод и рядом с тобой дети.

Есть у веселого завода и свой, не менее веселый испытательный полигон — городской парк имени Поддубного и надежные испытатели — жители города. Это они первыми «обкатывают» лучшие образцы. В такие дни в парке можно увидеть всех, кто внес свою лепту в создание новой модели.

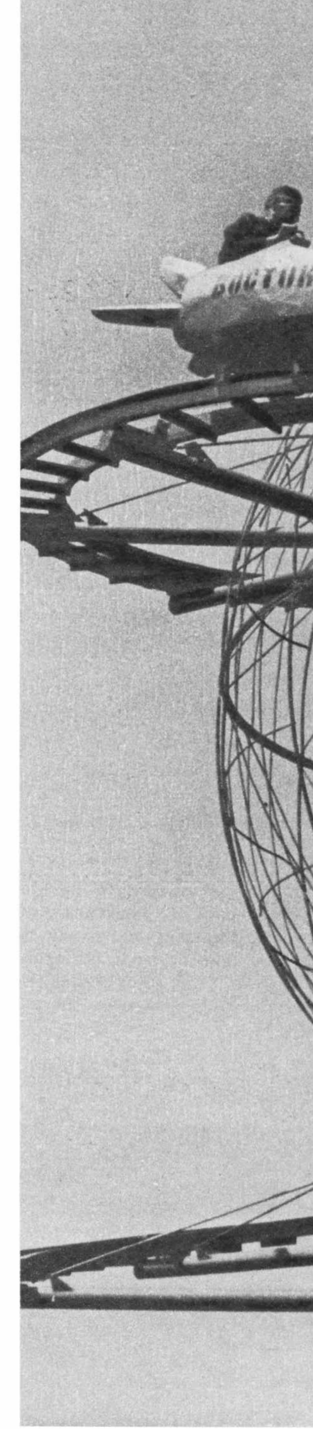
«Сейчас нас немного, — рассказывает директор завода К. П. Подлесный, — но уже в этом году наше конструкторское бюро пополнится инженерами, архитекторами, художниками и будет насчитывать около ста человек.

Ведь ежегодно в нашей стране возникают новые города и рабочие поселки, и в каждом из них есть парк. А какой же это парк, если нет в нем аттракционов?»

Поистине колоссальна нужда в продукции «веселой индустрии», и удовлетворить ее не в состоянии один завод в Ейске. А когда качели в Хабаровск возят с Азовского моря, это напоминает пословицу: за морем телушка — полушка, да рубль перевоз.

Но дело не только в количестве. Нельзя современными ракетами заменять лошадок и осликов на каруселях, которыми пользовались наши отцы и деды. Царство веселья нуждается в новых аттракционах, созданных на основе современных достижений техники и электроники, а его промышленность — в безотлагательной помощи. Тогда ракеты, начиненные большим зарядом бодрости и отличного настроения, выйдут на высокую орбиту.

На орбите.

Испытатели ракетной техники — ребята города Ейска.

Монтируется «колесо обозрения».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663